

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»
Институт филологии и массовых коммуникаций
Кафедра немецкого и французского языков

На правах рукописи

ЖИГАЧЕВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

**КОНЦЕПТ *БАЙКАЛ*
В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Г.С. Доржиева

Улан-Удэ - 2015

Содержание

Введение	3
Глава 1. Теоретические и методологические основы изучения концептов	
1.1. Историческое развитие представлений о термине <i>концепт</i>	12
1.2. Средства вербализации концептов.....	33
1.3. Структура и методика описания концептов.....	47
1.4. Исследование концептов в рамках дискурса.....	66
Выводы.....	76
Глава II. Концепт <i>Байкал</i> в региональном дискурсивном пространстве	
2.1. Концепт <i>Байкал</i> в художественном дискурсе.....	77
2.1.1. Концепт <i>Байкал</i> в фольклорном дискурсе.....	78
2.1.2. Концепт <i>Байкал</i> в прозаическом дискурсе.....	108
2.1.3. Концепт <i>Байкал</i> в поэтическом дискурсе.....	113
2.2. Концепт <i>Байкал</i> в юридическом дискурсе.....	120
2.3. Концепт <i>Байкал</i> в региональной прагматике.....	127
Выводы.....	140
Глава 3. Макроструктура концепта <i>Байкал</i>	
3.1. Понятийная составляющая концепта <i>Байкал</i>	142
3.2. Образная составляющая концепта <i>Байкал</i>	169
3.3. Ценностная составляющая концепта <i>Байкал</i>	186
3.4. Ассоциативное поле концепта <i>Байкал</i>	201
Выводы.....	218
Заключение	220
Литература	225
Сокращения	255
Приложения	256

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование посвящено изучению концепта *Байкал* в лингвокультурологическом аспекте. Языковая фиксация концепта в региональном дискурсивном пространстве хранит и транслирует уникальную полиэтническую культуру, историческое наследие региона. Динамика развития концепта отражает специфику развития лингвосоциума в конкретный исторический период, что дает возможность понять, какие объекты и явления материальной и духовной культуры имеют наиболее значимую ценность для данного общества.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной лингвистической науки к изучению особенностей познания человеком окружающей действительности, механизмов ментальной деятельности человека, а также различных форм репрезентации знания. Изучение имен собственных в лингвокультурном аспекте, являющихся объектом ономастики, тесно связанной с человеческим фактором, дает возможность расширить поле исследования с использованием комплексной методики анализа. Данный подход обуславливает актуальность исследования, посвященного целостному рассмотрению ономастического концепта *Байкал*, ранее не подвергавшегося подобному анализу. Концепт *Байкал* является ключевой константой региональной лингвокультуры. Первоначально обозначив элемент менталитета и культуры коренных народов региона, гидроним *Байкал* активно заимствовался вместе с этнической культурой, превратившись в артефакт других культур, получив, таким образом, широкую известность. Тополексема *Байкал* принадлежит к числу важнейших культурных концептов в языковой картине мира такого полиэтничного региона, каким является Республика Бурятия. Исследование концепта позволяет выявить духовные ценности народов, населяющих территорию Бурятии, объяснить архетипические образы и представления, динамику формирования и функционирования языкового сознания в межкультурной этнической среде.

Объект исследования – процесс концептуализации топонимемы *Байкал* в региональном дискурсивном пространстве.

Предмет исследования – языковые средства объективации компонентов концепта *Байкал* в региональной лингвокультуре.

Целью данного исследования является комплексное лингвокультурное и когнитивно-дискурсивное изучение концепта *Байкал*, его структурных и языковых средств объективации.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих **задач**:

- 1) систематизация основных направлений изучения концептов на современном этапе;
- 2) анализ методической основы описания рассматриваемого концепта, релевантных для собственно-лингвистического исследования;
- 3) описание дискурсивного пространства концепта *Байкал*;
- 4) составление авторской картотеки контекстов употребления ключевой лексемы;
- 5) выявление языковых средств объективации компонентов концепта *Байкал* в региональной концептосфере.

Гипотеза исследования. Концепт *Байкал* занимает особое место в лингвокультурном пространстве многонациональной Республики Бурятия и репрезентируется в различных дискурсах, в рамках которых раскрывается его структура и реализуются уникальные когнитивные признаки.

Исследование проводилось на основе **материала**:

- 1) энциклопедические словари («Новый и полный географический словарь Российского государства», 1788; Ф. А. Брокгауз, А. Ефрон. «Энциклопедический словарь», 1890—1907; «Большая советская энциклопедия», 1969; Е. Г. Банда «Советский Союз. Географическое описание в 22 томах. Восточная Сибирь», 1969; «Словарь географических названий СССР», 1983; В.Н. Ярцева «Большой энциклопедический словарь. Языкознание», 1998; Е. М. Поспелов «Географические названия мира:

Топонимический словарь», 2001; Д. В. Громов «Энциклопедия сакральной географии», 2005; В. М. Котляков «Словарь современных географических названий», 2006; «Энциклопедия Туризма Кирилла и Мефодия», 2008);

2) этимологические и толковые словари (М. Фасмер «Этимологический словарь русского языка», 1986; С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова «Толковый словарь русского языка», 1999; П. Я. Черных «Историко-этимологический словарь современного русского языка», 1999; К. С. Горбачевич «Большой академический словарь русского языка», 2005), а также словари синонимов (З. Е. Александрова «Словарь синонимов русского языка», 2010; Тришин В. Н. «Большой словарь-справочник синонимов русского языка», 2015);

3) ассоциативные словари (А. А. Леонтьев «Словарь ассоциативных норм русского языка», 1973; Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова «Русский ассоциативный словарь / Ассоциативный тезаурус современного русского языка», 2003; Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов «Славянский ассоциативный словарь», 2004);

4) 136 художественных произведений (авторская картотека примеров употребления лексемы *Байкал* составляет 894 контекста употребления лексемы *Байкал*), в том числе – 64 произведения фольклора (349 контекстов), 2 романа (378 контекстов) и 70 стихотворений (167 контекстов);

5) 44 международных, российских и региональных нормативно-правовых актов (489 контекстов);

6) 182 прагмонима (названия организаций, объединений, мероприятий) и 63 товарных знака;

7) данные ассоциативного эксперимента, проводимого в 2013-2015 г.г., в ходе которого были опрошены 200 человек (1706 реакций).

Теоретической и методологической основой диссертации послужили идеи, положения и выводы, изложенные в трудах отечественных

и зарубежных ученых: в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии (Н. Д. Арутюнова, 1988; Е. С. Кубрякова, 1994; Ю. С. Степанов, 1995; В. И. Карасик, 1998; А. А. Залевская, 2001; З. Д. Попова, И. А. Стернин, 2001; С. Г. Воркачев, 2002; М. В. Пименова, 2004; В. А. Маслова, 2007; М. Джонсон, Дж. Лакофф, 1980; Р. Джакендофф, 1983; Л. Талми, 1988; Р. Лангакер, 1991; С. Вэксмэн, 1991; Дж. Фодор, 1996 и др.), ономастических исследований (В. А. Никонов, 1965; Э. М. Мурзаев, 1970; Е. М. Поспелов, 1975; Ю. А. Карпенко, 1981; О. Н. Трубачев, 1986; В. Н. Топоров, 1995; В. И. Супрун, 2000; А. В. Суперанская, 2007; Е.Л. Березович, 2009; Л. В. Шулунова, 2010 и др.), психолингвистических исследований (А. Н. Леонтьев, 1997; Н. В. Уфимцева, 2000; А. А. Залевская, 2001; Е. И. Горошко, 2001 и др.), региональной фольклористики и литературоведения (М. Г. Воскобойников, 1967; Е. В. Баранникова, 1978; С. С. Бардаханова, 1981; М. П. Хамаганов, 1993; М. И. Хамгушкеева, 1998; А. Г. Румянцев, 2000; Е. Д. Гымпилова, 2005; Д. Г. Дамдинов, 2007; С. Ж. Балданов, 2008; Д. Д. Санжина, 2010; Л. Ц. Малзурова, 2010; Е. Ф. Афанасьева, 2011; Л. Ц. Санжеева, 2010; С. П. Балдаев, 2012; И. С. Болдонова, 2012 и др.), а также региональных исследований, посвященных Байкалу (Г. Д. Санжеев, 1983; Г. Л. Санжиев, 1999; С. А. Гурулев, 1989; Д. Д. Нимаев, 2000; А. К. Тулохонов, 2011; А. В. Иметхенов, 2013 и др.).

Для реализации поставленных задач в работе используется комплекс следующих **методов**: *описательный*, предполагающий сбор, каталогизацию и систематизацию языкового материала для установления наиболее актуальных и устойчивых связей тополексемы *Байкал* и определения их особенностей; *исторический* – для определения временной соотнесенности рассматриваемого концепта; *сопоставительно-типологический* – для выявления общих и частных характеристик топонима; *метод концептуального анализа*, позволяющий рассмотреть язык как порождаемое человеческой мыслью ментальное образование и одну из важнейших систем репрезентации знаний человека; *этимологический*, *лексико-семантический* и

метод количественного анализа. Кроме того, были применены: метод контекстуальной интерпретации собранного языкового материала, метод ассоциативного эксперимента, метод синхронно-диахронного анализа, метод сплошной выборки языковых репрезентантов рассматриваемого концепта.

Научная новизна работы определяется выбором объекта исследования и средств его изучения. Впервые используется комплексный подход к анализу компонентов концепта *Байкал*, который соотносится со многими объектами окружающего мира. Данный ареал исследования ранее не рассматривался в региональной топонимике. Концепт *Байкал*, его структура, концептуальные признаки на материале лексикографических источников и регионального дискурсивного пространства рассматриваются впервые. Материал исследования углубляет данные региональной топонимики и дополняет историко-культурные сведения о Бурятии.

Теоретическая значимость. Данная работа способствует развитию междисциплинарного и лингвокультурного подходов к изучению имен собственных. Теоретически значимым является уточнение и детализация методики описания ономастических концептов в региональной лингвокультуре. Данная методика может быть применена при проведении как монолингвистических, так и сопоставительных исследований. Изучение актуальных работ последних лет, как на русском, так и на английском, немецком и французском языках обеспечивают комплексный анализ теоретических и эмпирических вопросов по теме исследования.

Практическая значимость диссертации определяется в выявлении компонентов концепта *Байкал* в региональной концептосфере и дискурсивном пространстве. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших исследованиях по топонимической семантике в лингвокультурном аспекте. Полученные материалы могут применяться в межрегиональных исследованиях, а также для разработки курсов лекций по лексикологии, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, этнолингвистике, ономастике, регионоведению. Результаты исследования

будут полезны для продвижения туристических брендов и проектов Республики Бурятия, в рекламных проспектах, товарных знаках, при формировании дальнейшей этноязыковой политики региона и т.д.

Достоверность полученных результатов определяется анализом конкретного материала и объемной исследовательской и теоретической базой, учитывающей труды отечественных и зарубежных ученых.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Байкал – это объект особого исторического, культурного и геополитического статуса. Концепт *Байкал* в региональном лингвокультурном пространстве актуализирует базовые ценности духовной культуры народов Бурятии.

2. Концепт *Байкал*, представляя собой динамичное единство, транслирует пространственные, этно- и социокультурные характеристики, что определяет его исключительную роль в масштабах Байкальского региона, России и мирового сообщества в целом.

3. Структура концепта *Байкал*, характеризующаяся наличием трех составляющих, разворачивается в рамках регионального дискурсивного пространства, при этом базовым признаком становится «уникальность», а дополнительными – исключительность, значимость и феноменальность.

4. Ассоциативное поле концепта *Байкал* представляет собой иерархически организованную структуру с ядерной и периферийной зонами, в рамках которых репрезентируются понятийные, образные и ценностные ассоциации. Частотность ассоциативных реакций, актуализирующих реалии наивной и научной картин мира, свидетельствует о динамичности и гибкости рассматриваемого концепта.

Апробация работы. Основные положения работы изложены в статьях и докладах на конференциях в Лондоне, Нью-Йорке, Вене, Улан-Баторе, Москве, Смоленске, Саратове, Твери, Иркутске и Улан-Удэ. Научное исследование обсуждалось на заседаниях кафедры общего и исторического языкознания филологического факультета БГУ (2012 - 2014 гг.); кафедры

немецкого и французского языков ИФМК БГУ (2014 - 2015 гг.); научных конференциях по топонимике (Москва, Топонимическая комиссия Русского географического общества, 2013, 2014, 2015), международной научно-практической конференции «Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность - VII» (Улан-Удэ, 2013); IX всероссийской научной конференции «Проблемы систематики языка, речи и речевой деятельности» (Иркутск, 2015); ежегодной научно-практической конференции преподавателей Бурятского госуниверситета (Улан-Удэ, 2014); межвузовских методических семинарах «Межкультурная коммуникация: аспекты лингводидактики» (Улан-Удэ, 2013), «Теория и практика преподавания востоковедных дисциплин» (Улан-Удэ, 2013, 2014). Основные результаты диссертационного исследования нашли отражение в 19 научных публикациях, общим объемом 8,3 п.л., включая 6 статей в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК МОиН РФ.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, приложений и списка сокращений. Работа иллюстрирована 7 таблицами, 10 схемами и 1 рисунком. Объем диссертации составляет 254 страницы. Список литературы включает 348 названий, из них 28 на иностранном языке.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение языка как продуктивного способа интерпретации человеческой культуры – одна из основных задач современных лингвокультурологических исследований. Лингвокультура представляется «линзой, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса» [Бенвенист, 1974, с. 45]. Значительный исследовательский интерес представляет рассмотрение *концептов*, особый статус которых сопряжен с важной ролью, которую они играют в процессах познания - как отмечает Г. Л. Мерфи: «Concepts are the glue that holds our mental world together» («концепты – это клей, соединяющий наш ментальный мир в единое целое») [Murphy, 2004, с. 1].

Ономастический концепт как семиотико-ментальное отображение конкретных природных объектов географической среды вызывает неизменный исследовательский интерес. Терминологический аппарат и классификация ономастических работ представлены в работах В. А. Никонова, 1965; Э. М. Мурзаева, 1970; Е. М. Поспелова, 1975; Ю. А. Карпенко, 1981; В. Д. Бондалетова, 1983; М. В. Горбаневского, 1984; О. Н. Трубачева, 1986; В. Н. Топорова, 1995; А. В. Суперанской, 2007; А. С. Щербак, 2008; Е.Л. Березовича, 2009; Л. В. Шулуновой, 2010, Г. С. Доржиевой, 2013.

Среди первых бурятских работ по ономастике выделим труды Б. Р. Буянтуева (1951), С. П. Балдаева (1958, 1961), Г. М. Василевича (1958), С. А. Гурулева (1974), М. Н. Мельхеева (1976) и др. К числу обобщающих трудов следует отнести монографию И. Д. Бураева и Л. Д. Шагдарова «О бурятских личных именах» (1969) и фундаментальные труды А. Г. Митрошкиной «Бурятская антропонимия» (1987), «Личные имена бурят» (2007) и «Словарь бурятских личных имён. Опыт лингво-социально-локально-хронологического словаря» (2008). Первое комплексное собрание достижений региональной ономастики, закладывающее основы и дальнейшее

развитие региональных ономастических исследований опубликовано в работе Л. В. Шулуновой «Ономастика Прибайкалья» в 1995 г.

Среди современных исследований стоит отметить работы А. В. Шойбоновой «Ойконимия этнической Бурятии» (1999), Р. Г. Жамсарановой «Топонимия Восточного Забайкалья» (2002), Ю. Ф. Манжуевой «Гидронимия Циркумбайкальского региона» (2003), И. А. Дамбуева «Ойконимия Циркумбайкальского региона» (2004), «Топонимический словарь этнической Бурятии» / сост. И. А. Дамбуев, Ю.Ф. Манжуева, А. В. Рининова, «Улицы Улан-Удэ – памятники истории» / сост. Г. С. Доржиева, Ю. Г. Пушкарева (2007, 2014), Е. В. Сундуевой «Топонимия Ольхона и Приольхонья» (2010), Ю. Г. Пушкаревой «Урбанонимия города Улан-Удэ» (2013) и др. В работе Т. С. Доржиевой «Семантика топонимов Чайного пути на территории Бурятии: ассоциативный эксперимент» (2012) впервые проводится комплексное ассоциативное исследование региональных топонимов, представлена классификация ассоциативных реакций, а также их экспликация.

Для установления научной парадигмы региональных исследований большое значение имеет дефиниция ключевого термина *регион*. Вслед за отечественными регионоведами В. Г. Игнатовым и В. И. Бутовым мы понимаем регион как «территорию в административных границах Российской Федерации, характеризующуюся следующими основополагающими составляющими: комплексностью, целостностью и управляемостью» [Игнатов, Бутов, 1998, с.18]. В нашем исследовании «регион» приравнивается к термину «субъект Российской Федерации», а именно Байкальский регион = Республика Бурятия.

Региональные исследования, как одно из актуальных направлений современной топонимики, акцентируют внимание на основных типологических чертах онимов, их возникновении и функционировании на основе комплексного исследования, учитывающего географию и историю региона, местную антропонимию и этнонимию. Свидетельством

актуальности рассмотрения ключевых ономастических концептов являются работы Г. П. Корчевской «Концепт *Москва* в русской поэтической картине мира» (2002), О. К. Кириченко «Концепт *Петербург* в речевом обиходе города» (2005), И. А. Юрьевой «Концепт *Россия* как фрагмент русской национальной картины мира периода XX – начала XXI века» (2008), М. Х. Хусмидиновой «Концепт *Волга* в историко-культурном развитии России» (2010), А. И. Белоусовой «Ономастический концепт *Россия* в заголовочном комплексе газетного дискурса: лингвокогнитивный аспект» (2011). В последнее время также актуальны исследования о важнейших геополитических региональных объектах: работы А. М. Литовкиной «Концепт *Сибирь* и его эволюция в русской языковой картине мира от «Сибирских летописей» до публицистики В. Г. Распутина» (2008), С. К. Сапиевой «Концепт *Кавказ* в российском лингвокультурном пространстве: когнитивно-дискурсивный аспект» (2015), где автор изучает мировоззренческие представления о Кавказе в коллективном сознании россиян, своеобразную модель межкультурного общения, изучение которой позволяет решать социопрагматические вопросы. Большинство указанных исследователей обращаются к исследованию художественного и рекламного дискурса, при этом, юридический дискурс, региональная прагмонимика и ассоциативный фон региона не выделяются в качестве материала исследования в перечисленных работах.

В бурятской ономастике системное изучение концепта *Байкал* проводится впервые. Наше исследование посвящено концепту *Байкал* в рамках регионального дискурсивного пространства, его структуре и особенности функционирования в синхронии и диахронии.

1.1. Историческое развитие представлений о термине *концепт*.

Многие энциклопедические словари, в том числе энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и А. Ефрона, указывают на латинскую этимологию концепта (от лат. *conceptus* – мысль, понятие). В. З. Демьянков, проведя свое

исследование истории употребления термина *conceptus* в различных языковых ареалах на основе большого корпуса текстов разнообразных жанров, отмечает, что в классической и средневековой латыни слово *conceptus* употребляется чаще всего как причастие «зачатый», а не как существительное «понятие». В. З. Демьянков также указывает на то, что даже в философских текстах средних веков Тертуллиана (160-220), Св. Августина (354-430), Боэция (480-524) для употребления слова *conceptus* свойственно значение причастия «зачатый», а не существительного со значением «понятие». Термин *conceptus* как обозначение того, что соединяет вещь и речь, встречается позже у сторонников и противников «концептуализма» как философского течения, основанного Д. Скотом (1266 – 1308) [Демьянков, 2007, с. 606].

А. Ф. Лосев, исследуя происхождение термина «концепт», пишет, что Пьер Абеляр (1079 - 1142) уже в XII веке употребляет в своих работах термин *conceptus*, имея в виду «форму схватывания смысла; собрание понятий, замкнутых в воспринимающую речь душе; связывание высказываний в одну точку зрения на тот или иной предмет при определяющей роли ума, преобразующего высказывания в мысль к Богу мысль». Важными характеристиками концепта по Пьеру Абеляру являются конституированность индивидуальным сознанием и служение основной единицей коммуникации с Богом [Лосев, 1997, с. 280]. А. М. Каплуненко также придерживается точки зрения о том, что концепт связан с чувственным восприятием и категоризацией мира, восходит к концептуализму П. Абеляра и является основой для распространенного воззрения на различия терминов «понятие» и «концепт» [Каплуненко, 2012, с. 16].

В дальнейшем лексема *conceptus* и ее дериваты распространились на романские и германские группы языков, став тем самым элементом их лингвистической и научной мысли (фр. *concept* - *concevoir*, ит. *concetto* - *concepire*, исп. *concepto* - *concebir*, порт. *conceito* - *conceber*, англ. *concept* – *conceive*).

Историческим шагом в развитии термина *концепт* стали работы немецких ученых. Изначально в немецком языке *концепт* (в разное время – в различных орфографических вариантах – *Konzept, Konzept, Conzept* и т.п.) фигурирует в значении «набросок», близком к русскому «конспект», но уже в XIX веке появляется значение «понятие, концепт». В 1892 г. Г. Фреге разграничил концепт и объект в лингвистической философии, создав так называемый треугольник Фреге или семантический треугольник. Готлоб Фреге определяет концепт как содержание понятия, что делает данный термин синонимичным «смыслу», в то время как «значение» становится синонимом «понятия» [цит. по: Slater, 2000, с. 45].

Неоспорим вклад американских когнитивистов Л. Талми, Р. Лангакера, Р. Джакендорффа, Дж. Фодора, М. Джонсона, Дж. Лакоффа, Э. Рош, С. Вэксмэн и др. в развитие теории концептов. Дж. Лакофф и М. Джонсон в работе «Cognitive metaphors in everyday life» (1980) считают, что концепты структурируют всю поступающую информацию, а также определяют наше место в мире и отношение к реалиям окружающего пространства. Значительный вклад исследователи внесли в разработку теории метафоры, в частности, метафорической природы концептов [Lacoff, Johnson, 1980, с. 454]. Р. Джакендорфф в своей работе «Семантика и сознание» («Semantics and cognition», 1983) указывает на то, что когнитивная теория изучает ментальную репрезентацию объектов или явлений действительного мира, сформированную как на основе лингвистической информации, т.е. сведений об отраженном мире, так и на основе сенсорной и моторной информации (знаний, полученных путем восприятия реального мира). Исследователь также разграничивает реальный и мыслительный миры, указывая на то, что «мир бессознательно организуется сознанием» («the world is unconsciously organized by the mind»). Концепты, наиболее близкие семантическим частям речи, являются основными элементами концептуальной системы (например, концепты движения, действия, места или пространства) [Jackendorff, 1989, с. 68].

Л. Талми («The relation of grammar to cognition», 1988), Р. Лангакер («Concepts, Image and Symbol», 1991), развивая когнитивную теорию языка, рассматривают ряд вопросов - отношение между грамматикой и лексикой, синтаксисом и семантикой, виды когнитивных категорий и т.д. Р. Лангакер анализирует значение на концептуальном уровне и выдвигает предположение, что «значение ограничивается концептуализацией» («meaning is reduced to conceptualization»), подразумевая под этим, что восприятие является одним из процессов концептуализации, а также, что не существует четких границ между восприятием и интерпретацией. При этом концептуальное содержание структурируется при помощи грамматики, посредством образно-схематических моделей [Langacker, 1991, с. 23]. Л. Талми выдвигает гипотезу, что при концептуализации наше сознание создает различные когнитивные структуры и понятия, которые на самом деле не организуют реальный окружающий мир. Наиболее существенные для языка концепты находят свое отражение в языке [Talmy, 1988, с. 165-166].

В «Международной Энциклопедии Лингвистики» находим следующее достаточно краткое определение «концептов»: «составляющие мысли» («constituents of thoughts») [International Encyclopedia on linguistics, 2004, с. 165]. Развернутое дополнение в рамках классического подхода находим в работе Сандры Вэксмэн «Современные подходы к развитию концептов» («Contemporary approaches to concept development»): «концепт - группа основных характеристик, сложных по своей природе, фундаментально схожих по своей структуре и силе» [Waxman, 1991, с. 106].

Дж. Фодор в монографиях «The red herring and the pet fish: why concepts still can't be prototypes» (1996) и «Concepts: Where cognitive went wrong» («Концепты: в чем заблуждалась когнитивная наука», 1998) дал критический анализ существующих на тот период времени традиций в когнитивной науке. Во введении к работе автор утверждает, что ни одна из теорий концептов, воспринимаемая всерьез когнитивистами и философами не дает четкого представления о сущности концепта. Ключевое положение, пронизывающее

работы ученого - вера в психологический атоанизм, предполагающий независимость существующих в нашем сознании концептов от эпистемических потребностей. Дж. Фодор выделяет пять «безусловных признаков концепта» («not-negotiable conditions on a theory of concepts»):

- ментальный характер («concepts are mental particulars»), который признается общепринятым в большинстве рассмотренных автором теорий;
- категориальный характер («concepts are categories»), подразумевающий, что концепты, так или иначе, апеллируют к объектам реального мира (например, персонаж Кот Greycat относится к концепту «КОТ», в то время как Слон Дамбо нет);
- композиционность («compositionality: concepts are the constituents of thoughts»), центральное свойство любых концептов, как ментальных репрезентаций;
- общезначимость или универсальность («concepts are public»). Автор, противопоставляя свои идеи принципам концептуального релятивизма, настаивает на том, что все виды концептов (такие как, «отец», «собака», «вода», «треугольник» и т.д.) исторически принадлежали и будут принадлежать в будущем всем группам людей;
- не иннативный характер («concepts are not innate»), подчеркивающий, что, несмотря на то, что концепты являются базой для создания более сложных ментальных репрезентаций и систем, они не являются врожденным феноменом, а подлежат изучению [Fodor, 1998, с. 24-30].

Сьюзан Кэри в книге «Происхождение концептов» («The origin of concepts», 2011) подвергает сомнению воззрения Дж. Фодора относительно происхождения концептов и полагает, что существуют врожденные концептуальные репрезентации («innate conceptive representations»), которые не ограничиваются сенсорными, перцептивными или сенсорно-моторными

репрезентациями. Сам термин «концепт» при этом понимается как «ментальный символ, единица мысли» [Carey, 2011, с. 113].

При анализе зарубежной научной литературы мы пришли к выводу, что в современных когнитивных исследованиях можно выделить три основных направления трактовки термина «концепт» и его сущности:

- 1) концепт как ментальная репрезентация («mental representations»);
- 2) концепт как способность («abilities»);
- 3) концепт как абстрактный объект («abstract objects»).

Первая группа исследователей настаивает на том, что концепт – это психическое образование, играющее существенную роль в продуктивности мыслительной деятельности. Мышление представляет собой внутреннюю систему репрезентаций; желания, верования, и другие отношения входят в состав ментальных процессов в качестве символов (Г. Харман, 1987; С. Пинкер, 1994; Дж. Фодор, 1996 и др.). **Вторая группа** исследователей скептически относится к положению о том, что концепты являются ментальными образами, утверждая, что концепт это ни что иное как способность, присущая когнитивным агентам (Д. Демметт, 1993; М. Беннет, 2008; А. Кенни, 2010). Наконец, **трактовка концепта как абстрактного объекта** наблюдается в работах С. Пикока (1992), Э. Марголиса (2007) и др., где концепты выступают в качестве составляющих пропозиций и являются посредниками между мыслью и языком, с одной стороны, и референтом, с другой. С. Пикок в работе «Изучение концептов» («The study of Concepts», 1992) отрицает идентифицирование концептов и ментальных репрезентаций: «один и тот же концепт может иметь различные ментальные репрезентации в сознании разных индивидуумов» [Peacock, 1992, с. 3].

Для отечественных работ, изучающих историю возникновения термина *концепт* в научных трудах, стало общепринятым рассматривать развитие термина с 20-х годов XX века, с так называемой «эпистемической революции», когда российская лингвистическая мысль столкнулась с проблемой выработки нового термина для подходящего обозначения

содержательной стороны языкового знака [Воркачев, 2003, с. 5]. Исторически первой работой о теории концептов признается опубликованная в 1928 г. статья С. А. Аскольдова-Алексеева «Концепт и слово», где автор дает следующее определение «загадочной величины» - концепта, который он отождествляет с термином «общее понятие»: «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода». В качестве самого существенного признака концепта выдвигается «функция заместительства», которой присущ символический характер: «концепт является выразительным символом, обнаруживающим лишь потенцию совершить то или иное». По этой причине концепт воспринимается лишь как «обозначенная возможность, символ, знак, потенциально и динамически направленный на замещаемую им сферу» [Аскольдов, 1991, с. 267-268]. С. А. Аскольдов-Алексеев выделяет два типа концептов – познавательные и художественные, которые не воспринимает как абсолютные, и допускает подвижность границ между понятийными и образными моментами в структуре концептов и выражающих их слов. Основными характеристиками познавательных концептов С. А. Аскольдов-Алексеев считает их схематизм и понятийную природу, т.е. они замещают, обрабатывают область замещаемых явлений с единой и притом общей точки зрения. Понятие восходит к единой точке зрения, связанной с единством родового начала. Единство родового начала связано с единством сознания. Концепты признаются «образованиями ума», имеющими субъективное значение, направленное на нечто объективно-реальное. Для нашего исследования особое значение приобретает мнение С. А. Аскольдова-Алексеева о том, что художественные концепты связаны с множеством одновременно значимых точек зрения и поэтому диалогичны. Художественный концепт – сложный комплекс, сочетающий понятия, чувства и эмоции в одно целое; в то время как познавательные концепты подчиняются реальной действительности и логике, связь элементов художественных концептов прослеживается в художественной ассоциативности, которая в то же время, не

ограничивает художественный концепт лишь до уровня образа. Опираясь на идеи С.А. Аскольдова-Алексеева, мы приходим к выводу, что создание и восприятие концептов – двухсторонний коммуникативный процесс. Художественные концепты образны, символичны, поскольку то, «что они означают, больше данного в них содержания и находится за их пределами» [там же, 270].

Идеи С.А. Аскольдова-Алексеева нашли развитие в работе академика Д. С. Лихачева «Концептосфера русского языка», где концепт определяется как «обобщенная мыслительная единица, которая отражает и интерпретирует явления действительности в зависимости от образования, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка и, являясь своего рода обобщением различных значений слова в индивидуальных сознаниях носителей языка, позволяет общающимся преодолевать существующие между ними индивидуальные различия в понимании слов» [Лихачев, 1993, с. 4]. Из этого определения приходим к выводу, что концепт не возникает из значения слова непосредственно, а проявляется как результат взаимодействия словарного значения слова и личного народного опыта. В отличие от С. А. Аскольдова-Алексеева, Д. С. Лихачев предлагает считать концепт «алгебраическим выражением значения», которое используется человеком в устной и письменной речи, при этом концепт существует не для самого слова, а для каждого отдельного значения слова. Концепты воспринимаются как «отклики» на предшествующий опыт человека (поэтический, прозаический, научный, социальный и др.). Несмотря на то, что концепты в большей мере являются всеобщими, в них заключается возможность отклонений и дополнений на основе его заместительной функции. Совокупность концептов, или концептосфера, той или иной культуры формируется, как на индивидуальном уровне, так и на общенациональном – особую роль при этом играют писатели, поэты и носители фольклора. В рамках изучения концептосферы язык рассматривается не просто как средство общения, но и как «концентрат

культуры», воплощение культуры и нации [там же, с. 6, 9]. На наш взгляд, особый интерес представляет положение о непосредственном влиянии фольклора и художественной литературы на формирование культурно-маркированных концептов. Изучение легенд, сказок, народных песен и других культурно-значимых произведений литературы, несомненно, способствует раскрытию и пониманию духовных ценностей, мировоззрения народа и особенностей его национальной концептосферы.

Дальнейший анализ теоретической литературы позволяет заключить, что большинство отечественных исследователей отмечают незаменимую роль, которую концепт играет в процессе категоризации и концептуализации окружающего мира. Выделим основные направления изучения концептов на современном этапе:

- **логи́ко-лингвистическое** (Р. И. Павиленис, 1983; Н. Д. Арутюнова, 1988, 1999; С. Е. Никитина, 1991; Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, 2000 и др.);
- **лингвокогнитивное** (А. П. Бабушкин, 1996; Е. С. Кубрякова, 1997; Н. Н. Болдырев, 2001 и др.);
- **психолингвистическое** (В. А. Пищальникова, 1993; А. А. Залевская, 2001, 2005; Н.В. Уфимцева, 2004; Р. М. Фрумкина, 2008 и др.);
- **лингвокультурологическое** (Ю. С. Степанов, 1997; А. Вежбицкая, 1999; З. Д. Попова, И. А. Стернин, 2001; В. И. Карасик, 2001; С. Г. Воркачев, 2001; Г. Г. Слышкин, 2004; М. В. Пименова, 2004; В. А. Маслова, 2007 и др.).

Рассмотрим основные положения каждого из направлений. Р. И. Павилёнис понимает концепт как «часть концептуальной системы — то, что индивид думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира» [Павилёнис 1983, с. 279—280]. Исследуя язык в логико-философском аспекте, и, опираясь на гипотезу о смысле, как составной части концептуальной системы, автор предложил одну из первых современных теорий концептуальной системы. Предположение о том, что для образования

концептуальной системы необходимо наличие определенных первоначальных данных – первичных концептов, которые в дальнейшем послужат анализаторами и интерпретаторами при усвоении новых концептов, пересекается с воззрениями многих зарубежных лингвистов об иннативном характере концептов.

Лингвисты **логико-лингвистического подхода** под руководством Н. Д. Арутюновой и группы «Логического анализа естественного языка» (1986) внесли значимый вклад в изучение концептов через соотношение с материалом языка. Авторами противопоставляются не индивидуальные и общественные характеристики концепта, а научное и ненаучное знание как таковое. Н. Д. Арутюнова в своих известных трудах «Типы языковых значений» (1988), «Язык и мир человека» (1999) трактует концепт как «понятие практической философии, являющееся результатом взаимодействия ряда факторов: фольклора, национальной традиции, религии, идеологии, жизненного опыта, образов искусства, ощущений и системы ценностей». Важной функцией концептов выступает образование так называемого культурного слоя, который служит посредником между человеком и окружающим миром [Арутюнова, 1999, с. 37]. С. Е. Никитина в работе «О концептуальном анализе в народной культуре» (1991) рассуждает о том, что достаточно сложно дать дефиницию «слов-концептов», поэтому семантическое описание концептов должно дать полное знание о понятии, существующем в сознании носителей культуры. Одной из главных задач исследователя становится составление перечня регулярных семантических отношений, релевантных для определенного корпуса текстов и существенных для описания семантики данного концепта. А.Д. Шмелев в свою очередь также описывает концепты как элементы национальной языковой картины мира. Представления об устройстве мира, закодированные установки различных слов позволяют рассматривать их семантику в когнитивном аспекте (например, такие слова как «душа», «долг», «судьба» и др.) [Шмелев, 2000, с. 46].

При данном логическом ракурсе изучения концептов привлечение в лингвистику семантики языкового знака является единственным средством формирования содержания концепта. Можно сделать вывод, что концепт представляется как элемент практической философии, который возникает в результате взаимодействия ряда факторов, включающих религию, фольклор, литературу, искусство и жизненный опыт.

Лингвокогнитивный подход использует такие разнообразные формулировки как «конструкт», «модель», «ментальная единица», «единица памяти», «единица опыта», «единица мышления», и др. Концепт в данном случае стал определенной обобщающей единицей для всего набора данных обозначений. Основные идеи данного направления выражены в «Кратком словаре когнитивных терминов» (КСКТ) под общ. ред. Е. С. Кубряковой, где дается следующее лингвокогнитивное определение концепта: «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека», а также «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [КСКТ, 1997, с. 90]. Концепт, будучи сопоставимым со смыслами, которыми человек оперирует в процессе мышления, отражает содержание и опыт человеческой деятельности и познания. Являясь строительными элементами концептуальной системы, концепты способствуют категоризации субъективного опыта под определенные обществом и культурой нормы. Е. С. Кубрякова придерживается мнения, что самые важные концепты кодируются в языке [там же, 91]. Н. Н. Болдырев уточняет, что концепты автономны от языка и понимаются как «передаваемые смыслы» языковой единицы [Болдырев, 2001, с. 25].

В диссертации А. П. Бабушкина «Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка» (1997) концепт «является ментальной репрезентацией, которая определяет, как вещи связаны между собой и как

они категоризуются». Важным вкладом А. П. Бабушкина стало составление типологии концептов, которая базируется на семантико-структурном основании:

- 1) мыслительные картинки или представления (клен - лиственное дерево с широкими резными листьями);
- 2) концепты-схемы (река - ленточка);
- 3) концепты-гиперонимы (водоем - это океан, море, река, озеро, пруд);
- 4) концепты-фреймы (пожар - это пламя, жар, крики, суета);
- 5) концепты-инсайты (зонт - это приспособление для защиты от дождя);
- 6) концепты-сценарии (поход, рыбалка);
- 7) калейдоскопические концепты (любовь, судьба) [Бабушкин, 1997, с. 43-67].

Такая классификация, с одной стороны, разграничивает концепты, соответствующие разным словам, но автор подчеркивает, что не существует четкого разграничения между разными концептами. Для когнитивистов свойственно указание на то, что часть концептов сегодня имеют языковую репрезентацию, в то время как некоторые концепты являются лишь невербальными мыслительными образованиями и представлены в виде различных схем и картинок.

Основные постулаты **психолингвистической теории концептов**, выраженные А. А. Залевской и Р. М. Фрумкиной, сводятся к тому, что основными для концепта становятся не столько его понятийная и содержательная составляющая, сколько конкретно-образные элементы в психике человека. Для исследователей характерно отвлечение от логического анализа языкового материала, и акцентирование внимания на эмоциях респондентов, их ассоциациях и аксиологических оценках того или иного концепта в ходе психолингвистического эксперимента.

Несомненно, важными для понимания сущности концепта являются психолингвистические теории А. А. Залевской, которая в своих работах

«Психолингвистический подход к проблеме концепта» (2001) и «Концепт как достояние индивида» (2005) определяет концепт как «объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания (конструктов)» [Залевская 2001, с. 39]. Специфичным для работ А. А. Залевской является выделение нейронной основы концепта, которая представляет собой активизацию различных нейронных ансамблей, распределенных по разным участкам мозга, но входящих в единый набор. Слово или какой-либо другой знак одновременно осуществляют доступ ко всем этим участкам. С психолингвистической точки зрения А. А. Залевская подчеркивает индивидуальную природу концепта как «многомерной симультанной структуры», называя его достоянием индивида.

В. М. Фрумкина отражает основные взгляды на определение и структуру концепта в работе «Психолингвистика», в которой он понимается как «вербализованное понятие, отрефлексированное в категориях культуры» [Фрумкина, 2008, с. 93]. Автор пишет, что термин «концепт удобен», поскольку позволяет отвлечься от логического термина «понятие» и акцентировать внимание на аксиологической шкале и ассоциациях, связанных с тем или иным концептом. Анализируя воззрения Р. И. Павилениса, В. А. Пищальникова предполагает, что концепт наделен одновременно психологическим значением и личностным смыслом [Пищальникова, 1993, с. 15]. В каждом компоненте концепта существует интересубъектная часть, что обеспечивает возможность коммуникации между носителями разных концептуальных систем. В. А. Пищальникова утверждает, что в концепте всегда наблюдается языковой компонент, состоящий из фоносемантической, экспрессивной, ассоциативной и других составляющих – т.е. язык предстает одним из компонентов концепта: «усвоенные субъектом значения слов и других содержательных единиц языка включаются в соответствующий концепт системы в качестве одной из его составляющих и способны наряду с другими составляющими концепта

(визуальными, слуховыми и пр.) представлять концепт в целом» [Пищальникова 1992, с. 38]. Основой концепта в психолингвистическом понимании признается не только понятийное содержание (как в логико-лингвистическом и лингвокогнитивном подходах), но и конкретно-образные элементы в психике человека.

Для современного этапа развития науки и становления антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания закономерным становится выделение концепта в виде ментального образования с характерной лингвокультурной спецификой. Для **лингвокультурологии** концепт является единицей, призванной связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка. Ю. С. Степанов, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин рассматривают концепт как единицу представленности культуры в сознании человека, намного сложнее по своей структуре и устройству, чем слово, которое лишь репрезентирует его. Многие ученые отмечают индивидуальную «переживаемость» концепта и как следствие включение в его состав различного рода переживаний, эмоций, ассоциаций в ходе того или иного явления.

Многие исследователи концептов руководствуются работами Ю. С. Степанова «Концепт» (1997) и «Константы: словарь русской культуры» (2005), в которых ученый детально анализирует понятие концепта, его структуру и основные характерные признаки. Ю. С. Степанов уделяет особое внимание именно культурологическому аспекту, вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Концепт по Ю. С. Степанову – «основная ячейка культуры в ментальном мире человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, а также то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [Степанов, 1997, с. 40]. По мнению Ю. С. Степанова, концепт и понятие могут рассматриваться как одноуровневые элементы, при этом понятие обслуживает область философии и логики, а концепт – математической логики и культурологии. Данный факт позволяет заключить,

что концепты переживаются в нашем сознании и являются «сгустком культуры в сознании человека».

Основные признаки концепта по Ю. С. Степанову:

- 1) концепты обладают многослойной структурой, которая генетически обуславливается определенным теоретически воссоздаваемым прообразом;
- 2) концепт занимает так называемую мета-позицию, поскольку в некоторой степени «парит» над словами и вещами;
- 3) верхняя граница познания концепта – сфера абстрактных определений, нижняя – сфера индивидуального опыта; однако не стоит забывать, что свое описание концепта можно провести только до определенной уровня, за которым находится некая духовная реальность, которую невозможно описать, но можно пережить» [Степанов, 1997, с. 41].
Культурная маркированность, как отличительная характеристика концепта, на наш взгляд, является неотъемлемым признаком, обуславливающим его сложную многослойную структуру.

Следующим важным хронологическим этапом в истории изучения концептов стала работа А. Вежбицкой «Семантические универсалии и описание языков» (1999), где автор описывает концепт как «объект идеального мира, который имеет имя и отражает специфические культурно-обусловленные представления человека о действительности», как «многомерное культурно-значимое социопсихическое образование, опредмеченное в той или иной форме» [Вежбицкая 1999, с. 152]. А. Вежбицкая предлагает описывать концепты средствами языка, рассматривая их «как инструменты познания внешней действительности». Концепты обладают этноспецификой и поэтому могут быть выступать в качестве основы сопоставления разных культур. Автор также высказала оригинальный взгляд на противопоставление терминов концепт-максимум (полное владение значением слова) и концепт-минимум (неполное владение смыслом) в культурно-обусловленном аспекте.

В «Очерках по когнитивной лингвистике» (2001) З. Д. Поповой, И. А. Стернина достаточно широко и всесторонне рассматривается термин концепт. На наш взгляд, это одно из самых развернутых и универсальных определений данного термина, релевантное нашему исследованию: «концепт это дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2001, с. 38].

Согласно приведенному определению, концепт может получать языковое выражение, при этом те языковые средства, которые использованы для этого, выступают как средства вербализации, языковой репрезентацией, языковым представлением, языковой объективацией концепта. Языковой знак представляет концепт в языке, в общении. Слово представляет концепт не полностью - оно своим значением передает несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения, передача которых является задачей говорящего, входит в его интенцию. Все богатство содержания концепта не может быть выражено только совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть. Концепт включает в себя всю коммуникативно-значимую информацию. Духовные ценности в определенной мере характеризуются «переживаемостью» и «интенсивностью», поэтому согласно З. Д. Поповой, И. А. Стернину в состав концепта включается также вся прагматическая информация языкового знака, связанная с его экспрессивной и иллокутивной функциями. Когнитивная память в виде смысловых характеристик языкового знака, связанных с его изначальным предназначением и системой духовных ценностей носителей языка, является незаменимым компонентом значения

языкового концепта. Хотя, безусловно, с точки зрения концептологии культурно-этнический компонент, определяющий специфику семантики единиц естественного языка и отражающий «языковую картину мира» его носителей, оказывается наиболее существенным. Когнитивный концепт формируется в сознании человека из его непосредственного чувственного опыта – восприятия мира органами чувств, его предметной деятельности, мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами, из языкового общения. По их представлению число концептов не может быть строго ограничено в той или иной культуре [Попова, Стернин, 2001, с. 40].

В. И. Карасик в работах «Лингвокультурный концепт как единица исследования» (2001), «Введение в когнитивную лингвистику» (2004) и др. проводит обобщенный анализ термина концепт, его функционирования и типологии концептов. Концепт понимается ученым как «ментальное образование, которое представляет собой хранящееся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик, 2001, с. 75]. В своих трудах В. И. Карасик делает особый акцент на концептах, которые характеризуют специфические особенности культуры как совокупности человеческих достижений. Содержательно все концепты разделяются на:

- параметрические ментальные образования (относятся те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов – пространство, время, количество, качество и др.);
- непараметрические ментальные образования (концепты, которые имеют предметное содержание), которые в дальнейшем подразделяются на регулятивные (в содержании которых главное место занимает ценностный компонент) и нерегулятивные (синкретические ментальные образования разного характера) [Карасик, 2005, с. 151]

При этом В. И. Карасик отмечает ведущую роль концептов-регулятивов для выявления как положительных, так и негативных

ценностных особенностей ментального мира народа, либо определенной группы.

С. Г. Воркачев посвятил значительное количество работ изучению концептов: «Методологические основания лингвоконцептуализации» (2002), «Культурный концепт и значение» (2003), «Концепт как зонтиковый термин» (2003) и др. В своих исследованиях автор приходит к выводу, что «концепт - это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализации, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [Воркачев, 2003, с. 51-52]. План содержания концепта по С. Г. Воркачеву включает два ряда семантических признаков. Во-первых, в него входят семы, общие для всех его языковых реализации, которые «скрепляют» лексико-семантическую парадигму и образуют его понятийную либо прототипическую основу. Во-вторых, туда входят семантические признаки, общие хотя бы для части его реализации, которые отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и связаны с ментальностью носителей языка либо с менталитетом национальной языковой личности. Именно наличие у слова национально-культурной специфики признается С. Г. Воркачевым признаком, который придает ему статус концепта [Воркачев 2001, с. 42].

Согласно С. Г. Воркачеву, в число концептов возможно включение лексем, толкования которых представляют содержание национального языкового сознания и образуют «наивную картину мира» носителей языка. Мы разделяем мнение автора о том, что совокупность таких концептов образует концептосферу языка, в которой концентрируется культура нации. В то же самое время к концептам относятся семантические образования, имеющие лингвокультурную специфику и тем самым характеризующие носителей определенной этнокультуры. Совокупность таких концептов не образует концептосферы как некое целостного и структурированного семантического пространства, но занимает в ней определенную часть – концептуальную область. С. Г. Воркачев считает, что к числу концептов

относят лишь семантические образования, которые достаточно ограничены в своем количестве и которые являются незаменимыми для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей [Воркачев, 2003, с. 268].

Г. Г. Слышкин в своих работах «Лингвокультурный концепт как системное образование» (2004) и «Лингвокультурные концепты и метаконцепты» (2004) делает акцент на лингвокультурологическом понимании данного термина: «условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры» [Слышкин, 2004, с. 21]. Для работ характерна акцентуация ценностного элемента, в рамках которого сознание является областью пребывания концепта, а язык и речь лишь опредмечивают концепт, в то время как культура детерминирует концепт. Г. Г. Слышкин выделяет следующие виды концептов:

- эмоциональные, образовательные, текстовые;
- индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные.

Важная роль в типологии концептов по Г. Г. Слышкину принадлежит номинативной плотности и метафорической диффузности в динамике развития концепта, которая тесно связана с представленной им структурой концепта:

- пропорциональные концепты – концепты, у которых как интразона, так и экстразона продолжают наращиваться;
- сформировавшиеся концепты – концепты, у которых завершилось формирование интразоны, но продолжает функционировать экстразона;
- формирующиеся концепты – концепты, которые еще не обладают экстразоной, но уже имеют развитую интразону;
- предельные концепты, т. е. концепты, интразона которых постоянно расширяется, а экстразона отсутствует по причине высокой степени абстрактности концептуализируемых понятий.

- рудиментарные концепты – концепты, почти или полностью утратившие интразону и сохранившиеся лишь в составе отдельных единиц своей экстразоны [Слышкин, 2004, с. 7].

В. А. Маслова в работе «Лингвокультурология» (2007) дает детальный анализ различных подходов к определению термина *концепт*, определяя его как «образ, единицу ментального мира, вбирающую в себя какой-то социальный опыт человека и его эмоциональные ощущения» и выделяет следующие инвариантные признаки:

- 1) являясь минимальной единицей человеческого опыта, концепт вербализуется посредством слова и имеет полевую структуру;

- 2) концепт выступает в качестве основной единицы обработки, хранения и передачи знаний;

- 3) концепт имеет «подвижные границы и конкретные функции»;

- 4) концепт социален;

- 5) концепт выступает в качестве основной ячейки культуры» [Маслова 2007, с. 33].

Отметим вклад М. В. Пименовой в развитие типологии концептов в работе «Типы концептов», где они объединены в группы в соответствии с определенными критериями:

- 1) по признаку появления в национальной концептосфере концепты бывают исконными (зародились в национальной концептосфере) и заимствованными (были привнесены извне);

- 2) по признаку развития структуры все концепты можно разделить на развивающиеся (активно используются и продолжают приобретать новые признаки) и застывшие (перестали пополняться новыми признаками);

- 3) по признаку постоянства базовой структуры М. В. Пименова выделяет трансформировавшиеся (концепты, которые были перенесены на новые реалии) и постоянные (понятийная и ценностная структуры которых не изменились) концепты;

4) по признаку первичности ученый выделяет первичные концепты, которые появились первыми и стали фундаментом для образования производных концептов;

5) по признаку актуальности рассматриваются ведущие (концепты, которые широко представлены в литературе, фольклоре) и второстепенные (менее частотные, периферичные) концепты [Пименова, 2004, с. 5-7].

Исследователь разделяет так или иначе объективированные в языке концепты на следующие понятийные классы:

- I. Базовые концепты (концепты, которые составляют фундамент языка и всей картины мира)
  - 1) космические концепты;
  - 2) географические концепты;
  - 3) социальные концепты;
  - 4) психические (духовные) концепты.
- II. Концепты-дескрипторы (квалифицируют базовые концепты)
  - 1) размерные концепты, которые отражают различного рода измерения;
  - 2) качественные концепты, выражающие качество;
  - 3) количественные концепты, выражающие количество;
- III. Концепты-релятивы (реализуют типы отношений)
  - 1) концепты-оценки;
  - 2) концепты-позиции;
  - 3) концепты-привативы [Пименова, 2004, с. 4]

Коррелирующую идею о наличии в культуре базовых концептов находим в работах В. В. Красных, где, определяя концепт как «самую общую, максимально абстрагированную, но конкретно репрезентируемую идею предмета, подвергшуюся когнитивной обработке в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью», исследователь приходит к выводу, что базовым концепт становится в тех случаях, когда он оказывается востребованным на

протяжении длительного периода существования национальной картины мира [Красных, 2003, с. 268]. Е. В. Исаева справедливо отмечает, что лингвокультурные концепты существуют в коллективном сознании социума в определенную эпоху, эволюционируя в соответствии с историческими, культурными, экономическими событиями и явлениями общества [Исаева, 2011, с. 53].

С момента появления первых сведений о Байкале отмечается его значительное место в национальной и региональной картинах мира. Проведенный анализ точек зрения различных ученых приводит нас к мысли, что формирование концепта и выражение самооценки национального коллектива, собственного места во временном и пространственном континууме, способствует определению этносом своего места в рамках мировой истории. Гидроним *Байкал* является ключевым в картине мира Республики Бурятия и относится к базовым концептам, формирующим основные ценности и отношения на государственном и региональном уровнях. Лингвокультурология позволяет установить и объяснить, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка – быть хранителем и сокровищницей общественно-исторического опыта поколений. Её цель – изучение способов, которыми язык передает в своих единицах знания о человеке и действительности, хранит и транслирует культуру.

Поскольку имена собственные, в том числе и топонимы, тесно связаны с жизнью общества, то на первый план выходит его социолингвистический и лингвокультурологический характер. Динамика развития топонимов отражает специфику развития лингвосоциума в конкретный исторический период, что дает возможность понять, какие объекты и явления материальной и духовной культуры обретали наиболее значимую ценность для данного общества.

1.2. Средства вербализации концептов.

Сущность процесса образования наименований, как способов выражения мысли в языке, их функционирование и развитие, занимала умы многих ученых и философов еще со времен Античного мира. Теория именований в дальнейшем была развита Г. Фреге, который разделял все языковые выражения на имена и функции, для семантического анализа формального языка арифметики, которая применима и для анализа естественного языка. Имя понимается им как знак, обозначающий объекты. В роли имен выступают отдельные слова, словосочетания или целые предложения [цит. по: Slater, 2000, с. 78].

Зародившийся в античное время вопрос относительно произвольности и непроизвольности наименований в культуре, до сих пор является предметом споров исследователей. Положение об абсолютной произвольности имен высказано Ф. де Соссюром: «связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна, или, иначе говоря, поскольку под знаком мы разумеем целое, вытекающее из ассоциации означающего и означаемого, мы можем сказать проще: языковой знак произволен». В то же самое время, Ф. де Соссюр отмечает, что слово «произвольный» должно пониматься не в смысле свободного выбора говорящего субъекта, а в смысле его немотивированности, т.е. произвольного отношения к означаемому [Соссюр, 2004, с. 79-80]. Несомненно, важным этапом в развитии теории наименований стала работа Э. Бенвениста «Природа языкового знака», в которой указывается внутренняя «двусоставность» положения де Соссюра. По мнению ученого, присущая языку случайность проявляется в наименовании и затрагивает отношение этого символа к реальности. В то же самое время автор подчеркивает, что знак как первичный элемент системы содержит означающее и означаемое, отношение между которыми следует признать необходимым [Бенвенист, 1974, с. 95-96].

Нам более близка позиция Ю. С. Степанова, который в своих исследованиях отстаивает принцип неслучайности наименований в культуре. Одним из важнейших вопросов его исследования явился общетеоретический

и общеметодологический вопрос о взаимосвязи культуры и языка. По мнению ученого, данные языка и данные культуры не могут быть объяснены в рамках одной теории, поэтому языковая модель не может быть перенесена на предметную область культуры и, напротив, модель культуры – на предметную область языка. В связи с этим появляется необходимость выработать третий, более общий аппарат понятий, который можно было бы приложить и к лингвистической теории, и к теории культуры [Степанов, 1993, с. 15]. Именно в областях, принадлежащих одновременно языку и культуре, скрывается глубокая мотивированность наименования и проявляется неслучайность наименования [там же, с. 68].

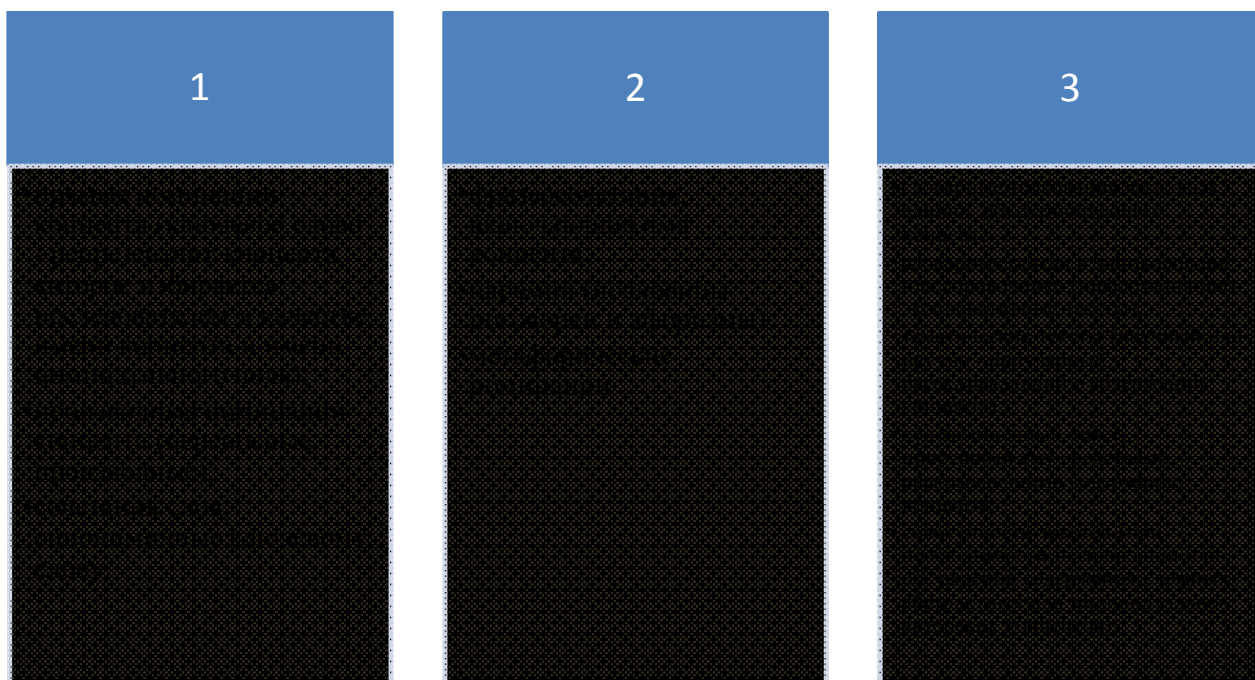
Значительный вклад в разработку проблем языковой номинации внесли выдающиеся отечественные лингвисты В. В. Виноградов, 1954; Н. Д. Арутюнова, 1990; В. Г. Гак, 1998; Е. С. Кубрякова, 1994; Ю. С. Степанов, 1995; Ю. Д. Апресян, 1995; В. Н. Телия, 1999; А. А. Уфимцева, 2004; А. В. Суперанская, 2007 и ряд других ученых. В настоящее время теория номинации переживает новый этап своего развития, становление которого мотивировано постулатами когнитивной лингвистики. В определенной степени сохраняя основные положения классической сферы номинации, постклассический этап развития теории номинации включает в свой исследовательский аппарат вопросы категоризации и концептуализации. Теоретические инновации в теории когнитивной номинации заключаются в изучении ментальных репрезентаций, образов, интерпретативных сетей и матриц объекта действительности, признаков, которые кажутся номинатору релевантными в конкретной номинативной ситуации, в зависимости от его культурологических установок [Рябко, 2006, с. 37].

Анализ разнообразных способов представительства концепта в языке (А. Вежбицкая, 1997; В. П. Нерознак, 1998; Н. Д. Арутюнова, 1999 и др.)

приводит нас к выводу, что в качестве основных способов вербализации концептов различные ученые выделяют следующие виды средств, которые можно объединить в три группы:

Схема 1

Средства вербализации концептов

Рассмотрим **первую группу** языковых средств, к которой относятся прямые и производные номинации концепта, а также однокоренные слова ключевого имени. Имя концепта – это, как правило, слово либо один из лексико-семантических вариантов многозначного слова. Н. Н. Болдырев отмечает, что «значение слова – это лишь попытка дать общее представление о содержании выражаемого концепта, очертить известные его границы, представить отдельные его характеристики данным словом», в то время как полное его содержание навсегда останется элементом ментального мира [Болдырев, 2001, с. 29].

Релевантными для нашего исследования представляются работы, посвященные изучению концептов, вербализованных при помощи имени собственного. Как отмечает А. В. Суперанская, особой категорией имен, в данном случае, являются онимы, обладающие достаточной известностью и вызывающие ряд подсознательных ассоциаций, которые относятся, к так

называемым, прецедентным именам, т.е. индивидуальным именам, связанным с широко известным денотатом, имеющим определенную ценность для социума [Суперанская, 2009, с. 85]. Ю. Н. Караулов определяет термин «прецедентность» как хорошо известный и значимый для личности в познавательном и эмоциональном отношении текст, обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Караулов, 1987, с. 216]. Прецедентные имена национально обусловлены, это - культурные стереотипы, культурные символы, маркеры языкового сознания носителей языка. Современные синхронические исследования показывают, что использование географических названий в качестве прецедентных имен собственных является одним из наиболее актуальных способов апелляции к подсознательным ассоциативным связям.

В когнитивных и лингвокультурологических исследованиях ономастика изучает не только языковые средства, но и сами ономастические реалии, а также их роль в формировании смысла и знаний о мире. Анализ имен собственных с когнитивно-дискурсивных позиций, несомненно, особо актуален, потому как сложность специфики семантики онимов обуславливает необходимость детально прорабатывать контексты их употребления. В русле этого направления выполнено диссертационное исследование А. М. Литовкиной «Концепт "Сибирь" и его эволюция в русской языковой картине мира: от "Сибирских летописей" до публицистики В. Г. Распутина». По мнению автора «концепт имени собственного - это совокупность представлений о возможностях его применения - языковые и экстралингвистические знания, связанные с использованием этого ономастического знака, сложившиеся у носителей языка с течением длительного времени» [Литовкина, 2008, с. 12].

А. С. Щербак в диссертационном исследовании, посвященном когнитивным основам региональной ономастики, подчеркивает роль ономастических концептов как универсальных единиц хранения и передачи ономастической информации, структурирующей знания человека об

окружающем мире. Помимо этого, исследователь выделяет основные характеристики ономастических концептов, которые мы считаем релевантными для нашего исследования:

- ментальность (ономастический концепт формируется в индивидуальном и коллективном сознании, где отражаются представления человека об окружающем мире);
- ценность (основные духовные ценности определяют специфичность ономастического концепта);
- комплексность (ономастический концепт выступает одновременно в качестве единицы энциклопедического и языкового знания);
- консервативность (ономастический концепт устойчив по своей структуре) [Щербак, 2008, с. 12].

Особая ситуация складывается с культурными концептами, лингвистическая природа которых предполагает закрепленность за определенными вербальными средствами реализации, совокупность которых составляет план выражения соответствующего лексико-семантического поля, построенного вокруг доминанты (ядра), представленной именем концепта (слово-термином). Согласно представлениям А. Вежбицкой вербальные репрезентации культурно значимых концептов, служащие их именами, являются ключевыми словами данного языка и данной культуры. Ключевое слово и его парадигма представляют собой одно из основных понятий культуры в контексте тех значений, которые оно приобретало от столетия к столетию с изменением своей семантики, в зависимости от социальных, экономических и других условий. Вся эта парадигма, как правило, оказывается шире того круга значений, фиксируемого в словарях, а ключевое слово демонстрирует скрытую информацию своего времени [Вежбицкая, 1999, с. 283].

Исследователи концептов указывают на наличие в структуре концепта культурно-ценностного компонента, и как следствие, в его

вербализации возможно употребление значительного числа синонимов. Дефиниции и оттенки значений указанных синонимов могут говорить нам о широте восприятия и интерпретации ключевого имени концепта в рамках культуры. Например, Т. С. Медведева и М. В. Опарин при рассмотрении ключевых концептов немецкой лингвокультуры, в частности, концепта «Sicherheit» («безопасность»), уделяют внимание анализу и систематизации синонимов, которые они объединяют в 4 основные смысловые группы (36 синонимов). По мнению авторов, вариативность параллельных именовании свидетельствует о многомерности и комплексности концепта [Медведева, Опарин, 2012, с. 76].

Особое место в исследовании концептов занимает **вторая группа** средств вербализации концептов, представленная фразеологизмами, паремиями и метафорическими сочетаниями, поскольку именно эта группа средств отражает в содержании единиц национально-культурную специфику народа. Анализ фразеологизмов с точки зрения культурологии проводился в работах В. Н. Телия, М. Я. Крымской, Л. А. Ковалевской и других исследователей. В. Н. Телия в работе «Фразеология русского языка» (1999) отмечает, что в системе образов, закрепленных во фразеологическом корпусе языка, находит свое отражение специфическое мировидение народа, его материальная, социальная и духовная культура, его национально-культурный опыт, традиции. Значение единицы в составе фразеологизма приобретает связанное значение и оперирует комбинаторной техникой сочетания слов для создания новых номинативных единиц. Основными свойствами связанных значений слов являются косвенно-производный характер их значения и ограничения в их выборе и комбинации, регламентация которых заложена в семантике ключевых для них слов [Телия, 1999, с. 51]. Национально-культурная информация может содержаться в целостном идиоматическом значении фразеологической единицы, в компонентах ее состава и в прототипических

ситуациях, которые составляют ее образную основу [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 178-179]

В последнее время ряд диссертационных работ выполнен в рамках рассмотрения фразеологического значения как сложной когнитивной структуры. Например, С. Н. Тровати, рассматривая вербализацию основных концептов, представляющих интеллектуально-эмоциональную деятельность человека, на материале английской и русской фразеологии (2007), анализирует воплощение коллективного знания в русских и английских фразеологических единицах с компонентами «head – голова», «mind – ум», «heart – сердце», «soul – душа». М. Айчичек, исследуя репрезентацию концепта *вода* во фразеологической картине мира (2012), изучает использование разных частей речи в составе фразеологизмов, как языковых репрезентаций концепта. А. В. Москаленко, описывая концепт *птица* в английской фразеологической картине мира (2014), рассматривает фразеологические зоонимы с позиций когнитивной лингвистики, сравнивает процессы метафоризации и когнитивные модели распространения знаний из одной области на другую.

Важным средством вербализации концептов представляется метафора, которая понимается в когнитивной лингвистике не как стилистическое образное средство, связывающее два значения слова, а как «основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать возможности структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы» [Чудинов, 2001, с. 36].

Импульсивный ритм живой речи, в которой вербализуется концепт обуславливает его динамичный характер. Акт вербализации концепта предполагает разворачивание бытийно-смысловых возможностей, актуализацию его импликаций и связанных с ним ассоциаций, реализация связей с другими концептами. Речевые единицы, в которых он вербализуется, при этом обогащают концепт - в этом и заключается

динамика концепта. Процесс говорения актуализирует динамичность предмета разговора, не загоняя его в жесткие рамки строго детерминированного регламента смыслового поля. В концепте обнаруживается динамическая вариативность выговариваемого предмета, в противовес статичной нормативности понятийной определенности предмета. Ф. Уилрайт в работе «Метафора и реальность» (1962) говорит, что идея перемещения заложена в самом слове «метафора»: поскольку под движением (*phora*), включенном в значение этого слова, подразумевается семантическое движение – происходящий в воображении акт распространения и соединения, который обозначает существо метафорического процесса [Wheelwright, 1962, с. 83].

Особое значение теория концептуальной метафоры получила в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона – ученые, опровергая предположение о том, что метафоры принадлежат исключительно литературе и искусству, отмечают, что метафоры проникают во все сферы человеческой жизни. Более того, наша концептуальная система метафорична по своей природе – «conceptual system is metaphorical in nature» [Lacoff, Johnson, 1980, с. 454]. В дальнейшем, в работе «Современная теория метафоры» (1992) Дж. Лакофф добавляет, что сущность когнитивной (или концептуальной) метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах сущностей другого. Таким образом, когнитивная лингвистика отказалась от традиционного взгляда на метафору как на «сравнение», способ стилистического оформления речи или от характерного для генеративистики представления о метафоре как о взаимодействии двух структур, а также от присущей структурализму ориентации на изучение собственно языковых закономерностей. Теперь метафора – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления [Lacoff, 1992, с. 202]. Важным и релевантным для нашего исследования становится тот факт, что метафоричными признаются не только эмоциональные концепты (напр. любовь), но и базовые семантические концепты. В метафорических

структурах таких концептов будут находить отражение самые фундаментальные ценности той или иной культуры.

При анализе метафорического выражения существенную исследовательскую ценность представляет понимание, к какому типу метафорического структурирования относится вербализация изучаемого концепта. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют три типа когнитивных метафор:

- ориентационные метафоры организуют всю систему концептов по отношению друг к другу (основаны на восприятии, движении, физическом и социальном опыте человека). Ориентационные метафоры формируют пространственное восприятие, например, структура «счастье – это верх» в английском языке проявляется в таких фразах как «I'm feeling up today» («Я чувствую себя на высоте»);

- структурные метафоры позволяют использовать одно высоко структурированное понятие для структурирования другого (метафора «спор – это война» позволяет нам рассматривать спор в категориях войны – выигрывать, проигрывать спор и т.п.);

- онтологические метафоры (метафора персонификации, метафора вместилища / контейнера и пр.) способствуют осмыслению событий, действий, эмоций и идей как дискретных, чувственно воспринимаемых объектов и сущностей (например, «You've got too much hostility in you» - «В вас слишком много злобы», абстрактное чувство злости поддается количественному измерению) [Lakoff, Johnson, 1980, с. 461-462].

Рассмотрение метафоры М. Блэком привело исследователя к выводу, что в метафорическом высказывании два объекта взаимодействуют, и в результате этого взаимодействия к основному/первичному субъекту относят ассоциативные признаки, характерные для вспомогательного/вторичного субъекта, что вызывает изменения в значениях слов [Black, 1993, с. 28].

Ж. Фоконье, выделяя примитивные («primitive») и культурно обусловленные («culturally conditioned») метафорические концепты, отмечает, что обе группы отражают взаимодействие человеческой мысли, конкретных языковых средств и социальных факторов, обусловленных сложным культурным опытом [Fauconnier, 2008, с. 53]. Исследователь также вслед за Дж. Лакоффом разграничивает когнитивные и лингвистические (стилистические) метафоры.

При анализе работ Х. Ортега-и-Гассета мы приходим к выводу, что метафора открывает доступ к имплицитным уровням концепта и концептосферы. В работе «Две великие метафоры» исследователь утверждает, что метафора служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удастся достичь самых отдаленных участков нашего концептуального поля, поскольку актуализует потенциальные концептуальные признаки. Метафора, удлиняя радиус действия мысли, делает возможным мысленное соприкосновение с чем-то отдаленным. В качестве примера автор рассматривает строки из «Стихов к городу Логроньо» Лопе де Вега, где фонтанные струи изображены как хрустальные копия [Ортега-и-Гассет, 2009, с. 70].

Н. В. Печерская указывает, что метафора обладает эпистемологическим статусом, так как она выступает не только как средство описания действительности, но и как объяснительная схема [Печерская, 2004, с. 96]. Метафора является точкой доступа к концепту, именно поэтому наблюдения за функционированием метафор признаются важным источником данных о функционировании человеческого разума, об отношениях между различными концептами и их уровнями, а также между значениями многозначных слов. Благодаря своему образному характеру метафора расширяет границы существующих концептов и в некоторых случаях способствует возникновению новых. В то же самое время, ключевые концепты носят устойчивый повторяющийся характер образной аналогии между определенными понятиями, и концепт позволяет

человеку, владеющему понятийной системой языка, самому формировать и интерпретировать множество метафорических выражений, которые строятся как образная характеристика одного понятия в терминах другого благодаря установлению сущностных признаков обоих понятий [Печерская, 2004, с. 100].

Н. В. Печерская в основу классификации ставит «когнитивную силу» метафор:

- глубинные метафоры, которые носят абсолютный характер, поскольку укоренены в структуре обыденного языка и телесном опыте людей;
- корневые метафоры, которые, очерчивая границы того, что может быть познано, устанавливают рамки дискурса о мире и задают а priori любые его описания; метафоры-модели, которые конструируют объект исследования путем взаимоналожения принципиально разных областей знания;
- иллюстративные/поверхностные метафоры, которые явным образом присутствуют в дискурсе и подразумевают наличие аналогии или структурного сходства между двумя областями референции [Печерская, 2004, с. 97-99].

Третьей группой средств вербализации концептов являются словарные статьи, тексты разных жанров, а также совокупности текстов. Проблема изучения текста, его способность продолжать свою эволюцию и функционирование вне зависимости от воли первоначального создателя, его вариативная полиинтерпретируемость привлекают к себе все большее внимание современных лингвистов и культурологов.

Долгое время традиционным считалось определение термина «текст» И. Р. Гальпериным: «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа; произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической,

грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 1981, с. 18-19]. Текст в современной лингвистике мыслится не как зафиксированная материальная форма, но как процесс и коммуникативная единица самого высокого уровня, реализованная как в письменной, так и в устной речи (Кожевникова, 1979; Сорокин, 1985; Реферовская, 1989; Каменская, 1990; Форманюк, 1995; Карасик, 2000; Васильева, 2005).

Концепт в силу наличия ценностной составляющей в своей структуре, должен находить, по-нашему мнению, широкое отражение в национальных текстах разных уровней и формы. Изучение языковой репрезентации концепта в различных текстах является важным и необходимым для осознания идейного смысла художественного и прагматического текстов, для понимания менталитета данной языковой личности, и как следствие универсального опыта и национальной системы ценностей. Базовый ономастический концепт *Байкал*, несомненно, является прецедентным именем и одной из ключевых констант региональной лингвокультуры, и, как следствие, находит широкое применение в различного рода дискурсах: исторических, политических, религиозных, публицистических, художественных и пр.

Заложив основу изучения художественных концептов в первой трети XX в., советский лингвист С. А. Аскольдов-Алексеев исследовал проблему концептов в той области искусства, где слово является главным носителем художественного, идейного и эстетического замысла автора, то есть в области художественной литературы [Аскольдов, 1997, с. 267-279]. В последние годы вопросами изучения художественных концептов занимаются Л. В. Миллер (2004), Е. В. Сергеева (2006), А. В. Болотнов (2011) и др.

В рамках нашего исследования вслед за Л. В. Миллером понимаем художественный концепт как ментальное образование, принадлежащее «не только индивидуальному сознанию, но и (в качестве составляющей

эстетического опыта) психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества» [Миллер, 2004, с. 42].

Для нашего исследования особый интерес представляют положения о функционировании концептов, вербализованных посредством имен собственных в художественных текстах. Подобно другим средствам языка, собственные имена, будучи использованными в контексте художественного произведения, начинают жить и восприниматься в «сложной и глубокой образной перспективе художественного целого» [Виноградов, 1954, с. 18-20]. В художественном тексте имя собственное выполняет специфические художественно-стилистические функции. Функция зависит от акта художественной коммуникации, который самым непосредственным образом влияет на качество и количество информации, актуализируемой оным в каждом данном употреблении. Например, стремление писателя максимально использовать возможности имен собственных в тексте приводит к тому, что они становятся одним из важнейших средств для создания ярких, неожиданных образов, что определяет одну из их основных функций – изобразительную. Помимо этого, зачастую они позволяют автору более детально структурировать пространство романа и тем самым выполняют структурирующую функцию [Калинкин, 1999, с. 279].

Как считает Е. А. Бочкарев, в качестве «глобальной» вербализации концепта можно представить архитекткст или основной текст, получаемый путем сближения текстов исследуемой смысловой сферы, т.е. текстов, в которых наличествуют вербализации данного концепта. Архитекткст многомерен, нелинеен, строится на основе интерсемиотичности, а межтекстовые переключки и совпадения образующих его текстов объясняются более глубокими причинами, чем простое цитирование, реминисценции или подражание – не влиянием одного текста на другой текст, одного автора на другого автора, а наличием некоторой «сверхтрадиции» [Бочкарев, 2003, с. 67]. В. Н. Топоров уточняет, что единство архитекткста определяется не только самим объектом описания, но

и «предикацией схожих признаков», которые прослеживаются во всех текстах [Топоров, 1995, с. 67]. Например, с этой точки зрения в работе А. В. Соснина проводится анализ «лондонского текста», который реконструируется на основе произведений английской литературы с XVI по XXI века, так или иначе связанных с Лондоном [Соснин, 2010, с. 211].

Существование многочисленных средств вербализации концептов в виде синонимов, разных дефиниций, образных именовании и текстовых описаний свидетельствует о том, что каждое языковое средство своим значением передает лишь часть концепта. Исходя из этого, можно заключить, что для полноты лингвокультурного описания концепта *Байкал* необходимо анализировать его представленность во всех указанных формах.

1.3. Структура и методика изучения концепта.

В самом широком смысле термин *структура* (от лат. structure - строение, расположение, порядок) трактуется в «Современном философском словаре» как «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях» [Степин, 2005, с. 345]. Термин «структура» имеет исторически обусловленное теоретическое и практическое значение в современной лингвистической науке. Согласно постулатам Э. Бенвениста в статье «Понятие структуры в лингвистике» (1974) принцип «структуры» в качестве объекта исследования был выдвинут в конце 1920-х годов. Господствовавшая в то время историческая точка зрения на язык, предполагающая расчленение языка на отдельные элементы и дальнейшее изолированное изучение их исторических преобразований, вызвала ряд критических выступлений в свой адрес, что привело в дальнейшем к появлению так называемой структурной лингвистики [Бенвенист, 1974, с. 60].

Описание и изучение концептов, их структуры в настоящее время вызывает большой исследовательский интерес. Практически всеми учеными признается, что концепт имеет сложную многоуровневую структуру. Для трактовки концепта, как многоуровневого системного образования, несомненно, необходимо анализировать его структуру. Согласно Э. Бенвенисту каждую систему можно представить в виде единиц, которые взаимно обуславливают друг друга, и внутренние отношения между этими единицами, составляющие структуру данной системы, и будут отличать ее от других систем [там же, с. 65].

Для изучения структуры всего разнообразия существующих концептов необходимо использование различных методов описания концептов. Под методом мы понимаем «(от греч. - *methodos* путь, способ исследования, обучения, изложения) совокупность приемов и операций познания и практической деятельности; способ достижения определенных результатов в познании и практике», методику же мы определяем как «фиксированную совокупность приемов практической деятельности, приводящей к заранее определенному результату» [Степин, 2005, с. 203-214]. Теоретические вопросы о методе изучения содержания концептов, согласно Ю. С. Степанову, впервые в российской лингвистике были изложены в 1840-е годы при изучении К. Д. Кавелиным древней культуры русского народа, в ходе которого исследователь обращался к памятникам древней письменности [Степанов, 2004, с. 49].

Концепт является мыслительной единицей, которая, несомненно, нуждается в особом методе исследования, которым на современном этапе становится концептуальный анализ. Знакомство с исследованиями разных авторов, занимавшихся и занимающихся концептуальным анализом, привело нас к выводу, что все эти работы объединяет некоторая общая цель, однако пути ее достижения весьма разнообразны. По замечанию Р. М. Фрумкиной, «между разными авторами нет согласия в том, каков набор процедур, который следует считать концептуальным анализом, но нет

согласия и в том, что следует считать результатом» [Фрумкина, 1995, с. 96]. Тем не менее, общепринято, что изучение концепта неразрывно с анализом результатов когнитивной деятельности. Методика концептуального анализа может варьироваться в зависимости от понимания структурирования концепта, именно поэтому целесообразно изучать структуру концепта и методики его описания совместно. В разных работах концептуальный анализ может основываться на анализе экспериментальных данных (например, разные виды ассоциативного эксперимента и дефиниции), а также анализе данных лексикографических источников.

Концепт состоит из определенных компонентов, т.е. тех или иных признаков объективного и субъективного мира, которые по-разному трактуются различными лингвистическими школами и исследователями. Согласно В. А. Масловой исследование отдельных компонентов структуры концепта в их неперенном взаимодействии позволяет описать данный концепт как элемент национальной концептосферы [Маслова, 2007, с. 41]. Именно поэтому для нас важным этапом является изучение точек зрения на структуру концепта и выбор подходящей методики, соответствующей цели и задачам нашего исследования.

Структура концепта многогранна, и до сих пор в науке не выработано единого мнения о составляющих его компонентах. В то же самое время важно понимать, что не существует четко определенных границ концепта, и любая разработанная структура концепта предполагает условность определенного уровня. Как отмечает Г. Г. Слышкин, когнитивными исследованиями доказано, что традиционный подход к мышлению как к процессу оперирования четкими логическими понятиями не отражает сущности ментальной деятельности человека [Слышкин, 2000, с. 7].

Представляется возможным выделить условные составляющие внутренней структуры концепта и методик ее описания по представлениям различных групп исследователей. Одной из наиболее распространенных методик является описание концептуальной структуры в терминах ядра и

периферии. Ядерными признаками признаются инвариантные признаки концепта – наиболее актуальные для носителей языка образы и ассоциации; а периферийными – менее значимые и более абстрактные признаки, которые могут характеризоваться определенной вариативностью. Р. М. Фрумкина является последователем данного направления и выделяет в структуре концепта ядро и периферию. Ядро – это словарные дефиниции той или иной лексемы, периферия – коннотации, ассоциации, прагматические составляющие лексемы, субъективный опыт. Ономастическая семантика, связанная с ядром концепта и понятием, мотивация имени составляет его периферию. Концепты являются культурно значимыми для данного общества, включают собственный опыт народа, его культуру, историю, его переживания; нечто, что отличает один народ от какого-либо другого.

Р. М. Фрумкина выделяет следующие направления концептуального анализа:

во-первых, следует обращаться к жизненному опыту воображаемых собеседников и затем исследовать сложные ментальные образования;

во-вторых, используя языковое чутье и научную эрудицию читателя, можно построить модель концептуального анализа с учетом пары «говорящий – слушающий»;

в-третьих, языковой материал может базироваться на сочетании множества методик [Фрумкина, 2008, с. 267].

Как утверждает В. А. Маслова, выбор методики описания концепта должен определяться типом изучаемого концепта и его местом в культурной жизни народа, его сложностью, а также целями и задачами, которые ставит перед собой исследователь [Маслова, 2007, с. 45]. Развивая теорию о наличии ядра и периферии в структуре концепта, В. А. Маслова характеризует методику описания концепта следующим образом:

1) первостепенным действием является определение референтной ситуации, к которой принадлежит исследуемый концепт (например, на материале художественного текста);

2) следующим этапом является обращение к энциклопедическим и лингвистическим словарям, которые позволяют определить место концепта в национальной картине мира;

3) в дальнейшем исследователю следует обратиться к данным этимологических источников;

4) для расширения представления об изучаемом концепте необходимо привлечение разнообразных контекстов: поэтических, научных, публицистических, изучить пословицы и поговорки и т.д.;

5) анализ ассоциативных связей ключевой лексики должен быть сопоставлен с полученными результатами на всех предшествующих этапах работы;

6) если концепт несет в себе определенную ценность, предполагается обращение к экстралингвистическим элементам культуры – живописи, скульптуре, архитектуре [Маслова, 2007, с. 46]. В. А. Маслова подчеркивает, что данная методика является особенно актуальной для изучения культурно значимых концептов, которые нашли широкое отражение в различных элементах материального наследия нации. Несомненно, концепт *Байкал*, являясь базовым в региональной культуре, широко репрезентируется в художественной литературе и изобразительном искусстве Бурятии, как показывает практика, лингвистически закрепленные образы и мотивы часто служат источником визуализации для местных художников и скульпторов.

Ю. С. Степанов выделяет в концепте несколько разных уровней, которые развивались и формировались под влиянием различных культурных и временных эпох. В результате структуру концепта можно представить в виде трехуровневой системы:

1) первый уровень представлен этимологией концепта и явлениями культуры, который Ю. С. Степановым определяется как «буквальный смысл» (или «внутренняя форма»);

2) второй уровень представлен как «пассивный» или «исторический» слой;

3) третий уровень является «новейшим», актуальным и активным на сегодняшний день [Степанов, 2004, с. 51].

Термин «внутренняя форма» (этимологический признак или этимология) был впервые предложен еще В. фон Гумбольдтом, однако имел только общие философские рассуждения, которые достаточно трудно применить к реальному исследованию. Ю. С. Степанов отмечает, что «внутренняя форма» является вопросом научных изысканий исследователей. Для носителей и пользователей данный признак существует опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений. Зачастую исследователи обнаруживают «внутреннюю форму» слова в его этимологии либо представлениях о производящем слове в производных словах.

Второй «пассивный» или «исторический» слой актуализирует признаки содержания концепта для некоторых определенных социальных групп. Ю. С. Степанов отмечает, что в таких случаях «исторические», «пассивные» признаки концепта главным образом проявляются в процессе общения членов данной социальной группы между собой. В третьем, основном признаке, т.е. в «активном» (актуальном) слое концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком как средство их контакта и общения. Являясь средством общения, концепт включается еще и в структуры общения и в мыслительные категоризации, непосредственно связанные с общением [Степанов 2004, с. 44, 52]. Ю. С. Степанов делает вывод, что для определения концепта необходимо изучение трех вышеуказанных слоев, которые отличаются по времени, происхождению и семантике. Суммирование всех полученных данных приведет исследователя к генетическому определению концепта.

С. Г. Воркачев, рассматривая структуру концепта «счастье» в нескольких статьях («Концепт «счастья»: понятийный и образный

компонент», «Концепт «счастья»: значимостная составляющая»), представляет структуру концепта в виде многомерного образования, которое состоит из четырех компонентов:

- понятийного;
- образного;
- ценностного;
- значимостного.

С. Г. Воркачев указывает на то, что понятийный компонент определяется многими исследователями в качестве ведущего. Вторым по значимости представляется образный компонент, который отражает когнитивные метафоры в нашем сознании. Ценностный компонент по его представлению не является специфическим, поскольку свойственен любому ментальному образованию, отсылающему к духовной жизни человека. Поэтому в своих исследованиях С. Г. Воркачев не акцентирует внимание на исследовании ценностной составляющей концепта. В его исследованиях большее значение приобретает значимостная, или телесно-знаковая составляющая, которую он понимает как «совокупность имманентных характеристик, определяющих место языковой единицы в лексико-грамматической системе» [Воркачев, 2002, с. 263].

Анализ трех основных компонентов концепта и лежит в основе методики исследования концептов по С. Г. Воркачеву:

1) анализ понятийной составляющей концепта предполагает анализ разнообразных семантических признаков: дефиниционных (которые отличают его от смежных концептов), эссенциальных (формируют его концептуальные «фацеты»), имплицативных, (выводятся из дефиниционных), энциклопедических [Воркачев, 1995, с. 57];

2) анализ образного компонента концепта проводится по нескольким параметрам: степени специфичности-универсальности метафоризации, частотности способов метафоризации, по типу значения

лексической единицы (прямого или производного), по основанию уподобления (признаку, задающему область сходства субъектов метафоры), и по степени названности (т.е. присутствует ли в тексте имя второстепенного субъекта или же его приходится восстанавливать по косвенным, сочетаемым признакам) [Воркачев, 2001, с. 56].

3) значимостная составляющая концепта описывается прежде всего через: отношения синонимии и омонимии, соотношение частеречных реализаций его имени, его словообразовательную продуктивность, прагматилистические свойства лексико-грамматических единиц [Воркачев, 2002, с. 263].

Комплексный анализ лингвокультурного концепта представлен в работах В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина, в которых исследователи определяют следующие их характерные признаки, лежащие в основе структуры концепта:

- комплексность бытования (лингвокультурный концепт — проекция элементов культуры, хранящаяся в сознании, представленная в языке);
- ментальная природа, многомерность;
- ценностность (центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры);
- условность и размытость, изменчивость;
- ограниченность сознанием носителя;
- полиапеллируемость;
- поликлассифицируемость, и др. [Карасик, Слышкин, 2001, с. 75].

Весь концепт группируется вокруг ценностно акцентуированной точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы. Однако чётких границ концепт не имеет, так как по мере удаления от ядра происходит постепенное затухание ассоциаций. Языковая или речевая единица, с помощью которой актуализируется «центральная точка» концепта, служит

именем концепта [Карасик, Слышкин, 2001, с. 77]. Подобного рода строение концепта в принципиальных своих моментах, на наш взгляд, схоже со структурой концепта, предложенной З. Д. Поповой и И. А. Стерниным.

В составе концепта В. И. Карасик выделяет три компонента:

- ценностный,
- фактуальный,
- образный [Карасик, 2001, с. 77].

Фактуальный элемент концепта хранится в сознании в вербальной форме и может воспроизводиться в речи непосредственно, тогда как образный элемент невербален и поддается лишь описанию. Ученые акцентируют внимание на ценностном компоненте в структуре концепта, который и отличает его от других ментальных единиц (фрейм, сценарий, скрипт, понятие, стереотип). Мы разделяем мнение В. И. Карасика, что центром лингвокультурного концепта всегда является ценность, так как он служит единицей исследования культуры, в основе которой лежит именно ценностный принцип. Пренебрежение ценностным компонентом в ходе изучения структуры культурно-значимого концепта недопустимо.

Описание концепта, по В. И. Карасику - это исследовательские процедуры объяснение значения имени концепта и его ближайших обозначений:

- 1) дефинирование;
- 2) контекстуальный анализ;
- 3) этимологический анализ;
- 4) паремиологический анализ;
- 5) интервьюирование, анкетирование, комментирование [Карасик, 2001, с. 129-131].

О. А. Фещенко в диссертационном исследовании «Концепт в художественной картине мира М. И. Цветаевой (на материале прозаических текстов)» (2005) разделяет все существующие методики описания концепта

на две группы, в зависимости от подхода, к которому прибегают исследователи:

1) «отсистемный подход», который состоит в лексикографическом описании ключевых слов - имен концепта, а также в изучении взаимоотношений между данными ключевыми словами в рамках определенного контекста. Опираясь на выводы З. Д. Поповой и И. А. Стернина, которые сделали обобщенную характеристику методов исследования в рамках данного подхода, автор наиболее распространенные в лингвистике приёмы и методы анализа концепта:

- толкование значений ключевого слова на основе словарных дефиниций;
- изучение полисемии слов в диахроническом аспекте;
- анализ фразеологических и паремиологических единиц, в которые входит изучаемое имя концепта;
- психолингвистические эксперименты (метод ассоциативного эксперимента).

Указанные методики приемлемы для нашего исследования, поскольку предметом концептуального анализа избирают языковой материал, на базе которого реконструируют тот или иной фрагмент картины мира. В работе анализ концепта *Байкал* проводится, как на языковом, так и на ассоциативном материале.

2) «оттекстовый подход» представляет собой анализ концепта в рамках художественного текста, когда исследователями решается несколько задач:

- выявить путем сплошной выборки круг лексической сочетаемости ключевого слова;
- определить индивидуально-авторские концепты и описать их;
- построить текстовые поля, в которых реализуется концепт;
- анализ семантического развития слов-репрезентантов концепта [Фещенко, 2005, с. 23].

Важным для нашего исследования представляется рассмотрение вопросов, касающихся исследования структуры концепта в разных типах дискурса. З. Я. Тураева указывает на то, что текст всегда характеризуется вариативностью и уникальностью формы. Исследование текста должно происходить с учетом особенностей каждого конкретного контекста, роли концептов в формировании смысла текста и степени интеграции текстом. Осложняет ситуацию и то, что концепт может не иметь словесного обозначения в художественном тексте, реализуясь через ряд контекстуальных характеристик. Такие разновидности концептуальной информации обычно относятся в подтекст, в сферу скрытых смыслов художественного текста [Тураева, 1986, с. 86]. Зачастую в соответствии с целями и предметом исследования происходит видоизменение методики концептуального анализа. Остановимся на некоторых наиболее распространенных методиках концептуального анализа на базе текста.

Н. А. Кузьмина предлагает для начала выделять концептуальное ядро, «которое представлено набором базовых метафорических моделей, элементы которых по-разному кодируют одни и те же понятия». По окончании данной работы можно составить ассоциативно-вербальную сеть, которая будет состоять из взаимодействующих метафорических моделей. По мнению исследователя, при реконструкции мировидения автора текста необходимо учитывать не только характер этих моделей, но и связи между ними, поскольку мир «в сознании «процеживается» через сетку этих моделей и соответствующим образом трансформируется, категоризируется» [Кузьмина, 2009, с. 17].

Л. Г. Бабенко также предлагает ряд исследовательских процедур:

- 1) определение комплекса ключевых слов текста;
- 2) описание концептуального пространства, которое обозначается данными ключевыми словами;
- 3) определение базового концепта (концептов) описанного концептуального пространства [Бабенко, 2004, с. 83].

При этом Л. Г. Бабенко отмечает, что понятие концептосферы текста требует обобщения всех контекстов, в которых употребляются ключевые слова, поскольку это позволит выявить характерные свойства концепта.

При изучении концептов особую значимость приобретают экспериментальные методы, особенно, ассоциативный эксперимент, основанный на вербальных ассоциациях опрашиваемых. Ассоциативные эксперименты обеспечивают данными для создания ассоциативных словарей разных языков, результатом сопоставления материалов которых может стать выделение универсальных и специфических закономерностей, присущих лексическому ассоциированию носителей различных языков. Ассоциативный эксперимент в качестве инструмента исследования языкового сознания различных наций используется многими современными исследователями. Таким образом, согласно Н. В. Уфимцевой ассоциативный эксперимент способствует выявлению языковых стереотипов, специфических черт менталитета, то есть ассоциативный эксперимент – это эффективный способ доступа к языковому сознанию человека [Уфимцева 1996, с. 140].

Ассоциативный потенциал имен собственных анализируется рядом ученых: И. А. Астафьева (1996) изучала экстралингвистические характеристики названий, Д. А. Яловец-Коновалова (1997) исследовала текстовую природу названий коммерческих предприятий, Р. И. Козлов (2000) выявил номинативные стратегии именуемого субъекта. На топонимическом материале ассоциативный метод применялся в работах О. С. Сабитовой (1991), И. С. Карабулатовой (2001), О. Н. Минюшовой (2006), Е. Л. Калининой (2009), Т. С. Доржиевой (2012) и др. А. В. Суперанская в работе «Общая теория имени собственного» (2007) также отмечает, что имена с широкой известностью дают не только ономастические, но и образные, энциклопедические ассоциации, в то время как у имен с недостаточной известностью ассоциации чисто звуковые [Суперанская, 2007, с. 286].

Как показывает проведенный анализ теоретической литературы, в современной лингвистике не существует устойчивой универсальной модели структуры концепта и концептуального анализа, о чем свидетельствует наличие различных методик изучения концепта. Наиболее полным, на наш взгляд, будет анализ, проведенный с последовательным применением нескольких взаимодополняющих методик. Аккумулируя идеи, изложенные в данном параграфе, мы приходим к выводу, что оптимальным для полноты семантического описания концепта в нашем исследовании будет выделение в его составе трех составляющих:

- *понятийной*, (все, что делает его фактом культуры – этимология, современные значения) отражающей его признаковую и дефиниционную структуру;

- *образной*, фиксирующей когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании;

- *ценностной*, отражающей оценочные характеристики концепта.

При анализе *понятийной* составляющей культурного концепта, в первую очередь, необходимо обратиться к анализу этимологических источников, для определения исторического функционирования имени концепта в лингвокультуре. Основополагающим этапом при анализе концепта, выраженного топонимом, является анализ современных отличительных характеристик данного географического объекта, а так же основных этапов его исследования. Мы признаем, что анализ словарных дефиниций ключевого слова на примере как можно большего количества словарных статей энциклопедических и толковых словарей должен стать фундаментом для формирования дефиниционной структуры лексем, и выделения их основных компонентов. Согласно З. Д. Поповой и И. А. Стернину, дефиниции синонимов концепта представляют собой фиксацию основных информационных компонентов и включают когнитивные признаки, характеризующие общую сущность и дифференциальные составные элементы исследуемого концепта [Попова, Стернин, 2001, с. 34],

поэтому завершающим этапом является анализ синонимов ключевого имени концепта.

Образный компонент опредмечивает в языковом сознании когнитивные метафоры, что является одним из основополагающих аспектов анализа ментального и культурного фона изучаемого концепта. Мы считаем, что необходимо выбрать ключевое слово (имя концепта), после чего на базе разнообразных текстов составить картотеку примеров с данным словом. После этого можно, во-первых, выделить круг лексической сочетаемости данного слова, что позволит вычленить важные черты соответствующего концепта, во-вторых, вычленить все предложения с данным именем концепта, и провести анализ способа структурирования метафоры в соответствии с методикой Дж. Лакоффа, согласно которой наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры [Lacoff, 1980, с. 124].

При анализе ценностной составляющей особый исследовательский интерес представляют аксиологические параметры в разных типах дискурса (художественном, прагматическом, юридическом). Ценностный компонент концепта можно представить в виде сложной системы оценочных суждений разного уровня – общечеловеческих и этнокультурных, политических, социальных и личностных. В оценочной зоне концепта, на наш взгляд, должны найти отражение когнитивные признаки общей оценки (плохой – хороший), эстетического восприятия (красивый – некрасивый), эмоционального отношения (приятный – неприятный) и др. Прагматический дискурс в наибольшей степени отражает утилитарное отношение людей к рассматриваемому концепту и демонстрирует использование имени концепта для реализации практических целей. Особо охраняемая ценность концепта на государственном уровне находит широкое отражение в юридических текстах, поэтому анализ нормативно-правовых актов, устанавливающих особый правовой статус Байкала, проводится при изучении данной составляющей концепта.

Для верификации полученных данных при рассмотрении макроструктуры концепта *Байкал* необходимо представить его ассоциативное поле в результате проведения ассоциативного эксперимента. Для современной лингвистической науки характерно использование целого спектра методов, первоначально используемых психологией для объяснения поведения людей. Основным различием в использовании этих методов является то, что психология не придает значения использованию знаковых систем во взаимодействии людей друг с другом, для лингвистики же, напротив, важно исследовать интерактивное поведение людей, непременно использующее знаки.

Особую значимость для современной психолингвистики представляют экспериментальные методы, традиционно использовавшиеся в психологии, во многом потому, что они позволяют верифицировать гипотетические теоретические предположения. Вопрос использования экспериментальных исследований в языкознании обсуждается многими группами ученых, однако все они сходятся на том, что объектом данных методов всегда будет являться человек как носитель языка, порождающий и воспринимающий тексты, и как следствие выступающий как информант для исследователя.

При обращении к экспериментальным методам в своей работе исследователь должен опираться на этические правила, разработанные в 1992 г. Американской психологической ассоциацией, и одобренные Британским психологическим обществом в 1993 г. Ю. М. Забродин приводит список данных принципов, необходимых для соблюдения:

- исследователь должен получить добровольное согласие потенциальных респондентов, заранее дать им полную информацию относительно характера, целей и задач эксперимента;
- необходимо создать комфортную психологическую ситуацию;
- важно обратить внимание на формулировки вопросов – они должны быть четкими, недвусмысленными, не должны оскорблять респондента;

- респондент не должен ощущать, что его оценивают;
- исследователь должен гарантировать сохранность личной информации и не разглашать конфиденциальную информацию об ответах респондентов, полученную в ходе эксперимента [Забродин, 1990, с. 34].

Е. И. Горошко определяет следующие факторы, влияющие на результат, получаемый при проведении эксперимента:

- форма проведения эксперимента;
- выбор слова-стимула;
- условия проведения эксперимента;
- личность информанта [Горошко, 2001, с. 290].

О. В. Балясникова обращает внимание на следующие факторы, которые способны повлиять на результаты эксперимента:

- способ предъявления инструкции;
- форма заполнения анкеты;
- первичность/вторичность контакта с аудиторией;
- внешность и голос экспериментатора и др. [Балясникова, 2006, с. 5].

Ассоциативный эксперимент – один из методов экспериментальной психологии и психодиагностики, с середины XX в. широко применяется в психолингвистике (Залевская, 1971; Клименко, Супрун, 1977; Маслова, 1981; Болотнова, 1994; Караулов, 1994, 2002; Уфимцева, 1996, 2000; Бабушкин, 1996; Сидоренко, 2000; Горошко, 2001 и др.). Н. В. Уфимцева рассматривает ассоциативный метод как «специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [Уфимцева, 2001, с. 67]. А. П. Бабушкин считает, что концептуальную природу слов можно выявить не только путем обращения к словарям, но и с помощью ассоциативных экспериментов [Бабушкин, 1996, с. 42]. Е. И. Горошко дает следующее определение ассоциативного эксперимента –

«прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте» [Горошко, 2001, с. 8]. В лингвистической науке ассоциативный эксперимент занимает особое место, так как позволяет максимально приблизиться к ментальному лексикону, вербальной памяти, культурным стереотипам данного народа. Ассоциативный эксперимент помогает выявить содержание концепта в когнитивном сознании носителей языка и ранжировать по яркости образующие концепт признаки. Ядро языкового сознания включает те ассоциации в ассоциативно-вербальной сети, которые имеют наибольшее число связей, выделяемых на основе принципа частотности.

Психолингвистические задачи отличаются многообразием, что диктует необходимость использования разнообразных методик ассоциативного эксперимента. В современной науке выделяются несколько видов ассоциативного эксперимента, которые применяются для изучения концепта и описания его основных когнитивных признаков. В зависимости от задачи, поставленной перед испытуемым, в научной литературе выделяются следующие виды ассоциативных экспериментов:

- *Свободный* (испытуемому предлагают ответить словом – R, первым пришедшим в голову при предъявлении слова – S, формальные и семантические особенности слова ничем не ограничиваются);
- *Направленный* (предполагает ограничение ответа, например, часте-речными или количественными особенностями слова и т.д.);
- *Цепной* (испытуемому предлагают ответить любым количеством слов – R_i, первым пришедшим в голову при предъявлении слова – S, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слов) [Горошко, 2001, с. 9].

Методика цепного ассоциативного эксперимента была предложена А. А. Леонтьевым, целью которой являлась не ближайшая реакция на стимул, представленная одним словом, а целый ассоциативный ряд, при этом «каждое звено не только связано с двумя ближайшими соседними звеньями,

но и непосредственно определяет как последующее, так и предыдущее звено, будучи, в свою очередь, само определено общей структурой ряда» [Леонтьев, 1983, с. 70-71].

При проведении ассоциативных экспериментов авторы говорят об ассоциативном значении, под которым понимается значение, выявляемое посредством анализа дистрибуции ассоциативных реакций на данное слово-стимул [Deese, 1964, с. 124]. Набор реакций на слово-стимул, упорядоченный по частотности, принято называть ассоциативным полем или распределением реакций. Н. В. Уфимцева считает, что количественная характеристика ассоциации отражает предсказуемость возникновения данной реакции на заданный стимул (силу связи со стимулом) в заданных экспериментальных коммуникативных условиях [Уфимцева, 1996, с. 168].

Как отмечает Н. С. Куприянова, ассоциативное поле у каждого человека отличается по составу наименований и по силе связей между ними, и, в некоторой степени является индивидуальным. Значительная часть ассоциаций обуславливается речевыми штампами, клише. Оценочные ассоциации, содержащие эмоционально-оценочную характеристику исследуемого концепта, указывают на некоторый элемент переживания или отношения к идентифицируемому слову [Куприянова, 2007, с. 52].

Определим методику анализа, который связан с исследуемым материалом и обусловлен поставленными целями и задачами. Исследование концепта *Байкал* в работе проходило в несколько этапов:

- 1) анализ концепта в рамках регионального дискурсивного пространства:
  - на материале художественных произведений: рассмотрение фольклорных текстов, прозаических и поэтических произведений писателей Бурятии;
  - в юридическом дискурсе: характеристика особого статуса концепта;

- в региональной прагматике: изучение функционирования концепта в качестве товарного знака и эргонима;

- 2) описание структуры концепта в рамках трех составляющих, понятийной, образной и ценностной;

- 3) проведение ассоциативного эксперимента и построение ассоциативного поля концепта *Байкал*.

На **первом этапе** нами:

- 1) выбраны фольклорные, прозаические и поэтические произведения, описывающие озеро Байкал;

- 2) составлена картотека контекстов, в которых реализуется лексема *Байкал*;

- 3) рассмотрена лексическая сочетаемость ключевого слова;

- 4) проанализированы слова-репрезентанты концепта;

- 5) путем сплошной выборки составлена картотека товаров и организаций, в которых реализуется лексема *Байкал* в прагматическом материале;

- 6) выявлена специфика представленности концепта *Байкал* в составе товарных знаков и эргонимов;

- 7) выделен список нормативно-правовых актов, регламентирующих отношения, связанные с Байкалом;

- 8) обозначены основные характеристики юридического статуса Байкала в Республике Бурятия и Российской Федерации.

Второй этап позволил реконструировать структуру концепта:

- 1) при изучении понятийной составляющей:

- описана этимология ключевого имени концепта;

- выделены значения лексемы *Байкал* на материале энциклопедических и лексикографических словарей;

- рассмотрены основные природно-географические характеристики, определяющие уникальный статус Байкала;

- проанализированы синонимы ключевой лексемы.

2) изучена образная составляющая концепта (выделены и описаны основные когнитивные метафоры, объективирующие данный концепт на материале художественных текстов);

3) проанализирована ценностная составляющая концепта (представлена схема аксиологических ориентиров на материале рассмотренных текстов).

На **заключительном этапе** проведен ассоциативный эксперимент и составлено ассоциативное поле концепта:

1) составлена анкета и проведен опрос среди целевой группы;

2) представлены количественные и качественные данные о респондентах (возраст, пол и образование);

3) проведен частотный и логико-индуктивный анализ – выделены основные смысловые группы реакций;

4) на основании семантической близости смысловые группы объединены в кластеры;

5) осуществлена интерпретация и систематизация полученных данных;

6) составлено ассоциативное поле концепта *Байкал*.

Результатом исследования является выявление базовой культурной основы и дополнительных значений лексических единиц, способствовавших формированию и эволюции концепта *Байкал*.

1.4. Изучение концепта в рамках дискурса.

В лингвистической литературе термин «дискурс» используется очень широко, однако на сегодняшний день не существует единого определения, охватывающего все контексты его употребления. Самые первые упоминания о дискурсе встречаются в античных работах Древней Греции, написанных для обучения риторике. Дискурс в данном случае понимается как формальная дискуссия согласно основным логическим принципам.

В 1651 году Томас Гоббс ввел в употребление термин «ментальный дискурс» [Hobbes, <http://ebooks.adelaide.edu.au/h/hobbes/.../chapter3.html>, дата обращения 09.12.2014]. Помимо этого, многие исследователи выделяют различные типы дискурса: Йоханн Готтхард (Johannes Gotthard) описал политический дискурс в работе «Политический дискурс гражданского общества» («Discursus Politicus de Societatis Civilis», 1677); Петрус Кортесиус (Petrus Cortesius) детально описал астрономический дискурс в 1642 году, опубликовав труд «Новый астрономический дискурс» («Discursus Astronomicus Novissimus»); Самуэль Андрэ (Samuel Andreae) издал работу «Метафизический дискурс – «Discursus Metaphysicus».

В 1884 Теодор Хант публикует работу «Принципы письменного дискурса» («Principles of written discourse»), где определяет следующие характеристики дискурса:

- дискурс включает в себя прозу и поэзию;
- дискурс может быть устным и письменным;
- дискурс – это искусство и наука одновременно;
- дискурс – это выражение мысли [Hunt, <http://www.archive.org/details/cu31924031232873>, дата обращения 09.12.2014].

3. Харрис в статье «Дискурс-анализ» трактует дискурс как последовательность высказываний, реализованных в конкретной ситуации – например, когда человек говорит в ходе беседы, либо кто-то пишет книгу и излагает свои мысли в ней в течение долгого периода времени [Harris, 1952, с. 3]. Э. Бенвенист одним из первых вводит определение дискурса, разграничивая план повествования и план языка: «это эмпирический объект, с которым сталкивается лингвист, когда он открывает для себя следы субъекта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим субъектом» [Бенвенист, 1974, с. 80]. Ж. Курт понимает под дискурсом сложное целое, создаваемое рядом языковых единиц, которые отобраны и сочетаются между собой определенным образом [J. Courtes, 1985, с. 28]. Позже появляется самостоятельная научная

дисциплина – дискурсивный анализ – работы европейской школы лингвистики текста (van Dijk, 1972; Dressler, 1972; Petöfi, 1971), основополагающие американские работы (Labov, 1972; Grimes, 1975; Longacre, 197; Chafe, 1980). Известная трактовка дискурса была изложена Т. А. ван Дейком: «дискурс – это сложное единство языковой формы, значения и действия, которые могут быть наилучшим образом охарактеризованы с помощью понятия коммуникативного события» [ван Дейк, 2000, с. 113].

Н. Д. Арутюнова в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дает следующее определение дискурса: «(от франц. *discourse* – речь) – связанный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания [ЛЭС, 1990, с. 136-137].

По мнению В. В. Красных, «дискурс есть вербализованная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планам» [Красных, 2003, с. 113]. В. Е. Чернявская рассматривает дискурс как коммуникативное событие, которое порождает текст и соотносится с детерминированной ментальной сферой и с моделями-образцами, порождающими текст [Чернявская, 2004, с. 106]. В. З. Демьянков представляет дискурс как объединение предложений или их фрагментов, содержание дискурса при этом концентрируется вокруг «опорного» концепта, называемым также «топиком дискурса». Отдельные предложения выступают в качестве компонентов дискурса [Демьянков, режим доступа: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.html>, дата обращения 07.01.2015].

В когнитивно-коммуникативной парадигме дискурс рассматривается как «интегральный феномен, мыслительно-коммуникативная деятельность, представляющая собой совокупность процесса и результата и включающую

как экстралингвистический, так и собственно лингвистический аспект; в котором кроме текста выделяются пресуппозиция и контекст (прагматический, социальный, когнитивный), обуславливающие выбор языковых средств» [Морозова, 2003, с. 106].

Ю. С. Степанов отмечает, что дискурс становится новой чертой в облике языка XX века, указывая на то, что язык используется для выражения особой ментальности идеологии [Степанов, 1995, с. 38]. В связи с этим, активизируется целый ряд специфических языковых форм (в области грамматики и в области лексики) и создаются ярко маркированные этими формами тексты. Многие исследователи отмечают, что в таком значении термин «дискурс» оказывается близким термину «функциональный стиль» (труды В. В. Винградова и Г. О. Винокура), который обозначает не только особый тип текстов, но и соответствующую им систему лексических и грамматических средств. Вместе с тем, Ю. С. Степанов пишет, что «дискурс не может быть сведен к стилю» [там же: 41].

В конце 1970-х – начале 1980-х г.г. наметилась тенденция к разграничению понятий «дискурс» и «текст». Как указывает Е. Б. Рябых, с когнитивной и языковой точек зрения прослеживается причинно-следственная связь между понятиями дискурса и текста. В то же самое время, дискурс и текст рассматриваются под различными ракурсами: при анализе дискурса обязательным становится этап учета социальных параметров происходящего, прагматических факторов его осуществления, культурологических и социально-исторических данных, сведений о том, кто проводил дискурсивную деятельность, для чего, при каких условиях, с каких позиций и т.д. Текст можно анализировать без учета многих факторов из указанного перечня [Рябых, 2006, с. 56].

Несомненно, важно принимать во внимание ценностный подход к изучению дискурса, который представляет собой исследование текста в расширенном аспекте – с привлечением данных смежных научных дисциплин, что позволяет наиболее глубоко и детально отразить особенности

менталитета разных народов. Под менталитетом в общем смысле понимается «образ мышления, определяющий восприятие мира, в соответствии с этносоциогенезом человека и фиксируемый посредством языка, отражающего духовные качества народа, говорящего на данном языке» [Фомиченко, 1998, с. 217].

В. И. Карасик и А. Вежбицкая считают, что роль анализа дискурса при рассмотрении культурно-значимых концептов проявляется в следующем:

- при анализе ценностно-значимых текстов происходит моделирование культурных концептов, благодаря чему можно установить этноспецифичную картину мира [Карасик, 2004, с. 135];

- культурные сценарии, отражающие ценности, присущие той или иной культуре, формируются на основе тех или иных культурных норм, которые лежат в основе характерного для общества вида взаимодействия [Вежбицкая, 1999, с. 249, 563].

При концептологическом подходе предметом изучения становятся те культурно-значимые содержательные признаки, которые связаны с ценностными предпочтениями социума, со стереотипами сознания и поведения. Выявление специфики их группировки способствует моделированию национальной картины мира.

Суммируя различные воззрения на теорию дискурса, можно отметить, что ряд ученых указывает на связь дискурса с продуктом речевого действия, отмечая его смысловую однородность, актуальность, привязанность к определенному контексту, жанровой и идеологической принадлежностью (W. Chafe, 1994; Т. А. ван Дейк, 2000; А. Е. Кибрик, 2003; В. З. Демьянков, 2008 и др.), а другие (О. В. Александрова, 1999; Е. С. Кубрякова, 1999; В. В. Красных, 2003 и др.) приравнивают дискурс к вербализованной деятельности, акцентируя внимание на соотносительности с целым слоем культуры, социальной общности и даже с конкретным историческим периодом.

В нашем исследовании концепт *Байкал* рассматривается в рамках регионального лингвокультурного пространства – вербализованной формы бытования культуры в сознании ее представителей, другими словами, в рамках дискурсивного пространства [см. Гудков, Красных 1998]. Под термином *дискурсивное пространство*, понимается среда существования дискурсов и языковых личностей, производящих эти дискурсы (дискурсивных личностей). С. Н. Плотникова выделяет важное свойство дискурсивного пространства: это сложная система сосуществования дискурсов, объединенных по какому-то признаку [Плотникова, 2011, с. 156]. Мы согласны с мнением автора, что изучение дискурсивного пространства определенного концепта позволяет рассмотреть всю совокупность дискурсов, в которых данный концепт репрезентируется, а также изучить взаимодействие этих дискурсов.

Связь дискурса с реальной деятельностью может усматриваться в нескольких отношениях. Первый аспект наблюдается в связи дискурса с коммуникацией, с реальным речевым общением. На данном этапе очевидны области пересечения разных направлений внутри функциональной лингвистики с дискурсивным анализом. Второй аспект дискурсивных исследований проявляется в описаниях отдельно взятых дискурсов — политического, публицистического, философского, научного и т.п. Здесь, в этом пункте, также смыкаются разные области лингвистики текста и анализа дискурса.

Рассматривая и описывая различные типы дискурса, необходимо отметить особую значимость для лингвистики изучения художественного дискурса. Обращение к понятию дискурса при изучении художественных произведений объясняется стремлением отобразить закономерности структурирования произведения как мотивированной целостности, а не как застывшего формирования. Н. В. Монгилева в диссертационном исследовании «Семантическое пространство поэтического дискурса» определяет художественный дискурс как гетерогенное единство, которое

реализуется в результате социального, исторического и культурологического процессов в виде художественных текстов, созданных группой субъектов или отдельными субъектами, наделенными способностью эстетически преобразовывать действительность сквозь призму внутреннего состояния и авторского мастерства в художественно законченное целое [Монгилева, 2004, с. 11].

Для нашего исследования представляет интерес точка зрения Н. Ф. Алефиренко, которая настаивает на том, что художественный текст становится дискурсом при погружении в этнокультурное пространство, ключевым элементом которого является человек как представитель этноса. Художественный дискурс является коммуникативным явлением и всегда ориентирован на учет разных экстралингвистических факторов, таких, как знания об окружающей действительности, мнения, ценностно-смысловая ориентация [Алефиренко, 2002, с. 9-10, 90-91, 232].

Мы разделяем мнение Я. В. Олзоевой о том, что изучение ключевых концептов в рамках художественного дискурса представляет неизменный исследовательский интерес. Концепты как языковая данность и составляющие национальной картины мира формируются на основе конкретно определенных архетипических идей, которые определяют восприятие и мышление. В то же самое время, этническая и культурная среды на разных исторических этапах корректируют мысленный прообраз, наполняя его тем или иным специфическим содержанием. В художественном дискурсе образы, оценки, выразительные средства отражают образно-словесный строй художественного текста и отсылает к коллективному бессознательному, части ментальности этноса. Художественный дискурс, таким образом, можно рассмотреть с позиций когнитивного подхода, предполагающего исследование ментальных структур, которые включают художественные образы как форму освоения мира [Олзоева, 2011, с. 479-480].

Как результат, концепты, по М. Ю. Шведовой, лежащие в ментальной, духовной, социальной или в физически необходимой жизненной сфере человека, приобретают безусловную национальную специфику и составляют ментальность этноса, отличную от ментальности другого этноса [Шведова, 2006, с. 508]. Э. В. Хилханова указывает, что в любом дискурсе отражаются такие невидимые базовые аспекты культуры, как нормы и ценности, социальные взаимоотношения или институциональные фильтры [Хилханова, 2013, с. 100].

В рамках художественного дискурса мы выделяем: фольклорный, прозаический и поэтический дискурсы. Современные исследователи отмечают, что фольклорный дискурс представляет собой одну из разновидностей ментальной коллективной картины мира, традиционной народной культуры, запечатленной в поэтической и прозаической памяти народа. Фольклорная картина мира как разновидность общей картины мира, «трансформированной действительности», создавалась в результате семантической перекодировки нефольклорного материала (мифологического и этнографического) через систему фольклорных кодов путем обобщения, типизации и перевода культурных смыслов на язык поэтической символики [Путилов, 1994, с. 135]. А. В. Колистратова, изучая эволюцию фольклорного дискурса в британо-английском контексте ситуаций, понимает фольклорный дискурс как речевую деятельность, которая постоянно возобновляется и основывается на культурном и историческом опыте, а также протекает в контексте ситуации, которую автор называет «народным опытом» [Колистратова, 2012, с. 3].

Проза (от лат. «prosus» - «вольный, свободный, движущийся прямо») – первоначально все нехудожественные произведения, в последствии - неритмически организованная литература. Прозаический дискурс входит в сферу интересов многих исследователей. Например, в работе С. А. Калининой «Образная репрезентация театра в английском прозаическом дискурсе» (2013), автор приравнивает термины «художественный дискурс» и

«прозаический дискурс», противопоставляя их ритмически организованному поэтическому дискурсу. Е. Г. Демина обращается с сюрреалистическому дискурсу прозы Ф. Гладкова (2009). Б. У. Джолдасбекова в своей монографии рассматривает авторский дискурс прозы Ю. О. Домбровского (2013), А. Л. Кошелева изучает дискурс прозы Л. Петрушевской (2013). Таким образом, можно отметить, что в исследованиях прозаического дискурса в рамках современной антропоцентричной парадигмы наблюдается общая тенденция к рассмотрению индивидуально-авторского дискурса. Изучение концептов русской и зарубежных картин мира в прозаическом дискурсе – популярное направление современных лингвистических исследований (Н. В. Богданова, 2007; Л. Г. Петракова, 2010; В. М. Лютянский, 2011 и др.).

Поэтический дискурс рассматривается как «дискурс поэтических текстов, принадлежащих представителям конкретного национально-лингво-культурного сообщества и предназначенных для представителей того же национально-лингво-культурного сообщества» [Красных, 1998, с. 191]. Поэтический дискурс представлен речью эмоционального типа, в которой максимально выражено субъективно-эмоциональное отношение автора к явлениям, событиям, представлениям и образам. Эмоция в стихотворной речи достигает столь высокой интенсивности, что эмоциональная нагрузка сообщается каждому отдельному слову, каждой паузе и каждому звуковому «обертону» стиха [Макарова, 2005, с. 119]. Весомый вклад в изучение поэтических текстов внесли известные отечественные ученые (Виноградов, 1963, 1971; Тынянов, 1965; Лотман, 1972; Жирмунский, 1977, 1999; Гаспаров, 1993; Томашевский, 2002 и др.).

Одними из ключевых единиц в текстовой концептосфере являются концепты институционального дискурса, который, по определению В.И. Карасика, представляет собой «клишированную» разновидность общения между людьми, построенную на основе норм данного социума. Ядром такого типа дискурса становится общение участников коммуникации, которые

статусно неравны друг другу [Карасик, 1998, с. 187]. Такое неравенство наиболее ярко проявляется в юридическом дискурсе, который справедливо называют дискурсом «порядка и надзора». Социально-регулятивная и культурная значимость правового языка признается многими исследователями языка (А. Д. Денисова, 1992; Т. В. Губаева, 1998; И. В. Плашевская, 2001; К. А. Шипков, 2004 и др.). Юридический дискурс в современных гуманитарных науках рассматривается как совокупность юридических текстов, т. е. вербальных, литеральных и невербальных выражений правовых представлений [Коновалова, 2008, с. 83]. Изучение юридического дискурса, как иерархически организованной системы правового знания – важный этап нашего исследования.

В данной работе мы также изучаем функционирование концепта Байкал в региональной прагмонимике. Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» дает следующее определение термина «прагматоним»: «номен для обозначения сорта, марки, товарного знака [Подольская, 1978, с. 113]. Таким образом, прагматоним или прагмоним, (последний термин более употребителен в ономастической литературе) - это товарные именованья продуктов, бренды, торговые марки (в английской терминологии *product names*) [Горяев, Цшишанг, 2007, с. 124]. Использование имени базового концепта при создании наименований торговых марок и эргонимов объясняется стремлением использовать в названии информацию, наиболее близкую к окружению адресата, что делает его интересным, доступным для понимания и внушает доверие [Кочетова, 1999, с. 11].

Таким образом, рассмотрение дискурсивного пространства концепта *Байкал*, на наш взгляд, позволит представить его структуру в рамках рассмотрения трех составляющих: понятийной, образной и ценностной, т.е. отразит основные понятия и образы, закрепленные в сознании носителей региональной лингвокультуры, а также представит систему аксиологических ориентиров этого сообщества.

Выводы к I главе

Рассмотрев современные зарубежные и отечественные направления в изучении концептов, мы представили комплексный анализ различных теорий и точек зрения, на основании которых мы пришли к следующим выводам:

- Концептуальный анализ гидронима *Байкал* является актуальным методом изучения базового концепта в рамках региональной лингвокультуры, а метод ассоциативного эксперимента верифицирует полученные данные при описании макроструктуры концепта.

- При описании способов вербализации концептов нами выделены три группы средств: 1) прямые и производные наименования, а также синонимические названия, 2) пословицы, загадки, благопожелания и метафорические выражения, 3) толкования в лексикографических источниках и текстах разных жанров.

- Для исследования дискурсивного пространства концепта *Байкал*, нами выбраны художественный и юридический дискурсы, а также региональная прагмонимика.

- На основе изучения теоретической литературы о структуре концепта нами выделены три составляющие в исследуемом материале: понятийная, отражающая признаковые дефиниционные характеристики концепта; образная, объективирующая когнитивные метафоры; ценностная, отражающая аксиологию рассматриваемого концепта.

ГЛАВА II. КОНЦЕПТ *БАЙКАЛ* В РЕГИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.

Изучение дискурсивного пространства является одним из актуальных направлений современной лингвистики. В работах Т. В. Юдиной «Дискурсивное пространство политической речи» (2004), Н. Н. Казыдуб «Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира: теоретическая модель» (2006), С. Н. Плотниковой «Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия» (2011) ставится проблема дискурсивной топологии, в рамках решения которой определяется содержание понятия дискурсивного пространства, выявляются его типы и принципы его структурирования, описывается роль дискурсивной личности в организации дискурсивного пространства. Региональное дискурсивное пространство становится объектом изучения Н. И. Пермяковой в диссертационном исследовании «Формирование концепта *Олимпиада “Сочи-2014”* в региональном дискурсивном пространстве: лингвориторический подход» (2011), где автор рассматривает специфику вербализации концепта в дискурсивном пространстве региона, а также вопросы, связанные с внедрениями инноваций дискуссионного характера.

Изучение концепта в рамках определенных культурно-исторических условий и интеллектуального контекста различных лингвокультур невозможно без обращения к языковому наследию разных уровней, в том числе и к дискурсивному пространству, в котором реализуется концепт. Байкал - фиксирующий социокультурный феномен государственного и мирового значения, выступающий тематической доминантой регионального дискурсивного пространства. Представляется перспективным рассмотрение культурного концепта *Байкал* в разных типах регионального дискурса, т.к. в них отражаются ценностно-смысловые конфигурации, характерные для данного общества.

2.1. Языковая репрезентация концепта *Байкал* в художественном дискурсе.

Художественный дискурс несет на себе печать культуры определенного этапа в истории общества. Как справедливо отмечает Е. В. Исаева, особенностью лингвокультурных концептов является их фиксирование в корпусе авторских и коллективных текстов [Исаева, 2011, с. 54]. Культурно-исторические концепты являются наиболее существенными для художественного дискурса, поскольку затрагивают «вечные» проблемы человеческого существования, именно поэтому писатели обращаются к их художественному постижению. Художественный дискурс многомерен и отображает функционирование базовых концептов на разных этапах развития общества и познания человеком самого себя.

2.1.1. Репрезентация концепта *Байкал* в фольклорном дискурсе.

Фольклор (англ. «folk-lore» - народная мудрость, народное знание), как объект изучения самостоятельной науки, берет свое начало в первом десятилетии XX века. Изначально интерес исследователей распространялся на системно-структурное описание фольклора, его жанровые разновидности и ритмико-структурную организацию произведений. Характерным свойством современной фольклористики становится актуализация идей антропоцентрической парадигмы, что акцентирует внимание на исследовании вопросов корреляции ментальных сущностей и их воплощения в фольклорных текстах. Многие исследователи рассматривают фольклор в качестве перспективного направления в изучении особенностей этнического менталитета.

Как отмечают З. Д. Попова, И. А. Стернин, изучение концепта предполагает «рассмотрение всей совокупности языковых средств его выражения, а также текстов, в которых раскрывается содержание концепта» [Попова, Стернин, 2001, с. 33]. Несомненно, фольклор, представляя собой сосредоточение народного осмысления окружающей действительности,

народной мудрости и основных ценностно-нормативных установок, становится важным источником лексико-семантических и образных репрезентаций концепта.

Устно-поэтическое творчество народа своими корнями уходит в глубину веков, обнаруживая связь с очень древними представлениями людей, их идеологией. Произведения устного творчества издавна интересовали исследователей. В трудах историков Сибири Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера содержатся первые сведения о фольклорных образцах местных жителей. Оценка и систематизация бурятского фольклора проводится в работах таких выдающихся собирателей как Н. А. Бестужев (1834), Г. Н. Потанин (1880), Н. Н. Агапитов (1881), А. Д. Руднев (1908), Ц. Ж. Жамцарано (1914). Несколько сборников бурятских сказок на языке оригинала издано активным собирателем фольклора А. И. Шадаевым (1925-1965). Сборники бурятских сказок на русском языке в переводе А. И. Уланова опубликованы в 1950-1960 годах. Значительно количество родословных преданий и легенд опубликованы С. П. Балдаевым (1970).

Имя М. Н. Хангалова, как ученого этнографа-исследователя и собирателя, хорошо известно в научных кругах востоковедов. За свою жизнь М. Н. Хангалов собрал колоссальный материал по фольклору, этнографии и шаманству бурят. В третий том «Собрания сочинений М. Н. Хангалова» (2004) включены фольклорные бурятские материалы, опубликованные ранее в разных сборниках. Особый интерес для нашего исследования представляют разделы: шаманские легенды, исторические предания, генеалогические предания, сказки, выражающие истинно народное мировидение. В сборниках «Бурятские сказки и поверья» (1889), «Сказания бурят, записанные разными собирателями» (1890), «Балаганский сборник» (1903) представлено 185 народных произведений, большая часть которых записана самим исследователем. Многие работы о хозяйстве, культуре и обычаях бурят сопряжены с фольклорными произведениями, что, несомненно, представляет научный интерес. Выдающиеся заслуги М. Н. Хангалова признаны на

мировом уровне – исследователь награжден званием лауреата Французской академии наук. Р. А. Шерхунаев пишет о работе этнографа: «М. Н. Хангалов - один из первых ученых, кто вышел непосредственно из среды самих бурят, посмотрел на жизнь своего народа как бы изнутри, глазами его собственного сына и познакомил читателей – русских и европейских – с историей и культурой далеких и близких, но одинаково дорогих нам предков» [Шерхунаев, 1983, с. 140].

Значительный материал по устно-поэтическому творчеству бурят, эвенков и русских представлен в работах Л. Е. Элиасова, известного историка Бурятии, краеведа и исследователя фольклора Южной Сибири, которые объединили многое из произведений А. Д. Руднева и М. Н. Хангалова. В работах ученого широко представлен фольклор разных этнических групп и племен, проживающих на берегах Байкала. Основные легенды и предания о происхождении Байкала, об особенностях ландшафта и этимологии топонимики региона представлены в его книгах «Байкальские легенды и предания» (1966 и 1984 гг.). Книга «Байкала-озера сказки» (1988) — двухтомное издание, оформленное известными советскими художниками братьями Трауготами. В первом разделе первого тома, который называется «Волшебные сны Подлесья», помещены сказки о Байкале, что представляет значительный интерес для нашего исследования. В книгах «Русский фольклор Восточной Сибири» (1969) и «Фольклор семейских» (1963) автором детально проанализированы особенности русских преданий, в том числе и преданий о Байкале.

Исследователи эвенкийского фольклора Г. М. Василевич, М. Г. Воскобойников, Т. И. Зубакина, А. В. Тиваненко, В. Г. Митыпов опубликовали значительный материал устно-поэтического творчества эвенков, издав сборники сказок, преданий, песен и загадок. В сборнике «Фольклор эвенков Бурятии» Т. И. Зубакиной (1958) и одноименном издании М. Г. Воскобойникова (1967) описаны известные родовые и промысловые предания, повествующие о природе и охотничьей деятельности эвенков.

Благодаря творчеству фольклористов были изданы сборники сказок и преданий, богатый этнографический материал которых представляет огромную общественную ценность. Эти популярные издания сыграли определенную роль в ознакомлении широкого круга читателей с образцами бурятских народных сказок и легенд.

А. А. Потебня считал, что в народном творчестве «необходимость начинать с природы существует независимо от сознания и намерения, и потому ненарушима» [Потебня, 1989, с. 189]. Образ Байкала, символизирующий красоту и величие природы, является священным для местных жителей, испокон веков жизнь которых связана с Байкалом. Древний человек в стремлении разгадать тайны Байкала сочинял песни, сказки, предания, передавая их из поколения в поколение. Тематически предания, легенды и сказки о Байкале разнообразны, в них отражается попытка обоснования происхождения Байкала, стремление описать и объяснить особенности ландшафтного своеобразия региона, описать деятельность выдающихся предков. В данном исследовании мы обратим наше внимание на следующие жанры фольклора, в которых репрезентируется концепт «Байкал»: легенды и предания, сказки, песни, пословицы, благопожелания, загадки. Изученный фольклорный материал о Байкале, в зависимости от жанра и содержания, можно представить в следующей таблице:

Таблица 1

**Тематические группы в фольклорных текстах,
повествующих о Байкале**

Жанры	Ко л- во	%	Тематические группы	Название фольклорного текста	Ко л- во	%	
1							
Легенды и предания	52 (269)		О происхождении природных объектов	Ангара	«Как появилась Ангара»	8 (45)	10 %
				Ольхон	«Как остров Ольхон»	3 (10)	4 %

		71 %		образовался»				
			Провал	«О байкальском провале»	3 (9)	4 %		
			Ушканьи острова	«Ушканьи острова»	2 (10)	3 %		
						Всего:	16 (74)	- 21%
			<i>О Байкале</i>	Происхождение	«Сердце странника»	9 (50)	12 %	
				Название	«Бый-гал»	7 (40)	8 %	
						Всего:	15(90) –	20%
			<i>О происхождении народов</i>		«Хоредой Мэргэн»	11 (40) –	15%	
<i>О жизни на берегах Байкала</i>		«О воеводском сыне»	10 (30)–	13%				
2								
Сказки	9 (71)	12 %	<i>Об Ангаре</i>	«Ангарские бусы»	3 (16)	4 %		
			<i>О народах</i>	«Жена Хордея»	3 (16)	4 %		
			<i>О происхождении Байкала</i>	«Чайка-необычайка»	1 (13)	2 %		
			<i>О ветрах</i>	«Омулевая бочка»	1 (13)	2 %		
			<i>О жизни народа</i>	«Конец Хартагай-хана...»	1 (13)	2 %		
3								
Малые жанры	11	15 %						
Благопожелания	6 (6)	8 %	<i>О богатстве</i>		5 (5)	7 %		
			<i>Защита Байкала</i>		1 (1)	2 %		
Загадки	3 (3)	4 %	<i>О богатстве Байкала</i>		2 (2)	3 %		
			<i>О характере Байкала</i>		1 (1)	2 %		
			<i>О необходимости слушать старших</i>		1	2		

Пословицы	2 (2)	3 %			%
			<i>О характере бурят</i>		1
4					
Песни	1 (2)	2 %	<i>О каторжной жизни</i>	«Славное море, священный Байкал»	
			73 100 %		

Легенды и предания. Как видно из таблицы 1, большинство произведений о Байкале относятся к легендам и преданиям (52 пр., 269 конт., 71%). Легенда (от церковно-латинского «*legenda*» — «отрывок, подлежащий чтению») – небольшое религиозно-дидактическое повествование, разрабатывающее в форме отдельно связанной фабулы или отдельных эпизодов биографию лиц, растений, животных. По мнению В. Я. Проппа, этим словом обозначают разнообразные виды словесно-художественного творчества, относящегося к области фольклора и литературы [Пропп, 1998, с. 269]. Другими словами, легенда, как традиционная форма фольклорных повествований, характеризуется соотнесённостью с историческим временем, повествующим о знаменательных событиях, произошедших с обычными людьми в конкретных жизненных ситуациях. В отличие от мифа легенда обладает историчностью, которая реализуется в правдивом описании событий, а на достоверность описываемых в легенде событий влияют ссылки на знакомые места, представляемые в ней. В легенде отражается коллективный опыт людей, по этой причине степень правдоподобия легенды выше, чем у других форм мифологической прозы [Доржиева, 2011, с. 181]. К. В. Чистов выделяет следующие подвиды легенд:

- 1) этиологические (рассказы о происхождении животных и птиц, особенностях их строения);
- 2) апокрифические (основываются на вере и повествуют о жизни библейских персонажей);
- 3) топонимические [Чистов, 1967, с. 1].

Для нашего исследования значительный интерес представляют топонимические легенды, которые, являясь важной составляющей духовного наследия этноса, отражают историю и природу региона, сохраняют его культуру. Как отмечают О. Е. Афанасьев и А. В. Троценко, топонимические легенды «являются важными индикаторами сохранения национальной памяти и территориальной идентичности», топонимическая геоинформация, отраженная в легендах, способна раскрыть культурные, краеведческие и этнографические особенности территории [Афанасьев, Троценко, 2014, с. 68]. Помимо этого, исследователи выделяют основные признаки географических легенд:

1) недостоверность толкования семантики, либо невозможность проверки подлинности описанного (как правило, легенды отражают важное для региона событие, обросшее в дальнейшем домыслами и слухами);

2) тесная связь с географическим объектом номинации (объяснение происхождения рельефа, водных объектов, климатических особенностей);

3) сюжетность (легенды имеют смысловую целостность);

4) народное происхождение (авторство таких легенд принадлежит народу в целом) [там же, с. 70-71].

Совместно с легендами мы рассматриваем предания о Байкале, которые являются одним из тех жанров устного народного творчества, которые пользуются большой популярностью среди всех слоев населения, обладают широкой известностью. Предание – «народное сказание», точнее те рассказы и воспоминания, которые не входят в круг жанров, четко обособившихся: былин, исторических песен, духовных стихов, сказок, легенд и анекдотов [ФЭБ, <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/>, дата обращения 23.12.2014]. В российской фольклористике предания определяют как фольклорные эпические сюжеты с установкой на достоверность, они с наибольшей исторической точностью отображают прошлое народа и формируются на основе конкретных реалий действительности, связаны с историческими лицами и природными явлениями [Курбанов, 2008, с. 115].

По содержанию предания можно разбить на следующие группы: 1) мифические (рассказы о Боге, небе и его явлениях, душе, нечистой силе); 2) натуралистические (о происхождении растений и животных, птиц); 3) исторические, которые в свою очередь делятся на: географические, генеалогические, подлинно исторические и т.д. Байкал в репертуаре народных сказителей занимает большое место, о любимом «священном море», его красоте и роли в жизни местного населения повествуется во многих преданиях.

В рамках нашего исследования основной задачей является выделение в фольклорных произведениях о Байкале этнокультурных характеристик, особенностей национального менталитета и связанных с ним объектов, а также о жизни проживающих на его берегах народов. Нами проведен анализ 150 легенд и преданий, в которых выявлено 52 произведения, имеющих непосредственное отношение к Байкалу (часть 1, таблица 1).

Как показано в таблице 1, значительный пласт преданий и легенд затрагивает вопросы происхождения Байкала (9 прз., 50 конт., 17%). Согласно преданию «Откуда Байкал взялся» *«...много тысяч лет назад, а может и миллион» во время сильной грозы и землетрясения образовался провал, который впоследствии был затоплен растаявшими снегами и льдами, ...потому теперь в Байкале и дно такое неровное»* [Элиасов, 1966, с. 46]. В русском предании «Как Байкал появился» рассказывается, что на Саяны упал огромный камень, образовав воронку, которая впоследствии заполнилась водой [Элиасов, 1984, с. 35]. В другой легенде «О том, как произошел Байкал» рассказывается о том, что тысячи лет назад глубоко в земле сошлись вода и камень, что вызвало кипение камня. От образовавшегося пара земля разошлась в разные стороны, и все низкие земли оказались покрыты водой. Байкал никогда не убывает, потому что процессы эти происходят и в настоящее время. Вода же, в свою очередь, под землей соединяется с Ледовитым океаном. Многие старики рассказывали, что бывали случаи, когда лодка разбивалась на Байкале, а доски находили в

водах Ледовитого океана [Элиасов, 1984, с. 33]. Таким образом, многие предания указывают на то, что Байкал произошел в результате геофизических катаклизмов: падения метеоритов, движения земной коры, воздействия солнечных лучей. В своем понимании происходящих процессов народ исходил из материалистической природы и не считал за творцов природы силы, неведомые человеку.

Архетип природных катастроф проявляется во многих легендах, он развивался сказителями с целью объяснить происхождение объектов окружающего их мира. Байкал, являясь одним из главных «мест памяти» Республики Бурятия, аккумулирует всю историческую информацию о своем происхождении и развитии. М. Хальбвакс полагает, что коллективная память, сохраняя ограниченное количество значимых событий и мест, отражает отпечаток на карте нашего сознания самых важных из них [Хальбвакс, 2007, с. 203]. Термин «места памяти» («lieux de memoire») получил широкую известность после издания П. Нора своей работы о местах памяти Франции. Согласно исследователю, народная память всегда связана с какими-то особыми моментами в нашей истории [Нора, 1999, с. 17]. Как отмечает Г. С. Доржиева, чувство культурной непрерывности находит отражение в местах памяти современной Бурятии [Доржиева, 2014, с. 10]. Таким образом, Байкал стал важнейшим коммеморативным местом для людей, которые веками проживали на его территории и становились свидетелями различных природных явлений. Народное толкование образования озера в результате масштабного землетрясения пересекается с воззрениями многих современных ученых о коллизии плит либо трансформном разломе, хотя однозначного научного объяснения не существует до сих пор.

Во многих легендах и преданиях, попытки объяснить происхождение Байкала в далеком прошлом обрастают лирическими подробностями и формируют законченное художественное произведение. В наивной картине мира данные объяснения не подвергаются сомнению, несмотря на то, что они

зачастую не совпадают с официальной научной точной зрения. Например, предание «Сердце странника» повествует о человеке, помогающем людям, которые потеряли всякую надежду выбрать место для проживания. Странник вырывает сердце из груди и прожигает землю для освобождения воды. Вода впоследствии превращается в озеро, где люди начали постепенно населять земли, «...а потом народ вспомнил доброго странника и назвал море по имени его брошенного сердца «Байкал» [там же, с. 71].

Многие предания затрагивают вопросы мотивировки топонима *Байкал* (7 прз., 40 конт., 12%). Например, легенда «Откуда название Байкал взялось» рассказывает о том, что в далекие времена на месте Байкала был большой лес, в котором жила очень большая и опасная птица, которую никто не мог убить. Вскоре появился богатырь, который осмелился охотиться на эту птицу. Подстреленная птица упала на землю, образовав провал, сквозь который стали пробиваться столбы воды. Люди, увидевшие это, начали кричать «Байкал!», что могло означать в то время «пожар» или «птица», и с тех пор закрепилось за озером название [Элиасов, 1989, с. 235-237].

Предания, сюжет которых построен на объяснении бурятами слова «байгал», являются самыми распространенными среди русских сказителей. Самыми распространенными преданиями среди русского населения являются следующие варианты:

- По одной из версий, когда русские пришли к Байкалу, они стали спрашивать у местного населения название моря, на что буряты отвечали «Был-гал», подразумевая огненное место, где раньше сплошной огонь был, потом земля провалилась и стало море. А русский понял, что так море и зовется, и записал в книгу «Байкал».
- Согласно другому преданию, когда русские шли с Енисея к Нерче, то увидели, что море кипит. Буряты подумали, что русские спрашивают, почему море кипит, на что ответили «Байгал» (под водой огонь горит). С тех пор море Байкалом зовется [Элиасов, 1969, с. 180].

Эвенкийское предание повествует о том, что тунгусы в древние времена жили вокруг Байкала и кочевали круглый год. Когда пришли другие народы и спросили, что значит «Байкал», эвенки ответили - «всем озерам озеро, то есть самое большое великое озеро» [там же, с. 181]. Разные эвенкийские предания не изменяют основному сюжету, что название озера произошло от эвенкийского слова «байкал» 'озеро'. Якуты в древности также жили на берегах Байкала, но затем перекочевали на север в поисках богатств, однако впоследствии очень часто вспоминали о своей счастливой жизни на берегах великого моря и называли его «Бый-гал» - «великое богатое море» [там же, с. 182]. Несмотря на фантастичность преданий, ценность различных вариантов заключается в том, что они отражают попытку народа объяснить и осмыслить живую историю. Для этой цели народ привлекал различные художественные средства, которые он хранил в своем поэтическом арсенале.

Многие легенды посвящены особенностям ландшафта и происхождению других географических объектов, в частности, рекам и ручьям, впадающим в Байкал (8 прз., 45 конт., 15%). Появление рек и Ангара, в частности, объясняется в предании «Как появилась Ангара». В ней описывается землетрясение, в результате которого вода размыла горы и *«с тех пор потекли по падям речки и ручьи в море»*. Они приносили много воды Байкалу, и как ни старался «грозный седой старик» удержать все свое «богатство», просочилась вода и стала рекой Ангарой [Элиасов, 1984, с. 38]. Бытует и другая легенда, в которой рассказывается, что название Ангара идет от эвенков. В незапамятные времена в крупных горах забил ключ, и пошла вода, которая вскоре дошла до Байкала. *«В проходе, где раньше были скалы, появилась дыра, похожая на пасть зверя. Тунгусы закричали «Ангара», что значило «пасть»* [Элиасов, 1969, с. 189]. Распространенность преданий о Байкале и Ангаре вполне объяснима. На протяжении всей жизни бурят, эвенков, русских Байкал и Ангара служили источником их материального благополучия. Народы, чья жизнь была тесно связана с каким-либо водным источником, старались прославлять его, воздавать должное как

дару природы. В эвенкийском предании «О наших реках и речках» говорится: «каждая река хранит много интересных тайн, о некоторых тайнах узнают люди, про другие даже не догадываются» [Зубакина, 1958, с. 131].

Антропогенные характеристики Байкала проявляются в преданиях различных племен и групп, проживающих на его берегах. Балаганские буряты рассказывают истории, согласно которым у Байкала было девять сыновей (река Селенга с притоками: Уда, Джида, Чикой, Баян-Гол, Иволга, Итанца, Оронгой и Хилок) и единственная дочь - река Ангара. Девять сыновей собирают ему добро, а единственная дочь увозит это богатство. Кабанские буряты рассказывают о хозяйке Байкала Ехэ Төөдэй (Великая Праматерь), у которой 226 сыновей и одна дочь Ангара. Сыновья приносят матери добычу, а дочь пускает все по ветру. В преданиях данной тематики прослеживается стремление людей объяснить географическое своеобразие Байкала, которое проявляется в наличии значительного количества впадающих рек и ручьев и единственной вытекающей реке – Ангаре. Распространена легенда «Богатырь Байкал» о запретной любви Ангара и Енисея, которая злит отца-Байкала и вынуждает его бросить в свою дочь, убегающую от него и своего жениха Иркут, огромную скалу, которая известна теперь как Шаман-камень [Элиасов, 1966, с. 81].

Персонификация Байкала отражает отношение бурят к озеру, как человеку, который имеет детей, заботится о них, переживает за их судьбу. Природные объекты становятся идеальным фоном для проекции человеческих эмоций. Важной характеристикой народного творчества становится то, что человек старается выделить в окружающем мире те объекты, которые он может наполнить своим личностным смыслом. А. А. Залевская называет данное свойство человеческого сознания «избирательностью узнавания» [Залевская, 1992, с. 98]. Такое эмоционально окрашенное отношение создает условия для персонификации, наделения природных объектов качествами и свойствами, присущими человеку. Все реки почтительно относятся к своему отцу и покорно принимают его волю во

всем – характерные для бурят моральные устои и обычаи перекладываются на отношения между Байкалом и его детьми – уважение к старшим, их опыту и решениям, недопустимость брака без одобрения отца, осуждение расточительности и др. Как справедливо отмечает Л. М. Любимова, сопряжение культуры с человеком подразумевает основы очеловечивания мира, что влечет признание этнической принадлежности и отношения к локальной культурной традиции [Любимова, 2013, с. 106].

Некоторые предания связаны с островом Ольхон (бур. *ой* «лес» и *-хан* (*хон*) уменьшит.-ласкат. аффикс) [ТСЭБ, 2007, с. 117], который считается одним из самых сакральных и священных мест Байкала (3 прз., 10 конт., 6%). Священный мыс Бурхан (бур. «бог, Будда») известен как место пребывания хозяина Ольхона. Прекрасное описание данного мыса дано В.А. Обручевым: «эта красивая белая скала, напоминающая с воды драгоценный храм, имеет пещеру с округленными сводами и возвышением подобным алтарю» [цит. по Павлюченкова, 1997, с. 121]. По сведениям М. Н. Мельхеева там «имеется небольшая пещерка, в которой по преданию бурят, жили духи – хозяин Ольхона и его сын Орёл. Поэтому скала у бурят считалась священной, здесь совершались жертвоприношения духам – хозяину Ольхона. Когда к бурятам проник буддизм, скала стала называться Бурхан. На стенах скалы сохранились буддийские надписи» [там же, с. 42]. Сам Ольхон образовался в результате того, что «волны работали много лет, все гнали и гнали к подводной скале камни и песок, от этого и остров Ольхон взялся» [Элиасов, 1984, с. 35].

В легендах и преданиях дается попытка объяснить происхождение других географических объектов: так три легенды (6%) описывают происхождение Байкальского провала, когда «из под земли такой гром пошел, в степи целые прорвы появились и из них хлестала вода во все стороны». Многие сказители рассуждают о Боге, который оставил их в это сложное время и о возможности происхождения Байкала таким же образом [там же, с. 39]. В предании «Ушканы острова» рассказывается об

образовании Ушканьих островов в процессе страшной бури, которая хотела одолеть старика-Байкала. *«Расправил свои могучие плечи Байкал, набрал силу в свою богатырскую грудь и давай бороться с бурей. Скалу за скалой начал воздвигать вокруг себя. Вот так и появились на Байкале скалы назло бурям»* [там же, с. 73].

С Байкалом также связаны и повествования о происхождении племен, образующих бурятскую народность (11 прз., 40 конт., 21%). В легенде «О Бурядае и Суйхане» объясняется происхождение основных бурятских родов. Согласно легенде Бурядай и его супруга Суйхан усердно молились «святому морю Байкалу», чтобы тот помог им продолжить род, на что Байкал обещал исполнить их просьбы. На следующее утро Суйхан родила трех сыновей, которых назвали Булагатом, Эхиритом и Хоредоем, которые впоследствии и продолжают род Бурядая [Элиасов, 1966, с. 104]. Одна из самых известных легенд «Хоредой Мэргэн» связана с происхождением 11 хоринских родов от принцессы-лебеди Хун Шубун, которую выбрал себе в жены Хоредой-мэрген. Хоредой приехал на берега малого моря и просил благословения у Байкала, чтобы тот даровал ему счастливой жизни. Однажды, когда Хоредой сидел у берега и грустил, с глубины Байкала ему послышался голос о том, что Байкал вскоре познакомит Хоредоя с его женой. Прогуливаясь через несколько дней вдоль Байкала, Хоредой увидел принцессу, которая купалась в озере Байкал, сняв свою лебединую одежду. Хоредой спрятал волшебную одежду и вынудил девушку выйти за себя замуж. 11 детей Хоредоя и Хун Шубуун считаются предками 11 первых хоринских родов [Хангалов, 2004, с. 76-78].

Другие бурятские племена также связывают свое происхождение с Байкалом. Булагаты считают, что прародителями их предков стали шаманка Асухан и Буха-нойон-бабай, в предании «Булагат и Эхирит и их потомки» повествуется: *«...шаманка Асухан узнала, что у нее родился сын, которого воспитывает темно серый пороз. Шаманка пришла и взяла от Буха-нойон-бабая мальчика и начала его воспитывать, а впоследствии дала ему имя*

Булагат». Вторая шаманка Хусыхэн усыновила водяного мальчика, друга Булагата, дав ему имя Экирит. *«Когда Экирит был еще маленьким, его воспитывала рыба – пестрый налим, поэтому пестрый налим называется его отцом; щель берега служила колыбелью, потому считается матерью Экирита»* [Хангалов, 2004, с. 71-72]. Стоит отметить при этом, что в преданиях эхиритских и булагатских племен зачастую встречается образ Байкала, что можно объяснить их проживанием вблизи озера, и как следствие значительной роли озера в жизни этих людей [Балдаев, 2012, с. 35].

Тотемистические представления бурят связаны с одушевлением природы, господством культа животных и растений. Связывая свое происхождение с лебедем, быком или другими объектами окружающей действительности древние люди верили в родство между своим родом и животным и воплощали свою веру в тотем, который воспринимается как божество и прародитель. Мифопоэтическая картина мира отражает наиболее существенные ценности и нормы древнего общества бурят [Малзунова, 2010, с. 137].

В предании «О Гэнэн-худакте и Сухэр-ноене», записанном М. Н. Хангаловым, повествуется об отношениях между бурятами и монголами до прихода русских. «Буряты и монголы часто переходили то на ту, то на другую сторону Байкала» [Хангалов, 2004, с. 67]. Монголы посылают двух лам с целью обратить бурят в буддийскую веру, повествуется об их переплывании по реке Селенге на остров Ольхон. В эвенкийском предании «О роде киндыгир» рассказывается о ранних контактах между эвенками и другими племенами на берегах Байкала: *«по этой дороге монголы убежали от киндыгиров. Киндыгиры же с тех пор остались на этих землях, на Байкале»* [Воскобойников, 1967, с. 117].

Часть легенд и преданий описывает важный период в жизни Байкальского региона – освоение его казаками и русскими первопроходцами. В большей степени, они описывают путешествия удалых казаков по Байкалу и основание ими первых поселений – о казаке Перфильеве, в честь вдовы

которого названа деревня Максимиха; о посланнике Ерофее, убитом одним из ханов, когда «Байкал разбушевался»; рассказы «О воеводском сыне», в которых описывается страшная буря на Байкале и трусость воеводского сына, побоявшегося спасти казаков, выброшенных за борт. В наказание отец выкинул своего сына «в черную пучину Байкала» [Элиасов, 1966, с. 79-102]. Аксиологическая система, транслируемая из поколения в поколение казаков, характеризуется приоритетом воинских ценностей – сила, храбрость и поддержка своих товарищей приравнивались к моральным добродетелям. Е. М. Костюченкова, описывая уклад традиционной казачьей семьи, выделяет воспитание молодежи в духе ратных традиций в качестве основной функции родителей. Воспитание в семьях осуществлялось очень строго, за многие проступки отец мог физически наказать своего сына [Костюченкова, 2008, с. 185]. В рассмотренном примере трусость и нежелание помочь своим товарищам приравнивалась к позору всей семьи, и отцу ничего не оставалось, как отказаться от такого сына. Данная легенда выполняет конкретную общественно-значимую цель – воспитывает подрастающее поколение и демонстрирует традиционные устои казачьей общины.

Языковая репрезентация гидронима Байкал представлена в 269 номинациях озера в легендах и преданиях. Использование лексемы *Байкал* в тексте объясняется его содержанием – о происхождении озера, о мотивировке топонима, либо его тесной связью с другими объектами, а именно названиями рек, гор, ветров. Ключевая лексема *Байкал* характеризуется широкой сочетаемостью с различными частями речи и служебными словами: с предлогами (95 конструкций, 35%, например, «на Байкале», «у Байкала» и т.д.), с существительными (92 конструкции, 34%, «сторона Байкала», «дочь Байкала» и т.д.), с глаголами (68 конструкций, 25%, «разгневался Байкал», «молчит Байкал»), с прилагательными (14 конструкций, 6%, «седой Байкал», «грозный Байкал»).

Проанализировав основные предания и легенды о Байкале можно сделать следующие выводы:

1) предания и легенды о Байкале выполняют информативную (рассказывают и толкуют о событиях, произошедших на Байкальской территории) и эстетическую функции, что проявляется в необычности сюжетной ситуации, идеализации положительного героя, употреблении особых средств художественной выразительности речи;

2) предания и легенды существуют во многих вариантах, что является важной особенностью фольклора;

3) тематически предания и легенды делятся на несколько групп: о происхождении Байкала, мотивировка топонима Байкал, о Байкальском ландшафте, о происхождении племен, об освоении Сибири и Байкала. Таким образом, предания и легенды о Байкале относятся к исторической группе: географическим, генеалогическим и собственно-историческим;

4) легенды и предания, представленные в сборниках М. Н. Хангалова в большей степени отражают образ Байкала в бурятской языковой картине мира, а именно – роль Байкала в формировании бурятской народности. Материал, собранный Л. Е. Элиасовым обладает значительной этнической вариативностью, в сборниках можно найти бурятские, русские, эвенкийские и якутские предания.

Сказки о Байкале. Сказка является неотъемлемой частью фольклора любого народа. Подробный анализ сказки, как специфического жанра, проводится в работах известного отечественного фольклориста В.Я. Проппа. Исследователь определяет сказку как: «повествовательный жанр с устной формой бытования, имеющей своей целью развлечение и назидание, в основе которых лежит необычное событие [Пропп, 1984, с. 38].

В изученном нами материале выделено 9 сказок о Байкале, представленных в сборнике Л. Е. Элиасова «Байкала озера сказки», а также 2 сказки в сборнике В. К. Петонова «Меткая стрела» (часть 2, таблица 1). В рассмотренном материале прослеживается отчетливая связь с другими фольклорными жанрами - преданиями и легендами. Как указывает Е. В. Баранникова, сюжеты волшебных сказок часто обогащались за счет

трансформации широко известных легенд. Особо охотно сказители обращались к легендам и преданиям о прародителях бурятских племен – Хоредое, Эхирите и Булагате, о девушке-лебедь [Баранникова, 1978, с. 8].

Например, в сказке «Жена Хордея» рассказывается о том, как Байкал помог Хордею найти свою жену и избавил его от одиночества. Занимательное содержание и романтическая основа легенды послужила причиной переделки их талантливыми сказителями в сказки. Девушка-лебедь, ставшая женой Хордея, родила 11 сыновей, ставших зачинателями одиннадцати родов хоринских бурят [Элиасов, 1988, с. 55]. В. Я. Пропп отмечает, что мотив чудесного рождения героев предопределяет их исключительные свойства: их необыкновенность, незаурядность [Пропп, 1969, с. 99]. Центральным персонажем сказки становится младшая сестра, что типично для поэтики сказок. Легенда о лебеди, благодаря своему очарованию и поэтичности, давно перешагнула рамки родового предания и стала достоянием всех бурят, сюжет ее послужил основой чарующей волшебной сказки [Баранникова, 1978, с. 215].

В сказке «Чайка-необычайка» ведется повествование о птице с берегов Ледовитого океана, оказавшейся на Байкале, что коррелирует с преданиями о подземном соединении вод Байкала и океана. Сказка «Ангарские бусы» продолжает повествование о единственной дочери «могучего старца», отец подарил дочери дорогие бусы, а она развеивала это богатство по миру [Элиасов, 1988, с. 32-119].

В сказке «Омулевая бочка» рассказывается о волшебной омулевой бочке, вслед за которой передвигался весь омуль в озере: куда она плывет – туда и рыба. Два ветра (Култук и Баргузин) начали бороться за эту бочку, когда «могучий седой Великан Байкал» подарил им ее для забавы. Оба ветра влюбились в Сарму, ветер Малого моря, которая согласилась выйти замуж за того, кто первым принесет ей в дар бочку. Между ветрами началась неистовая битва, в ход которой Байкал отобрал у них бочку, чтобы они ссорились из-за этого и с тех пор все ветра разошлись по разным

направлениям и не общаются между собой [Элиасов, 1988, с. 62]. В данной сказке также прослеживается стремление народа объяснить происхождение ветров на Байкале, каждый из которых имеет свое название, а также отчетливо наблюдается персонификация природных явлений, с целью придания поэтики изложению.

Языковое оформление исключительно важно для постижения колорита сказок. В процессе передачи из поколения в поколение в «Байкальских сказках» прослеживаются постоянные стилистические средства, которые придают выразительность повествованию. Наиболее эффективным и устоявшимся приемом становится употребление эпитетов – *«могучий, грозный, седой, одинокий»* - с альтернативными именованьями к лексеме *Байкал* – *«море, старик, великан, батюшка»*. Необъятные просторы великого озера создают в сознании человека яркий образ могучего и грозного великана, который местные часто называют морем. Люди, которые жили и работали на Байкале, воспринимали его как покровителя, который кормил их семьи и обеспечивал всем необходимым – отсюда почетное название *«батюшка»* и *«старец, старик»*. Как известно, в бурятской традиции особое место отводится старикам, которые почитались и уважались всем народом.

Е. В. Баранникова, анализируя волшебные сказки бурят, отмечает, что антропоморфные образы обретают устойчивую форму [Баранникова, 1978, с. 187]. Антропогенные характеристики Байкала проявляются в сказке *«Конец Хартагай-хана и его сына Харжа-Мина»*, в которой рассказывается о бедном батраке, работающем на сурового хана. Бедняк отчаивается найти счастье в жизни и все заработанные деньги кидает в море – в надежде на его благословение. Вскоре *«не успел батрак опомниться от удивления, как Байкал забурлил, закипел до самого дна, к синему небу поднялся водяной столб, ударился о летучее облако и рассыпался мелкими брызгами. Из пены и брызг вышел хозяин Байкала, зашагал по притихшей воде»*. Байкал отдает свою дочь в жены батраку и та помогает ему справиться с всякими злоключениями и невзгодами [Петонов, 1973, с. 7]. Народы байкальского

региона всегда эффективно использовали природные ресурсы водного бассейна, именно поэтому статус традиционной духовной культуры всегда был на высоком уровне - подношения даров Байкалу с целью задобрить «кормильца» и обитающих на его территории духов – популярный сюжет фольклорных текстов. В. Я. Пропп называет данное явление переосмыслением обряда сказкой, т.е. изменение мотивировки либо других элементов, понимание которых позволяет понять сюжет и историко-культурный фон данного этноса более детально [Пропп, 2009, с. 120].

Анализ преданий, легенд и сказок показывает, что в них доминирует общенародная лексика и в меньшей степени представлены диалектные слова. Стилистическая окрашенность большинства сказок нейтральна, в то же самое время при описании Байкала зачастую сказители прибегают к возвышенному, поэтическому описанию: *«Сотни лет течет Ангара в Енисей водой-слезой, а седой одинокий Байкал стал хмурым и страшным»* [Элиасов, 1966, с. 81]. Семантико-стилистическая особенность бурятских сказок заключается в относительно редком использовании синонимов, антонимов и омонимов. Антонимы чаще встречаются в оппозиции «хороший-плохой», «богатый-бедный» и т.п. В грамматическом плане преобладают глагольные сочетания: «Байкала не боятся», «бросил Байкал». Форма множественного числа употребляется крайне редко, что можно объяснить ограниченным количеством предметов и героев в сказках. В текстах сказок лексема Байкал встречается 72 раза, в количественном отношении наиболее частотными становятся глагольные сочетания (34 ед., 47%, *«Байкал берег»*, *«Байкал гневается»* и др.), сочетания с существительными (26 ед., 36%, например, *«Байкал-батюшка»*, *«богатырь Байкал»*), сочетания с предлогами (8 ед., 11%, «на Байкале», «в Байкал» и др.), атрибутивные конструкции (5 ед., 6%, *«седой Байкал»*, *«грозный великан»* и др.). Доминирование глагольных сочетаний во многом объясняется олицетворением Байкала, который обладает всеми присущими живому объекту характеристиками и действиями. Олицетворение по своей сущности – явление очень древнее, функция его в

фольклоре чрезвычайно сложна и многогранна. Оно стало средством художественного отражения окружающей действительности, стало фактом искусства [Баранникова, 1978, с. 227]. Сказители показывают переменчивую погоду на Байкале, наделяя его антропогенными способностями и особым своенравным характером – *«Крепко любил Байкал свою дочь», «Байкал гневно крикнул...», «Байкал разгневаается...»* [Элиасов, 1988, с. 11-14].

Зачин, основная часть с кульминацией и концовка являются неотъемлемыми частями композиции сказок разных сюжетов и составляют единое целое. Особая ритмичность и изобразительность повествования кроется в устоявшихся стереотипных оборотах зачина и концовки. Практический материал показывает, что традиционные формулы зачастую приводятся в начале повествования. Сказочный зачин настраивает слушателей на волшебный лад, берет в плен их воображение – *«В одну глубокую холодную осень...»* [Элиасов, 1988, с. 215], *«Кто в глубокую старину считался самым славным и могучим богатырем, которого все боялись, но и почитали?»* [там же, с. 34]. Концовка же, напротив, возвращает читателя в реальный мир – *«Говорят, что всякое горе, если есть с кем разделить его, тягостно вполювину. А Хордей жил теперь не в одиночестве: его окружали сыновья с невестками и много внучат, в которых он и нашел утешение на старости лет»* [там же, с. 147]. В данном примере также прослеживается этнокультурная специфика морали – в бурятской традиции всегда самым главным богатством и счастьем считалась большая семья, дети. Таким образом, сказки в своем содержании продолжают стремление описать наиболее важные и значимые для народа феномены Байкала – его происхождение, происхождение рек, островов и ветров и т.д., добавляя при этом характерную для сказок волшебную, необычную форму изложения.

Малые фольклорные жанры. В богатейшей фольклорной сокровищнице заметно выделяется афористическая поэзия, в рамках которой обычно рассматриваются пословицы, загадки, благопожелания – так называемые «малые жанры». По сравнению с эпосом, сказками и преданиями

их отличает относительно небольшой объем. Мы разделяем мнение Д. Д. Санжиной о том, что элементы национальной культуры, которые могут быть универсальными и уникальными, отличают один этнос от всех других [Санжина, 2010, с. 112]. Нами выделены 11 произведений малого жанра о Байкале (15%) - 6 благопожеланий, 3 загадки и 2 пословицы (часть 3, таблица 1).

Безусловно, **благопожелания** (*Үрээлнүүд*) занимают важное место в жанровом составе современного фольклора бурят. Благопожелания характерны для многих народов и являются наиболее яркими поэтическими произведениями, сопровождающими разные обряды (начало жизни, таинство появления на свет, имянаречение, все периоды жизни) и одновременно закладывающими основы восприятия мира [Михайлова, 2010, с. 29].

Как отмечает Г. А. Дырхеева, сферы функционирования бурятского языка сегодня достаточно ограничены, несомненно, благопожелания являются одним из ключевых жанров, в которых бурятский язык активно применяется и развивается [Дырхеева, 2011, с. 134]. С. С. Бардаханова в своей работе указывает на то, что «происхождение и формирование благопожеланий как жанра уходят в глубокую древность и связаны с ранними формами представлений людей о мире, которые верили в силу магического воздействия слова. Посвящая кому-то благопожелания, далекие наши предки были убеждены, что добрые пожелания, выраженные определенными словами, имеющими магическое значение, обязательно сбудутся» [Бардаханова, 1987, с. 148]. Таким образом, благопожелания восходят к архаическим жанрам – заговорам, заклинаниям. Заговорная формула связана со стремлением древних людей силою слова повлиять на стихийные, враждебные людям природные силы [Санжеева, 2011, с. 220]. Как отмечает Е. Д. Гымпилова, по содержанию и своей функциональной направленности благопожелания противоположны другому жанру обрядовой поэзии бурят – харалам (проклятиям). Эта особенность характеризуется бурятской пословицей «Юрθθлой үзүүрта – тоһон, хараалай үзүүрта – шүһан»

(«На кончике юрала – масло, на кончике проклятия – кровь») [Гымпилова, 2005, с. 45].

Благопожелания несут большую эмоциональную нагрузку, а также излагаются в лаконичной форме. Материалом исследования послужил сборник С. Д. Бабуева, в котором представлены наиболее распространенные и устоявшиеся благопожелания [Бабуев, 1990]. Методом сплошной выборки нами выделены 6 благопожеланий, имеющие в своем содержании лексему «Байкал». Тематическая особенность данных благопожеланий разнообразна, говорящий желает различные блага: знания, доброту, чистоту, здоровье, долгие годы жизни. Общей чертой всех благопожеланий становится образ Байкала – чистого, вечного, мудрого и безгранично доброго покровителя.

Художественная форма построения благопожеланий варьируется, встречаются монострофические произведения, состоящие из двух-трех строк:

*Ажсалаараа шалгаржа, эрдэмээрээ элиржэ,
Байгал далай шэнги суда орон,
зоной омогорхол болон ябагты!*

- «выделяйтесь трудом своим и знанием, станьте известным, как Байкал море, и будьте гордостью своего народа!»), и полистрофические произведения:

*Байгал номин далай шэнги
оёорһоо тунгалаг,
Бархан үндэр уула шэнги
орьёлһоо тунгалаг.
Буряад оронойнгоо галл гуламта
Бата бэхээр дэгжээгээд,
Дааган мориёо һүүлдэжэ,
Дархан солоёо нэрлүүлжэ ябаарайт.*

- «будьте чисты до дна как голубой Байкал, как горы Бархана до самой вершины, укрепляйте дом наш общий – родную Бурятию. Ловите лончака (жеребца) за хвост, прославляйте род ваш кузнечный»). Благопожелания

имеют, как правило, обозначенную структуру: зачин, который представляет собой обращение к кому-либо и определяет дальнейший ход мыслей исполнителя; главное содержание, составляющее основную смысловую часть; концовка, обобщающая содержание и несущая в себе некую зачинательную функцию [Михайлова, 2010, с. 30]. Поэтому в благопожеланиях глаголы в большинстве случаев употребляются в повелительном наклонении: *«Байгал далай шэнги / Баран мунхэ / үри хүүгэдтнай дэлгэржэ байг»* («Пусть потомки ваши процветают как Байкал море»).

Благопожелания отличаются высоким слогом, бытуют в стихотворной форме и, как правило, произносятся в рифму. Звуковая организация благопожеланий формируется благодаря аллитерации. В анализируемых благопожеланиях мы обнаружили два вида аллитерации: 1) анафористическая аллитерация, характеризующаяся совпадением начальных букв или слогов в соседних строках: *«Байгал далай шэнги / Баран мунхэ / үри хүүгэдтнай дэлгэржэ байг»* («Пусть потомки ваши процветают как Байкал море»); 2) перекрестная аллитерация (начальные буквы строк чередуются и попарно повторяются через строку): *«Байгал номин далай шэнги / оёорһоо тунгалаг / Бархан үндэр уула шэнги / орьёлһоо тунгалаг»* («Будьте чисты до дна как голубой Байкал, как горы Бархана до самой вершины, укрепляйте дом наш общий – родную Бурятию. Ловите лончака (жеребца) за хвост, прославляйте род ваш кузнечный»). Данные стилистические приемы усиливают выразительность художественной речи говорящего.

В рассмотренных нами благопожеланиях встречается 6 атрибутивных конструкций с лексемой *Байкал*, использование которых необходимо для реализации стилистических приемов сравнения и метафоры: например, уровень знаний сравнивается с необъятной глубиной Байкала – *«Байгал далай мэтэ оёоргүй сэсэн ухаатай»* («Пусть ум ваш будет глубок как бездонный Бакал»).

Загадки – это жанр, в котором вещи и явления воспроизводятся иносказательно, через сравнения их с другими предметами или явлениями [Комлева, 2010, с. 76]. В. П. Аникин в работе «Русский фольклор» выделяет следующие тематические группы загадок: «Человек», «Одежда и украшения», «Внутреннее убранство», «Домашние животные и птицы», «Явления природы», «Жизнь и смерть» [Аникин, 1985]. Для изучения загадок о природе, в частности о Байкале, мы обратились к работам Ц. Б. Будаева, составителя словаря бурятско-русских адекватных пословиц, поговорок и загадок. Нами выделено 3 бурятские загадки, ответом на которые была лексема *Байкал*:

1) «*Баян хүнэй газаа / Байха модон үгы (Байгал далай)*» – «*Во дворе богача нет даже коновязи (Море Байкал)*»;

2) «*Хүхэ торго отолжо ядабаб (Байгал далай)*» – «*Синий шелк никак нельзя разрезать (Байкал)*»;

3) «*Хаһагай морише / Хаажа боожошье ядааб (Байгал далай)*» – «*Быстрого коня никак не смог остановить (Море Байкал)*» [Будаев, 1988, с. 34-37].

Г. Н. Волков в своей работе «Этнопедагогика» выделяет следующие виды загадок: образные, вопросы и задачи. Загадки-образы описывают какой-либо предмет действительности, в то время как загадки-вопросы задают задачу, которую необходимо решить: «У семерых братьев по одной сестрице. Много ли всех?» (Одна) [Волков, 1999, с. 79-87]. Загадки о Байкале в своей основе имеют конкретный поэтический образ. В приведенных загадках с помощью метафоры создается образ Байкала как очень богатого старца, что, в свою очередь, перекликается с центральными идеями в преданиях и сказках. Бескрайняя поверхность озера сравнивается с голубым шелком, признаком достатка и процветания. Помимо этого, Байкал сравнивается с конем, который всегда считался даром богов, который необходимо оберегать. Важное место, которое занимал конь в повседневной жизни скотоводов и кочевников, создало широкую обрядовую практику, связанную с признанием

важности этого животного – вывешивание хий моринов (тряпичных икон-символов с изображением коня) распространено на территории современной Бурятии. Коновязь, будучи связанной с культом коня, является основной чертой бурятских поселений, устанавливаемая не только с практической целью, но и для проведения разных обрядов. В сакральном смысле такие столбы представляли собой маркеры создания новой ячейки общества, поскольку к женитьбе сына обязательно устанавливалась коновязь (сэргэ) [Содномпилова, 2005, с. 35]. Сэргэ обычно старались сделать мощным и красивым, чтобы он мог противостоять воздействию времени, так как от его сохранности зависела жизненная сила дома, семьи и рода в целом [Жамбалова, 2000, с. 272]. Таким образом, Байкал, имея значительное количество разных богатств (реки, животные, рыбы, растения и др.), а также, будучи известным своей переменчивой погодой и ветрами, сравнивается с быстрым конем, что, одновременно, описывает его нрав и является сакральным образом в бурятской культуре.

Коллективная мудрость от поколения к поколению передается в **пословицах**, которые, несмотря на свою емкую форму, могут служить инструментом измерения культурных доминант. Пословица – «образное законченное изречение, имеющее назидательный смысл, обычно характеризующееся особым ритмо-интонационным и фонетическим оформлением (параллелизм построения, стихотворный размер, звуковые повторы, рифма и т. п.)» [Словарь лингвистических терминов, 2008, с. 311]. Пословицы представляют несомненную ценность при изучении культурных концептов, т.к. обладают возможностью аккумулировать важную экстралингвистическую информацию и оказывать воздействие на адресата. Исследование пословиц с когнитивных и лингвокультурных позиций – распространенная тенденция современных российских лингвистических исследований (О. А. Дмитриева, 1997; С. Г. Воркачев, 2001; А. Н. Баранов и др.). В ходе работы с фольклорными записями нами выделены две пословицы о Байкале на русском и бурятском языках:

- 1) *«Кто Байкала не видал – тот Сибири не знал».*
- 2) *«Байгал далайн уһан һайхан, Бурхан багшын һургаал һайхан» - «Вода Байкала прекрасна, Учение бурхана прекрасно» [Будаев, 1988, с. 56-74].*

В первой пословице наглядно демонстрируется устойчивое представление сибиряков и россиян, в целом, о том, что Байкал – это сердце Сибири. С древних времен озеро получило широкую известность в разных сферах жизни: в географии, истории, политике и литературе. На сегодняшний день озеро является достопримечательностью российского и мирового значения. Во второй пословице выражается религиозная аксиома поведения – уважение религиозных предписаний. Смысл данного суждения является моральным и несет в себе интенцию объяснить, как необходимо вести себя в священных местах Байкала – уважать природу и всех живых существ, бережно относиться к природным богатствам и дарам, не тревожить духов местности.

Песня – фольклорный жанр, который включает в себя все, что поется, при условии одновременного сочетания слова и напева [ФЭБ, <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/>, дата обращения 1.09.2014]. История песни «Славное море, священный Байкал», которая по праву считается гимном Байкала, берет свое начало в 1858 году, когда петербургская газета «Золотое руно» опубликовала стихотворение смотрителя Верхнеудинского уездного училища и выходца из дворянской семьи Д. П. Давыдова «Думы беглеца на Байкале». Вскоре оно было положено на музыку, авторами которой считаются заключенные с нерчинских рудников. В дальнейшем песня получила широкую популярность среди русского населения, появлялись новые варианты исполнения песни.

Составители сборника «Русские народные песни Сибири и Дальнего Востока» С. И. Красноштанов и В. С. Левашов выделяют среди тюремных песен «острожные» и «бродяжнические» циклы; в «острожных» песнях Сибири исследователи отметили те же мотивы, которые характерны для

общерусских тюремных песен. «Бродяжнические» песни, посвященные «преимущественно изображению горемычной доли беглеца», по мнению составителей сборника, следует признать собственно Сибирскими [Красноштанов, Левашов, 1997, с. 35-36]. Н. П. Колпакова также выделяет ссылку (каторга и бегство, бродяжничество) в качестве основных сюжетных мотивов тюремных песен [Колпакова, 1977, с. 93].

Большое значение в песнях имеют композиционная четкость и слаженность, которые помогают раскрыть сюжет и мысли героев. Народные песни имеют две устойчивые композиционные формы: монолог и диалог. Монолог – песенная форма, пронизанная единым настроением, мыслью и созвучием, концентрирующая переживания одного человека – лирического героя. Диалог предполагает исполнение произведения несколькими людьми во время свадебного или другого обряда [Минуллин, 2012, с. 123].

Неоспоримым является тот факт, что, ключевым элементом в вариантах песни и стихотворения является Байкал, вокруг которого и вращается основной сюжет. История повествует о тюремном заключенном, который осмелился на опасный и рискованный побег из мест заключения через Байкал в омулевой бочке, что в то время было достаточно распространенным явлением. Во время осуществления своего плана беглец задумывается о таких вечных темах как молодецкая удаля, судьба и свобода – именно такой всеохватывающий характер и сделал данную песню доступной и понятной для широкого круга лиц.

Первоначальный вариант стихотворения состоял из 11 строф, которые в процессе народной интерпретации были сокращены до 5, при этом были сохранены наиболее важные и существенные элементы. Книжная лирика и тема борьбы за свободу после переработки сохраняется, но преобразуется в поэтические формулы народной песенной традиции. Константной чертой является использование просторечных выражений («пошевеливай», «недалечко», «почуя» и т.д.) наряду с изящными поэтическими конструкциями («пуля стрелка миновала»), что придает произведению

наряду с доступностью определенную гармоничность и мелодичность. Переходу стихотворения в народное творчество способствует не только особенности языка, но и сам сюжет - жажда свободы и побег.

Ирония в строках *«славный корабль омулевая бочка», «славный мой парус – кафтан дыроватый»* не являются метафорой, а отражают реальный способ переправления беглецов через Байкал. В припеве беглец также обращается к Баргузину – одному из ветров, преобладающих в основном в центральной части озера - из Баргузинской долины поперек котловины Байкала в сторону острова Ольхон, что географически совпадает с направлением движения беглеца. Известно, что ветер Баргузин имеет достаточную силу, но при этом свойственен для солнечной погоды и не приносит шторм: *«Эй, Баргузин, пошевеливай вал»* - через персонификацию Баргузин предстает из немногих «товарищей», помогающих совершить побег. Как справедливо указывает А.Н. Лозанова, природные стихии зачастую становятся адресатами в песнях о заключении и бегстве, символизируя волю и свободу [Лозанова, 1955, с. 435].

В последующих куплетах беглец вспоминает о тяготах своего пребывания в Акатуевской тюрьме, находившейся в с. Акатуй (*«Долго скитался в горах Акатуя»*), о побеге (*«горная стража меня не поймала», «пуля стрелка миновала»*), о знаменитых Нерчинских рудниках (*«Шилка и Нерчинск не страшны теперь»*), которые являлись основным местом ссыльных каторжных работ в Восточной Сибири. Использование данных имен собственных также вызывает ряд ассоциативных связей в коллективном сознании этносов и делает песню понятной многим категориям населения. Беглец повествует о том, как смог выжить при помощи сибиряков: *«хлебом кормили крестьянки меня, парни снабжали махоркой»*. Многие ссыльные того времени отмечают сердечность и милосердие сибиряков по отношению к ссыльным, помогавшим им едой, одеждой и кровом.

В процессе фольклоризации песни можно наблюдать три основных направления: во-первых, текст песни сохраняется практически полностью (за

исключением определенных лексических изменений, например в тексте песни вместо «привольный Байкал» используется эпитет «священный Байкал»); во-вторых, в песне отражается топонимика Сибири (Шилка, Нерчинск, Акатуй), что делает ее близкой и понятной для населения этого края; наконец, контаминация авторского смысла и народной интерпретации создает типичный образ невольника, скитающегося в бегах. Протяжная мелодия песни придает ей «застольный» характер и она неоднократно воспроизводится в характерных для песенного фольклора условиях и приобретает всероссийскую известность.

Проанализировав весь пласт регионального фольклорного материала о Байкале, можно сделать следующие выводы. Во-первых, тема Байкала является достаточно популярной в рассмотренных нами жанрах и произведениях, о чем свидетельствует 73 фольклорных произведения, в которых лексема Байкал встречается 349 раз. Несомненно, образ и роль Байкала в преданиях различных этнических групп неоднозначны в силу того, что «всякий этнический процесс, этническое явление имеют свою социальную сторону, а на большинстве социальных явлений и процессов лежит отпечаток этничности» [Доржиева, 2012, с. 69].

Так, в бурятской языковой картине мира наблюдается значительное количество преданий и легенд, сказок, отражающих происхождение озера, а также историческую связь предков с озером, которое зачастую считается их прародителем и покровителем. Байкал зачастую выступает активным героем, который принимает непосредственное участие в происходящих действиях. Важными жанрами бурятского фольклора становятся благопожелания и пословицы, которые передавались из поколения в поколение, и становились образцами народной мудрости. Языковая репрезентация Байкала в данных жанрах характеризуется значительным количеством эпитетов, сравнений и персонификаций, необходимых для создания яркого и насыщенного образа.

Эвенки верят, что название *Байкал* имеет непосредственное отношение к древним тунгусам, проживавших на территории великого озера. Письменно

закрепленные легенды и предания о Байкале немногочисленны, что можно объяснить превалированием охоты и лесного образа жизни. Помимо этого, эвенки являются коренным малочисленным народом России, занимающимся скотоводством и кочевничеством. Небольшая плотность населения и частые миграции так же сказываются на количестве легенд и преданий о Байкале.

В русской языковой картине мира фольклорный материал о Байкале в большей степени представлен преданиями и легендами, в которых авторы стремятся дать трактовку происхождения топонимов Сибири и Байкальского региона. Первые русские поселенцы в регионе стремились понять этимологию основных географических объектов, которые их окружали, опираясь на рассказы коренных жителей. Многие предания касаются важного периода в жизни русского населения в Забайкалье – освоения региона казаками, в котором Байкалу отводится одно из ключевых мест. На Байкале происходила вся жизнь и деятельность этих людей, поэтому и основные нравоучения и рассказы также связаны с ним.

2.1.2. Репрезентация концепта Байкал в прозаическом дискурсе.

Прозаический текст хранит в себе множество возможностей для познания закономерностей формирования и функционирования концепта в сознании авторов и широкого круга читателей. У каждого из народов, живущих на территории свои обычаи, свои традиции, свои национальные особенности, своя нажитая культура. Особенностью творчества М. И. Жигжитова и К. Н. Балкова является то, что оно питается из нескольких национальных источников. Именно это и делает изучение творчества указанных писателей актуальным для понимания роли концепта Байкал в культурах различных этнических групп, проживающих в Байкальском регионе. В прозе авторов Байкал – живое существо, строгий судья, дарующий жизнь, либо отнимающий все [Грязнова, 2010, с. 33].

М. Жигжитов и К. Балков выступили на литературном поприще, когда экономика и культура Бурятии развивались успешно, когда бурятская

литература стала профессионально зрелой, реалистически полнокровной, когда уже зародились все основные ее жанры. Успешно развивая свою национальную по форме культуру, буряты активно приобщались к художественным ценностям русской мировой культуры, что является одной из причин быстрого расцвета искусства и литературы бурятского народа.

Художественно-образное мышление авторов таково, что оно открыто выступает против «нейтральности» и «беспартийности», против культа фактов и деталей, против отказа от идейно-художественных истолкований их. В силу таких философских позиций, лежащих в основе творческих поисков, М. Жигжитов и К. Балков совершенно чужды авторам, способным лишь описывать жизнь в формах самой жизни, чужды литераторам-фактографам, неспособным на художественный вымысел, на творческое переосмысление и воображение. Известный исследователь творчества писателя М. П. Хамаганов отмечает, что «художественно разрабатывая тему Байкала, Жигжитов не пользовался телескопом, охватывающим своим взором неоглядные водные просторы Байкала и безбрежные таежные дебри, но в то же самое время не прибегал к помощи электронного микроскопа, регистрирующего крохотные детали» [Хамаганов, 1993, с. 100].

Трилогия «Подлеморье» (1981), состоящая из трех книг («Волчонок», «Следы Волчонка», «По следам Волчонка»), повествует о драматических событиях в Бурятии – ликвидация кулаков, создание колхозов, взаимоотношение религий и героев. Заглавие романа М. Жигжитова «Подлеморье», являясь одним из ключевых элементов романа, коррелирует с названием природно-исторической области на северо-восточном берегу озера Байкал, в пределах Республики Бурятия. Название Подлеморье исторически было образовано русскими поселенцами на основе местного наименования Байкала - морем. В данном заглавии наряду с историческими и универсальными функциями (номинативная, разделительная) отчетливо прослеживается информативная и экспрессивно-апеллятивная функции: заглавие определенным образом информирует читателя о тексте, месте

действия, а также готовит его психологически к восприятию произведения. В тексте романа название «Подлеморье» употребляется для указания на место обитания, дом проживающих на его берегах народов: *«Говорили люди, оттого и разгневался Байкал-батюшка, что жители Подлеморья мало-помалу начали забывать об уважительном отношении к нему»* [Жигжитов, 1981, с. 11]. Герои, вне зависимости от этнической принадлежности (русские, буряты, эвенки, монголы), почетно называют Байкал «морем», один из героев, защитник природы Колька Ланцов, угрожает рабочим, варварски искореняющим природу святого озера: *«Станете обижать Байкал-море, на самое дно опушу, и уж не сыщите дороги обратно»* [Жигжитов, 1981, с. 166].

Ким Николаевич Балков – писатель, лауреат Большой литературной премии России. Идеино-художественные качества, характерные для рассказов и повестей К. Балкова (байкальская природа, ее жизнь, богатства и ресурсы, ее красота, ее настоящее и будущее), с особой силой проявились в его романе «Байкал – море священное». В основе сюжетной линии романа лежат реальные события – строительство Кругобайкальской железной дороги и русско-японская война, которые оставили глубокий отпечаток в истории Байкальского региона. Переплетение исторических фактов и народных поверий, легенд, бытовых подробностей определяют художественное качество и культурную ценность романа. Интерпретируя название, можно предположить, что в романе одним из главных героев является сам Байкал. В образе Байкала находят отражение представления и взгляды автора на природу и окружающую его культуру, т.е. Байкал выступает в качестве аксиологического символа. Писатель определяет Байкал, как нечто мистическое и загадочное, тайну которого пытаются разгадать герои: *«Велик Байкал и загадочен... вековечную тайной веет от него, грустная эта тайна, сердцем почувствуешь: грустная, а понять, постигнуть и не пытайся даже»* [Балков, 1989, с. 6]. Художественно-образное преломление историко-культурных ценностей показывает объединяющий характер Байкала: *«Не*

русское море, не бурятское, не чье-то еще. Вселенское» [Балков, 1989, с. 257].

Анализ синтактики художественного концепта в произведениях позволил выделить многочисленные сочетания толексемы *Байкал* с прилагательными, глаголами, существительными и предлогами. Данный факт свидетельствуют о многообразии синтагматических связей данной лексемы, демонстрирует сильный обобщающий потенциал слова-концепта *Байкал* в творчестве авторов.

Значительное количество атрибутивных конструкций в тексте романов (106 конструкций, 28%) можно объяснить функцией прилагательного как части речи – именно оно обозначает признак и свойства предметов, и тем самым выполняет функцию выражения эмоции и поэтики реалий окружающей действительности. Прилагательные отражают несколько характеристик Байкала в тексте:

Таблица 2

Характеристики Байкала, выраженные атрибутивными конструкциями

№	Характеристика	Пример	Количество	%
1	Цвет	Нежно-нежно голубое море	41	38%
2	Настроение	Ликующий Байкал	26	24%
3	Принадлежность	Наш Байкал	16	15%
4	Внешние характеристики	Красивый Батюшко-Байкал	6	6%
5	Сакральное отношение	Священный Байкал	5	5%
6	Размер, глубина	Страшно глубокая вода	5	5%
7	Качество воды	Прозрачная вода Байкала	4	4%
8	Временные характеристики	Вечерний Байкал	3	3%
Всего:			106	100%

Как видно из таблицы 2, колоративные прилагательные (№1) употребляются автором в большинстве случаев для характеристики и

описания Байкала. Помимо этого, авторы используют атрибутивные конструкции (№2) для описания настроения Байкала (26 ед., 24%), который, несомненно, является одним из действующих героев в романе, и развитие основной сюжетной линии откладывает отпечаток на настроение Байкала. Например, в зависимости от происходящего, его настроение может меняться следующим образом: «*Синь Байкала стала черной. Байкал почернел*» [там же, с. 304], «*Велик Байкал и загадочен, неподсуден людскому мнению, сам по себе, щедр ли на ласку, суров ли*» [Балков, 1989, с. 3], «*А море все плещется, большое, грустное...*» [там же, с. 319]. Частотное использование описательных конструкций (№3) для обозначения принадлежности Байкала (26 ед., 24%): «*У Кольки Ланцова великое уважение к отчему краю, а пуще того, к священному **сибирскому** морю*» [там же, с. 166], «*Не русское море, не бурятское, не чье-то еще. **Вселенское***» [там же, с. 257].

Характеристики Байкала (№6) как географического объекта (5 ед., 5%): размер («*И подошли они к морю, было оно **большое** и гневное, **саженные** волны стали на пути людей*») [Жигжитов, 1981, с. 4], глубина («*А подо льдом поджидала смельчаков черная, **страшной** глубины вода*») [Жигжитов, 1981, 38], внешние характеристики (№4 – 6 ед., 6%) - («***Красивый** Батюшко-Байкал и рыбу нарожал красивую*») [Жигжитов, 1981, 473] также находят свое отражение, хоть и в меньшей степени.

Сочетания лексемы *Байкал* с синсематичными словами (117 конструкций, 31% – «на Байкал», «по Байкалу», «через Байкал») и с существительными (84 конструкции, 22% – «берег Байкала», «дно Байкала», «лед Байкала») несут в своем содержании конкретизирующую и ориентационную функции, создающие особый пространственный континуум на фоне которого разворачиваются основные события в романе. При помощи концентрации предлогов и союзов достигается впечатление динамизма происходящего события; направление, способ, темп передвижения передаются не через название соответствующих действий и объектов, а через скопление указанных синсематичных слов. Глагольные конструкции (70

конструкций, 19% – «Байкал почернел», «Байкал искрится») в большей степени представлены сочетанием лексики Байкал и глагола в активной форме, благодаря чему создается впечатление активного участия Байкала в сюжетной линии романа, демонстрируется его деятельностный характер. На наш взгляд, образ Байкала многоаспектно реконструируется в романах М. Жигжитова и К. Балкова – в изображении ценности озера скрыта тяга к красоте и идеалу родной природы, почитанию святых мест, традиций и обычаев своего народа.

2.1.3. Репрезентация концепта Байкал в поэтическом дискурсе.

Поэтический дискурс – особое общение, «насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках» [Карасик, 2009, с. 326]. Мы разделяем мнение И. С. Болдоновой о том, что образ священного Байкала в поэтическом дискурсе стал предметом изучения многих социально-гуманитарных наук. «Созерцание природного чуда, ощущение его энергетической мощи может привести к постижению фундаментальных основ бытия, априорных законов, к пониманию себя как личности, живущей во взаимодействии с Байкалом. Феноменологизация поэтического восприятия раскрывает не только потайные смыслы стихотворений, но и помогает постичь тайны самого творческого процесса» [Болдонова, 2013, с. 149].

Для нашего исследования использованы поэтические произведения из «Антологии литературы Бурятии XX - начала XXI в.в.» [Дугаров, 2010]. Методом сплошной выборки мы выделили произведения пяти авторов (Д. Жалсараев, В. Петонов, Л. Олзоева, М. Шиханов, Н. Дамдинов), в которых образ Байкала представлен наиболее частотно. Всего авторская картотека включает 70 стихотворений, посвященных Байкалу.

Народный поэт Бурятии Дамба Зодбич Жалсараев занимает особое место в истории отечественной культуры, бурятской национальной

художественной литературы. Его поэтические произведения вошли в сокровищницу не только бурятской, но и многонациональной советской литературы. Под его пером поэзия превратилась в подлинно народное искусство, оказала большое влияние на общественно-политическую жизнь. Он по праву является эмоционально ярким, психологически тонким лириком. Его произведения являются шедевром поэтического искусства, пронзительно проникающими в глубинные процессы народной жизни, ярко запечатлевшими образ бурятского народа, славного моря и священного Байкала, его богатую красоту.

Стихи о Байкале составляют целый цикл, имеют свою палитру, свою тональность, которые состоят из причудливого сочетания различных оттенков и гамм сложных переживаний: вдохновение, экспрессивность мыслей. Изображая жемчужное чудо природы – Байкал, поэт раскрывает новые грани в его облике, жизни и труде. Стихи создают собирательно-обобщенный, величественный образ Байкала, раскрывая его разносторонние черты. Тонкое эстетическое восприятие и ощущение, восторженное отношение, чувство радости и гордости, вызванные величием и красотой Байкала, переходят в тревогу и беспокойство за его благополучие и сохранность. Поэту удалось создать сложный характер Байкала: то вспыльчивый и крутой, то гордый и щедрый, то тяжелый и упрямый, то спокойный и добрый, то холодный и мрачный. Поэтическое мастерство поэта рельефно проявляется в его умении наполнять Байкал человеческой душой, думами, переживаниями. Эмоциональность поэтической ритмики, верность и свежесть лирических образов, зримость и красочность, гиперболизация, лиризация, героизация ситуации.

Анализ 21 стихотворения Д. З. Жалсараева позволил выделить 64 контекста репрезентации лексемы *Байкал*. Тематическое варьирование произведений осуществляется в рамках следующих групп: 1. Стихотворения-оды Байкалу (7 ед., 21 конт., 34%); 2. Стихотворения о природе Байкала (6 ед., 18 конт., 29%); 3. Стихотворения, пересказывающие содержание

известных фольклорных произведений (3 ед., 10 конт., 14%); 4. Стихотворения о войне и труде на Байкале (3 ед., 9 конт., 14%); 5. Стихотворения, затрагивающие экологические проблемы (2 ед., 8 конт., 9%).

Первая группа «Стихотворения-оды» восхваляет озеро, отражает его основные достоинства, а также поднимает вопрос о региональной и мировой ценности великого озера. В стихотворении «Тезки» автор пишет об известности озера, о распространенности его имени в брендинге и прагматике. Стихотворения о природе Байкала описывают удивительные пейзажи и красоты Байкала, в частности, окружающих его рек и гор. И. С. Болдонова справедливо отмечает, что природа в произведениях бурятских поэтов является основой формирования национального менталитета и характера [Болдонова, 2013, с. 150]. Фольклорные произведения, созданные Д. Б. Жалсараевым, перекликаются с известными легендами о происхождении Ангары – единственной дочери Байкала-батара, а также создают аллюзию к гимну Байкала «Славное море – священный Байкал»: *«Славное море, священный Байкал. Мы драгоценней не знаем святыни»* [Жалсараев, 2000, с. 163]. Байкал во многом воспринимается как труженик, помогающий людям в суровые военные годы и в мирные трудовые будни. Экологические проблемы, затронутые автором, несомненно, актуальны и сегодня. В его стихах речь идет о загрязнении притоков озера, а также о безответственном отношении к защите озера: *«Приносят они Байкалу вместе с водою — грязь, которой везде немало»* [там же, с. 155]. Эколого-эстетическая культура и сознательная гражданская позиция формируются посредством творчества, патриотические призывы поэта находят отклик в сердцах читателей и воспитывают уважительное отношение к Байкалу.

В лингвистическом аспекте актуально рассмотрение часте-речной сочетаемости рассмотренных сочетаний лексемы. Так, лексема *Байкал* используется с существительными в 36 примерах (57%) – *«Байкал-батор»*, *«богатырь Байкал»*, с прилагательными - 15 (23%) – *«седой Байкал»*, *«священный Байкал»*, с глаголами – 8 (12%) – *«Байкал застыл»*, с предлогами

– 5 (8%) – «к Байкалу» и др. Распространенность сочетаний с существительными и прилагательными выполняет стилистическую функцию, благодаря использованию данных конструкций создаются яркий и живой образ Байкала. Значительно реже используются сочетания с предлогами, они в основном носят ориентационный характер и используются при описании местности. Несомненно то, что в произведениях Д. Б. Жалсараева поэтические образы значительно превалируют над фактическим описанием Байкала как географического объекта.

Николай Дамдинов (1932-1999) – бурятский поэт, лауреат государственной премии РСФСР им. М. Горького. Николай Дамдинов представлял свою родную бурятскую литературу на поэтических вечерах во многих городах страны. В 1965 году на втором съезде писателей РСФСР поэт выступил в защиту Байкала, и с тех пор тема бережного отношения к природе – одна из главных в его творчестве.

В изученной «Антологии поэзии Республики Бурятия» мы выделили 8 стихотворений о Байкале, в которых концепт репрезентируется в 29 контекстах. В большинстве случаев автор воспеваает красоту и могущество озера, его своенравный характер и значимость в жизни людей: «*Жизнь моя – Байкал...*» (5 ед., 20 конт., 64%). В своей версии рассказа об Ангаре Н. Дамдинов поэтически описывает Байкал и Ангару (1 ед., 4 конт., 12%): *Дочь единственная Байкала / Сбросив воли отцовской гнет / Путь на запад свой устремляла...* [Дамдинов, 2001, с. 14].

В стихотворении «Змеей извиваясь по кромке Байкала» рассказывается многовековая история Байкала и баргузинской дороги, которые пережили Петра I, Октябрьскую революцию и Великую Отечественную Войну (1 ед., 12%). Наиболее частотные синтаксические сочетания: с существительными – 15 ед. (52%), прилагательными – 6 ед. (21%), с глаголами – 6 ед. (21%), с предлогами – 2 ед. (6%).

Владимир Константинович Петонов (род. 1932) – бурятский поэт, автор более 20 сборников поэзии и прозы. Первая книга стихов автора «Ветер с

Байкала» была написана на бурятском языке и вышла в свет в 1959 году. Органичность, глубина и романтизм произведений В. К. Петонова сделали его труды достаточно интересными не только на региональном уровне – многие из его произведений переведены на русский и другие языки народов России. Тематика произведений близка народу, все произведения пережиты и прочувствованы автором.

В 17 стихотворениях В. К. Петонова, посвященных Байкалу, выделены 32 номинации *Байкал*. Синтаксическая сочетаемость ключевого имени выражена следующими комбинациями: с существительными – 12 ед. (38%) – «*Батюшка-Байкал*», «*гимн Байкалу*», с глаголами – 10 ед. (31%) – «*поседел Байкал*», с прилагательными – 6 ед. (19%) – «*голубой Байкал*», с предлогами – 4 ед. (12%) – «*до Байкала*».

Тематические группы, в которых автор раскрывает описание Байкала, разнообразны, в большей степени это картина природы Байкала в разные сезоны, в разное время дня (9 ед., 18 конт., 53%, например, «*Осенние мотивы*»), автору в тончайших деталях удается описать переменчивый нрав Байкала, например, поэт показывает момент неожиданного похолодания, когда на Байкале выпал снег: «*Молодая зорька засверкала, и открылось хмурое чело за ночь постаревшего Байкала*» [Петонов, 1998, с. 6]. Природная красота Байкала является объектом творческой рефлексии автора и порождает глубокий чувственно-оценочный отклик. Также популярным у автора становится восхваление озера, написание од любви и уважения к великому «морю» - 4 ед, 8 конт. (23%, например, «*Дикие волны Байкала...*»), субъективные переживания в момент созерцания великолепия Байкала вдохновляют В. К. Петонова на написание следующих строк: *Мой бездонный Байкал для бескрайной бурятской земли — средоточие воли, изобилья, достатка и силы* [Петонов, 1998, с. 23].

Мотивы распространенных легенд нашли свое отражение в 2 стихотворениях, 4 контекста (12%, «*Продолжение легенды*») – лирическая легенда о побеге Ангары от своего отца-покровителя будоражит сознание

многих авторов. В. К. Петонов описывает возможное продолжение известной легенды. Поэт, имея неограниченную творческую свободу, представляет счастливый конец, в котором отец и дочь мирятся, Байкал навещает свою дочь и ее мужа и прощает им побег: *«Мы отныне в дружбе будем жить...»* [там же, с. 45]. Наконец, труд на Байкале показан в 2 стихотворениях (3 конт.), где, одухотворяя Байкал, поэт отождествляет труд Байкала и проживающих на его берегах рыбаков (*«Нет, не видал я и не слыхал, что засыпал Байкал...»*).

Поэтический мир Михаила Шиханова (1937-1988) притягателен и значим для нас узнаваемостью родных мест, удивительной близостью описываемых событий и действующих лиц. Он с присущей ему мягкой, доброй интонацией пишет о природе. Боль и негодование выражено поэтом точно и афористично: *«Человек, понятно, царь природы, но природа- это царский трон»* [Шиханов, 2007, с. 34]. Как истинно народный поэт, Михаил Шиханов тяготеет к традиции народности русского стиха. Наглядное свидетельство – напевность, лиризм его поэтики. Не случайно, многие стихи поэта переложены композиторами на музыку. В описании своего родного края М. Шиханов описывает Сибирь как край скромных цветов и мужественных людей, таежной красоты и величия Байкала. Основные мотивы, наиболее близкие для поэта – удивительная красота Байкала, увидеть и оценить которую он с радостью приглашает всех читателей (7 ед., 21 конт., 46%): *«Байкал в снегах, снега, как верность, чисты»*. Природное содержание красоты Байкала реализуется в виде идеала, суть которого заключается в его природном совершенстве и гармонии. Значительную часть произведений занимает описание труда и жизни на Байкале (6 ед., 19 конт., 40%). Автор повествует о наиболее важных и острых вопросах жизни на Байкале – зимней и летней рыбалке, охоте на нерпу, строительство зимовья, постоянных переездах. При этом рыбак просит помощи у Байкала: *«Байкал, я прошу: помоги!»* [Шиханов, 2007, с. 12]. В стихотворении-интерпретации известной легенды о ветрах, господствующих на Байкале (1 ед., 3 конт., 7%)

пересказывается история о споре между ветрами за сердце красавицы Сармы, которая возжелала иметь у себя омулевую бочку. В своем восхвалении Байкала (1 ед., 6 конт., 7%) М. Шиханов восклицает, что Байкал навсегда останется в его сердце и в самом имени Байкал уже таится вся его великая мощь и слава: «*Байкалу славы не прибавить. Байкал – и нету больше слов*» [Шиханов, 2003, с. 15]. В изученных стихотворениях мы обнаружили следующие сочетания: с существительными – 16 ед. (53%), например «*берег Байкала*», с предлогами – 7 ед. (23%), с глаголами – 17%, «*ликовал Байкал*», с прилагательными – 2 ед. (7%) – «*святой Байкал*». Все указанные сочетания служат единым набором средств для реализации интенций автора – описания эстетических переживаний и волнений, вызванных в результате творческого осмысления.

Людмила Олзоева – яркий представитель лирической бурятской поэзии. Поэтесса всегда оставалась верна принципу, что поэзия должна обогащать внутренний мир читателя, должна вдохновлять его. Она с энтузиазмом открывает красоту окружающего нас мира, призывает к состраданию, наставляет нас на благородство и любовь. Выразительная эстетика природы в произведениях Л. Олзоевой – средство, при помощи которого преломляется картина реальности с включением эмоционально-личностного переживания поэтессы [Болдонова, 2013, с. 208]. В 9 рассмотренных произведениях нами найдены 12 номинаций тополексема *Байкал*. Л. Олзоева удивительно тонко описывает природу Байкала (7 ед., 5 конт., 78%): «*Природа часть моей души...*» [Олзоева, 2002, с. 82]. Автору удается описать все оттенки и краски Байкала, отразить особенности его характера и настроения. Поэтесса представляет свое художественное восприятие легенды об Ангаре, «*и в гневе старик Байкал бросил вслед дочери камень*» (1 ед., 2 конт., 11%), а также описывает труд рыбаков на Байкале (1 ед., 3 конт., 11%). В частеречном отношении наиболее распространенными сочетаниями становятся: композиции с существительными – 6 ед. (50%), «*полумесяц Байкала*», с глаголами – 3 ед. (25%), «*Байкал застыл*», с

прилагательными – 2 ед. (17%), «священный Байкал», с предлогами – 1 ед. (8%).

Таким образом, нами рассмотрены 70 стихотворений 5 известных поэтов Бурятии, в которых языковая репрезентация концепта Байкал проявляется в 167 номинациях. Наиболее распространенными темами становятся: 1. Описание красоты и разнообразия природного богатства (30 ед., 90 конт., 43%). 2. Восхваление Байкала (17 ед., 30 конт., 24%). 3. Рассказы о труде и жизни на Байкале (12 ед., 25 конт., 17%). 4. Интерпретация известных легенд о Байкале (8 ед., 10 конт., 11%). 5. Выражение беспокойства об экологическом состоянии озера (2 ед., 8 конт., 3%). 6. Отражение истории (1 ед., 4 конт., 2%).

Изученный материал послужит основой для составления схемы образной и ценностной составляющих концепта *Байкал*, на основании данного материала проводился стилистический анализ употребления ключевого имени в рамках художественного дискурса.

2.2. Концепт *Байкал* в юридическом дискурсе.

Современные исследования зарубежных лингвистов С. В. Стеффенсен (S. V. Steffensen, 2007), Р. Филипсон (R. Philipson, 2010), Н. Лешеврель (N. Lechevrel, 2012) и др. акцентируют внимание на неразрывности лингвистических, социальных, политических и экологических проблем. Так, С. В. Стеффенсен в своей работе «Language, ecology and society» утверждает, что «язык, экология и общество не являются тремя отдельными областями, а представляют собой сложное многомерное целое, которое включает в себя способ использования языка в процессе коммуникации, реалии современных обществ и текущий экологический кризис, который угрожает устойчивому развитию человека и природы» [Steffensen, 2007, с. 3].

Отечественные ученые, развивая идею о взаимосвязанности экологии и языка, предпринимают попытки сформулировать смежные понятия, отражающие актуальные проблемы современного общества. Например, В. И.

Медведев и А. А. Алдашева предлагают использование термина «экологическое сознание», предполагающее «сформированную в виде понятийного аппарата систему отношения человека к его связям с внешним миром, к возможностям и последствиям изменения этих связей в интересах человека» [Медведев, Алдашева, 2001, с. 6]. По мнению Е. В. Ивановой, в экологическом сознании проявляются обобщенные естественнонаучные и гуманитарные знания об устройстве окружающего мира, закономерностях его развития, отражаются представления об окружающем мире и своем месте в нем, присущее членам определенного сообщества [Иванова, 2012, с. 253]. Лингвокультурные имена собственные являются неотъемлемым элементом экологического сознания и представлены в семиотическом пространстве юридического дискурса следующими разновидностями: социальные (объекты действительности, которые реально существуют в знакомой для адресата среде), литературные (знания и прототипы, прообразы художественных произведений) и исторические (реальные исторические личности и события) [Косоногова, 2008, с. 189].

Ряд исследователей, обращая внимание на вопросы изучения экологических проблем в разных видах дискурса, выделяют несколько разновидностей экологических текстов. Например, в работах Е. В. Ивановой рассматриваются научный, медийный, религиозно-проповеднический и художественный дискурсы [Иванова, 2007, с. 138]. На наш взгляд, в данный список необходимо включить юридический дискурс, выражающий волю законодателя в рамках особой отрасли – экологического права. В текстах данной группы возможно рассматривать логику и ключевые принципы формирования экологического сознания, выраженные в виде особых норм и предписаний, которые в дальнейшем интерпретируются в других видах дискурсов.

Значительный вклад в разработку теории юридического дискурса, внесли лингвисты Волгоградской школы под руководством В. И. Карасика. Анализ классификационных признаков юридического дискурса в работах В.

И. Карасика, который перекликается с работами К. Элиха, Й. Ребейна, В. Уитни и Р. Водака, приводит нас к определению институционального дискурса как общения между статусно-неравными участниками, обладающего следующими характеристиками:

- 1) статусно-квалифицированные участники;
- 2) локализованный хронотоп;
- 3) конкретная цель;
- 4) «закрепленные стратегии»;
- 5) жестко закрепленные дискурсивные формулы [Карасик, 2000, с. 15].

Юридический дискурс многослоен по своей структуре и включает в себя:

- 1) язык законов;
- 2) язык судебных решений;
- 3) язык юридических экспертиз;
- 4) административный жаргон [Мушнина, 2004, с. 25].

Релевантным для нашего исследования становится рассмотрение языка законов: правовые нормы, изданные законодателем, как для специалистов, так и для неюристов. Основополагающие принципы, характер и логика требуемого поведения наиболее четко выражены законодателем в различных нормативно-правовых актах, направленных на урегулирование отношений в сфере экологического правоповедения. Г. С. Доржиева, подчеркивая актуальность топонимических исследований в данном направлении, отмечает, что ономастические концепты, являясь одним из важнейших элементов сознания народа, позволяют конструировать духовные ценности, архетипические представления и историко-культурный ландшафт эпохи [Доржиева, 2011, с. 5]. Отдельные географические объекты, представленные в экологическом сознании и юридическом дискурсе посредством концептов имен собственных, имеют особую значимость и ценность для представителей региональной культуры, и, как следствие, находят документальное подтверждение своего особого статуса в юридических текстах.

На территории Республики Бурятия таким объектом является озеро Байкал, которое в силу своих природных уникальных характеристик занимает особое место в онтологическом, художественном и сакральном пространстве различных этносов, заселивших прилегающую к нему территорию. Статусно-правовая ценность Байкала проявляется в его особо охраняемом положении, которое закреплено во многих юридических нормах, направленных на его защиту. Всего в законодательной системе зафиксировано 112 международных, федеральных и региональных нормативно-правовых актов, относящихся к охране Байкала [Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/>, дата обращения 17.10.14] (Приложение 1). Из указанного перечня нами не учитывались тексты кодексов, законов, указов, решений и постановлений, где не используется прямая номинация *Байкал*, например, Водный кодекс Российской Федерации, Федеральный Закон «Об охране окружающей среды» и др. Таким образом, для непосредственного лингвистического анализа мы выделили 44 акта, которые устанавливают особое правовое положение озера Байкал. Авторская картотека употребления лексемы *Байкал* в юридических текстах включает 489 примера.

Рассматривая юридический дискурс, направленный на охрану озера Байкал, в соответствии с характеристиками, предложенными В. И. Карасиком отметим следующее. Во-первых, в положение **участников** определено следующим образом: с одной стороны – законодатель (Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание и Дума, Глава Республики Бурятия, Народный Хурал Республики Бурятия), с другой – неограниченное число лиц, все граждане. Всеобщий характер информации передается преобладающей семантикой подлежащего. Наряду с юридическими терминами распространены существительные с обобщающей семантикой, например, в ст. 24 ФЗ «Об охране озера Байкал»: «**Лица**, виновные в нарушении настоящего Федерального закона, несут ответственность в соответствии с гражданским, административным, уголовным и иным

законодательством Российской Федерации». Во-вторых, в силу нормативности и плановости изученных текстов прослеживается локализованный **хронотоп** – временные рамки вступления нормативного акта в силу, момент утраты им силы либо период действия четко прописаны – например, концепция федеральной целевой программы «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на **2012-2020** г.г.»).

В ходе анализа мы рассмотрели несколько основополагающих нормативных актов, преследующих **цель** юридического регулирования правоотношений в сфере защиты и охраны, а также регулирования деятельности на озере Байкал. Одним из способов формирования экологического сознания является создание особо охраняемых природных территорий, посредством которых выражаются институциональные основы «природосохранного» поведения. Расширение системы особо охраняемых природных территорий – во многом вынужденная, а иногда и единственно возможная мера сохранения участков природы, которые несут в себе уникальные биологические черты. В научной среде распространено мнение, что люди, проживающие и работающие вблизи таких территорий, обладают высоким уровнем экологического сознания, их поведение эколого-ориентировано и эгоцентрично. Поведение и представления местного населения наглядно отражают степень развития экологического сознания в регионе и стране [Леухин, Калиева, 2010 с. 150]. На территории Республики Бурятия особо охраняемой зоной признается Байкальская природная территория, которая становится одним из центральных терминов юридического дискурса.

Ключевым документом признается Федеральный закон от 01.05.1999-ФЗ (ред. От 28.06.2014) «Об охране озера Байкал», где закладываются основы правомерного отношения к озеру, принципам мониторинга его состояния и ответственных органах, обеспечивающих его защиту. На основании указанного закона функционирует ряд других актов:

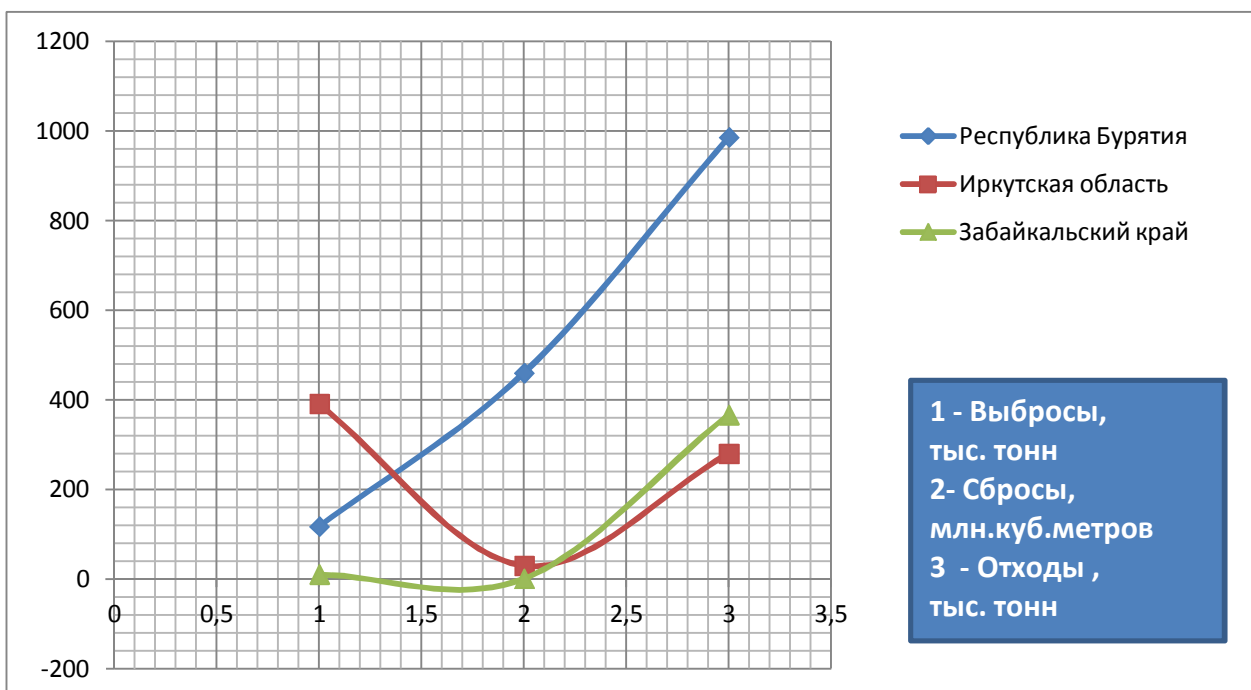
постановления «О мерах по обеспечению охраны и рационального использования природных богатств бассейна озера Байкал», «Об охране и использовании природных богатств в бассейне озера Байкал», «О правительственной комиссии по Байкалу», « Об особенностях охраны, вылова эндемичных водных животных и сбора эндемичных видов растений озера Байкал», «О мерах регулирования уровня озера Байкал» и др. законодатель достаточно подробно описывает разные аспекты деятельности на Байкале, таких как, организация рыбной ловли, рекреационной деятельности, заборов воды, транспортной системы, проходящей в непосредственной близости от озера.

В рамках всестороннего освещения проблем Байкальского региона 20 июля 2011 года утверждена Концепция федеральной целевой программы «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012-2020 г.г.», где отмечается, что «увеличение антропогенного воздействия на Байкальскую природную территорию в последнее 10-летие привело к ухудшению состояния уникальной экологической системы озера Байкал, что требует принятия неотложных мер» (ч.1 Концепции). Особая ценность Байкала продемонстрирована в провозглашении сохранения уникального озера приоритетной задачей социально-экономического развития Российской Федерации.

В части III Концепции приводятся сводные данные об объемах загрязнения озера разными субъектами РФ:

Схема 2

Объем негативного воздействия на Байкальскую природную территорию субъектами Российской Федерации

Как видно на схеме 2, в Республике Бурятия выбросы составили 117,6 тыс. тонн, объем сбросов достиг показателя в 495,6 млн.куб.метров, а образование отходов - 976 тыс. тонн. Таким образом, по двум показателям Республика Бурятия занимает первое место в мире по загрязнению озера Байкал. На территории Республики Бурятия «наиболее известным загрязнителем вод озера Байкал на территории РФ является г. Улан-Удэ, большинство очистных сооружений находится в аварийном состоянии. В Республике Бурятия практически во всех населенных пунктах отсутствуют полигоны для размещения отходов» (ч. III). Как показывают данные, необходимость изучения регионального экологического правосознания представляет значительный исследовательский интерес.

С языковой точки зрения важно рассмотреть особые стандартизированные **формулы**. Синтаксис юридического текста отличается полнотой структур, разнообразием средств, оформляющих логические связи. Частотны логические структуры со значением условия и причины, причем эти значения эксплицированы специальными языковыми средствами (в случае, если, по причине и т.п.), например: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые

предусмотрены настоящим Федеральным законом, применяются правила международного договора» (ст. 1 ФЗ).

Наше исследование концепта *Байкал* в юридическом дискурсе показывает, что большинство нормативно-правовых актов устанавливает особое правовое положение озера Байкал, отмечает его уникальные природные характеристики, пропаганда и сохранность которых становится одной из приоритетных задач государства и мирового сообщества. Особенностью юридического дискурса является детерминированность особым статусом и положением охраняемого объекта – озера Байкал, что проявляется в наличии устоявшихся оборотов: *«уникальная экологическая система», «особый режим», «охрана и пропаганда», «защита Байкальской природной территории»* в терминологии русскоязычного права. На основании рассмотрения данных текстов представляется возможным рассмотреть ценностную составляющую концепта, а именно особенности статусно-правового положения Байкала.

2.3. Концепт Байкал в региональной прагматике.

Современная тенденция в ономастических исследованиях связана с функциями имени собственного в экономике и социально-экономической истории: создание названий различных фирм, компаний, потребительских товаров, продуктов производства, возможность их использования в рекламе и деловой коммуникации и пр. Развитие рыночной экономики и так называемая «номинационная революция» делают изучение перефразических полей ономастики особо актуальными. А. В. Суперанская отмечает, что прагмотонимы занимают промежуточное положение между соционимами и апеллятивами, при этом их основными характеристиками можно выделить следующее: они слабосистемны, недолговечны, орфографически нестабильны и подвержены языковой моде [Суперанская, 1989, с. 27].

Собственные имена, обладающие широкой известностью, несут определенный набор информации и коннотаций, а поэтому демонстрируют

высокую степень узнаваемости, что является важным фактором для создания бренда товара. Употребление имен собственных в составе товарных знаков и эргонимов служит для его выделения и установления «обратной связи» с потребителем, обеспечивая реализацию главного постулата товарного знака: максимум эмоций и смысла в минимальный отрезок времени. Случается, что многие товарные знаки, включающие имена собственные, или исчезают, или переходят в разряд нарицательной лексики посредством деонимизации, например: *форд*, *коньяк*, *сатин*, *маркизет* и др. Закон строго охраняет форму написания зарегистрированных словесных товарных знаков и запрещает использование сходных знаков.

Современные синхронические исследования показывают, что многие из них образованы от географических названий, формируя тем самым территориальные или региональные бренды. Гидроним *Байкал*, являясь прецедентным именем и одной из ключевых констант региональной лингвокультуры, находит широкое применение в создании различных эргонимов и товарных знаков, реализуя тем самым свой прагматический потенциал. В региональной ономастической системе гидроним *Байкал* тесно связан с историко-культурной эволюцией Циркумбайкальского региона и обладает сложным комплексом стереотипов восприятия, присущих лингвосоциуму.

В эргонимическом материале наиболее ярко отражается экономическая и социальная история страны. Наше исследование подтверждает мнение А. В. Суперанской о том, что местные географические названия находят широкое распространение в эргонимике, так как это хорошо освоенная лексика, легкая для произношения, запоминания и воспроизведения [Суперанская, 2009, с. 91]. М. Г. Курбанова справедливо отмечает, что для активизации онтологических ассоциаций в сознании адресатов, компании зачастую используют имена собственные ядерных разрядов – антропонимов, мифонимов, топонимов и т.д. (например, агентство недвижимости «Рим», магазин посуды «Прага» и т.п.) [Курбанова, 2012, с. 31].

Авторская картотека эргонимов города Улан-Удэ с компонентом *Байкал* включает 182 наименования предприятий и организаций на русском, бурятском и английском языках, а также их дериваты. Сбор материала проводился по каталогам организаций, представленных в информационном портале buryatia.info [<http://buryatia.info/search>].

В зависимости от вида предоставляемых услуг все компании условно разделены нами на 14 групп. В таблице 3 представлены обобщенные результаты данной классификации: деление по группам в зависимости от направления деятельности, названия компаний, а также их процентное соотношение (полный список организаций представлен в Приложении 2).

Таблица 3

Эргонимы с компонентом *Байкал*

№	Группа	Примеры	Количество	%
1	Торговля	«Байкал Экопродукты» - продуктовый магазин	37	20,3
2	Заводы, компании	«Байкал» - рыбозавод	36	19,6
3	Услуги	«Байкал-контакт» - переводческий центр	28	15,2
4	Туризм	«Байкал-тур» - туристическое агентство	14	9,2
5	Транспорт	«Байкал» — авиакомпания.	15	8,1
6	СМИ	«СТС-Байкал» - телеканал	15	8,1
7	Связь	«ТТК-Байкал» - Интернет-провайдер	9	5,3
8	Центры	«Байкал» - центр народных традиций	7	3,6
9	Общественные организации	«Байкал Тендер» - общественная организация	6	3,7
10	Досуг	«Байкал» - сауна	5	2,7
11	Образование	«Байкальский колледж туризма и сервиса»	4	2,1
12	Гостиницы	«Байкал-Плаза»	3	1,6
13	Финансы, банки	АК «Байкал банк»	2	1
14	Театры	«Байкал» - государственный театр песни и танца	1	0,5
Всего:			182 ед.	100%

Как видно из таблицы 3, большая часть наименований приходится на группы «Торговля» (20,3%), «Заводы, компании» (19,6%) и «Услуги» (15,2%). На наш взгляд, использование лексемы *Байкал* в указанных группах объясняется принципиальной и исключительной важностью данных видов услуг для нашего общества. Лексема *Байкал* в составе эргонимов психологически привлекательно воздействует на потребителя и способствует возникновению у реципиента готовности принять сведения как понятные и достоверные, что, несомненно, важно для успешного продвижения предприятия или организации на региональном, российском и международном уровнях. Использование аттрактивного потенциала лексемы *Байкал* при создании эргонимов является одним из приемов так называемого закона эффективной коммуникации, которая предполагает, что мотивировка эргонима, активизируя ассоциативно-образную память, создает положительную эмоциональную реакцию, затем эмоционально-оценочное отношение, и как результат – действие (в данном случае – желание воспользоваться услугами данной организации).

В рассмотренном эргонимическом материале можно проследить общие тенденции создания коммерческих названий:

Схема 3

**Языковые особенности образования эргонимов,
включающих лексему Байкал**

Как видно на схеме 3, графическое оформление названий организаций осуществляется тремя способами: кириллическим (русский и бурятские названия), некириллическим (названия на английском языке) и

комбинированным (русский и английский языки). Большая степень эргонимов зафиксирована на русском языке – 172 организации (95%), что можно объяснить интенцией номинатора сделать название более воспринимаемым потребителями. Названия организаций на английском языке не так частотны (3 орг., 1,6%), все они относятся к сфере Интернет-пространства, данные организации занимаются освещением событий региона посредством ведения Интернет-блогов, читателями которым является молодежь, следовательно, англоязычные названия ресурсов более близки для данной категории адресатов (например, «*Baikalweb*», «*E-baikal*»). Помимо этого, название электронного портала на английском языке повышает шанс его узнаваемости на мировом уровне. Эргонимы на бурятском языке (3 организации, 1,6%, например, «*БайгалДалай*») относятся к туристическим компаниям, организующим экскурсионные маршруты по Республике Бурятия, поэтому бурятское название добавляет национальный колорит в именование этих организаций.

С точки зрения орфографических особенностей, большинство эргонимов зарегистрированы в соответствии с нормами русского языка, за исключением четырех комбинированных англо-русских названий (например, «*Байкал city*», «*Байкал present*»). В словообразовательном плане можно наблюдать непрямые номинации (39 орг., 22%, например, такси «*Байкал*»), а также производные номинации 3 видов: суффиксация (33 орг., 19%, «*Байкальский колледж туризма*»), сложение основ (107 орг., 59%, «*БайкалМрамор*» и др.), аббревиация (3 орг., 1,6%, «*ТБМ-Байкал*»). Значительное число производных слов, образованных путем сложения основ, можно объяснить уточняющей функцией, которую несет вторая основа, в то время как основа *Байкал* несет территориальную и аксиологическую окраску: «*БайкалМед*», «*БайкалАудит*», «*БайкалФинанс*» и т.д.

Грамматически большинство эргонимов представляют собой однословные названия (149 орг., 81%, «*Байкалсофт*», «*Байкалнано*», «*Байкалбетон*» и др.). Словосочетания встречаются реже (33 орг. – 19%),

представляя собой комбинацию прилагательного «байкальский» с определяемым словом. Наконец, в отношении мотивировки рассмотренных эргонимов, большая часть имеет четкую мотивацию, деятельность и основные задачи компании легко определяемы по названию, однако ряд эргонимов не несет в своем названии информирующей функции, например, название такси «Байкал».

Товарные знаки с топонимом *Байкал*. В современных условиях жесткой конкуренции за расширение рынка сбыта продукции и привлечение всё большего числа потребителей особое внимание уделяется продвижению рекламного потенциала товарных знаков или торговых марок. Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» дает следующее определение термина *товарный знак*: «словесное (или иное) обозначение марки товара или вида бытовых услуг данного мастера или предприятия, охраняемое законом» [Подольская, 1978, с. 134]. Далее автор уточняет, что ономастику интересуют лишь словесные товарные знаки, поскольку в юридической науке и патентном праве существенную роль приобретает также и визуальное обозначение торгового знака, охраняемое законом, пример такого знака можно наблюдать на рисунке 1 (а также в Приложении 3):

Рисунок 1

Пример визуального товарного знака с компонентом *Байкал*

Товарные знаки отличны от номенов, обозначающих предметы, с которыми имеет дело наука и техника. Товарные знаки обозначают предметы

торговли, поступающие к потребителю. Они отличны от хрематонимов – имен собственных, называющих единственный в своем роде предмет, индивидуализируя его. В. А. Москович (1969), Дж. К. Веркман (1986), А. В. Суперанская (2009), Т. А. Соболева (2009) и другие ученые сходятся во мнении, что товарный знак – это обозначение, при помощи которого предприятие маркирует свои товары или услуги для того, чтобы отличить их от товаров или услуг того же вида, предоставляемых другими предприятиями, и тем самым облегчить покупателю выбор товара или услуги.

По определению патентного бюро РФ *товарный знак* и *знак обслуживания* – это юридически правильная терминология, принятая в Российской Федерации и некоторых других государствах СНГ. Синонимичный термин *торговая марка* – дословный, прямой перевод всемирно принятых англоязычных терминов «trademark» и/или «trade mark». Хотя данный термин активно используется в речевом узусе, в российской правовой системе верны только понятия «товарный знак» и «знак обслуживания» [<http://www.businesspatent.ru>article/article.21.1.html>, дата обращения 26.12.14].

С момента регистрации товарный знак приобретает юридическую силу и становится интеллектуальной собственностью владельца, создавая ему определенную репутацию и ряд материальных преимуществ. Для покупателя товарный знак – движущий мотив покупки и своеобразная гарантия качества. А. В. Суперанская к основным функциям товарного знака относят: гарантию высокого качества, надежность продаваемого товара, доверие покупателя, основанное на хорошей репутации владельца товарного знака, осуществляющего контроль над качеством товара [Суперанская, 2007, с. 15]. При регистрации товарного знака Патентное бюро РФ учитывает также новизну идеи, эстетичность, лаконичность, ассоциативность, навязчиво узнаваемый цвет, способность к адаптации и удобопроизносимость [<http://www.businesspatent.ru>article/article.21.1.html>, дата обращения 26.12.14].

Д. А. Шевченко, член Совета Гильдии маркетологов, так определяет термин *бренд*: «Знак, символ, слова или их сочетание, помогающие потребителям отличить товары или услуги одной компании от другой. Бренд воспринимается как широко известная торговая марка или компания, занимающая в сознании и психологии потребительских сегментов особое место из массы себе подобных» [<http://www.marketologi.ru/>, дата обращения 12.12.14]. Бренд – это всемирно известная торговая марка, окруженная набором ожиданий, ассоциированных с продуктом или услугой, которые типично возникают у людей. Деловой журнал «BusinessWeek» регулярно публикует стоимость 100 брендов-лидеров, которые определяются совместно с компанией Interbrand. Характеристики бренда: гарантированное качество; общеизвестность; престижность; общедоступность (с точки зрения возможности покупки); наличие значительного количества лояльных покупателей; легкоузнаваемое название и логотип; глобальная распространенность данной торговой марки. Именно совокупность этих качеств несет в себе дополнительную потребительскую стоимость, характеризующуюся понятием *бренд* [<http://www.businesspatent.ru>article/article.21.1.html>, дата обращения 23.12.14]. По мнению немецкого исследователя В. Брандла, существует определенная иерархия брендов и товарных марок, то есть вертикальные структурирующие связи и взаимовлияние [цит.по: Горяев, Цшишанг, 2008, с. 149].

Многие бренды, успешно позиционирующие себя на всероссийских и международных конкурсах, являющиеся гордостью своих правообладателей, в большинстве своем являются хорошо «раскрученными» торговыми марками, приобретшими со временем некоторые свойства брендов. Для этой цели опытные специалисты разрабатывают профессиональные маркетинговые программы, направленные на поддержание торговой марки на всех этапах её жизненного цикла. Таким образом, путь торгового знака / торговой марки к успешному бренду лежит через сложные маркетинговые и рекламные стратегии, требующие значительных финансовых затрат.

Авторская картотека включает 63 наименования товарных знаков с тополексемой *Байкал* на русском и английском языках (Приложение 4) по данным реестра официально зарегистрированных российских товарных знаков, представленного на официальном сайте Федерального института промышленной собственности (ФИПС) [http://www1.fips.ru/wps/wcm/connect/content_ru/ru/brands_and_points/, дата обращения 25.12.14].

Рассмотрим территориальное распределение товарных знаков с компонентом *Байкал*: г. Иркутск – 48 ед. (76,1%), г. Улан-Удэ – 8 (12,6%), г. Чита – 2 (3,2%), гг. Ангарск, Москва, Братск, Ильинка по 1 ед., соответственно по 1,6%. Доминирование правообладателей товарного знака в г. Иркутске (76,1%) объясняется более высоким экономическим, культурным и торговым потенциалом города, наличием крупных производственных предприятий, обеспечивающих защиту производимой продукции путем официальной регистрации товарных знаков. В г. Улан-Удэ данный товарный знак больше представлен в сфере обслуживания, и, несмотря на значительное количество предприятий и компаний, правовая культура в отношении регистрации интеллектуальной и коммерческой собственности пока еще отстает от г. Иркутска. Безусловно, именно мировая известность прецедентного имени *Байкал* способствовала продвижению этой торговой марки в США, в нашем материале зафиксировано название строительных материалов под торговой маркой «*Армстронг Байкал*» (1 ед.; 1,6%).

Для анализа типа представляемой товарным знаком продукции и дальнейшего её отнесения к той или иной группе были рассмотрены все товары в рамках 34 различных классов, представленных в Международной классификации товаров и услуг (МКТУ) [<http://www.mktu.info/>, дата обращения 13.12.14]. Классы товаров, представленные товарным знаком «*Байкал*», продемонстрированы в таблице.

Таблица 4

Классы товаров, представленные товарным знаком «Байкал»

№	Класс товаров	Примеры	Количество	%
1	Алкобольные напитки	Байкалфарм (Улан-Удэ); Седой Байкал (Иркутск)	21	33,4
2	Кондитерские изделия	Байкальская птичка (Улан-Удэ); Байкальский кедр (Иркутск)	18	28,6
3	Безалкогольные напитки	Родники Байкала (Иркутск); Звезды Байкала (Чита)	8	12,7
4	Строительные материалы	Байкальские звезды (Иркутск); БФК Байкал (Улан-Удэ)	8	12,7
5	Печатные издания	Деловой Байкал (Улан-Удэ); Байкальские вести (Иркутск)	3	4,8
6	Бытовая химия, косметика	Кедровое масло «Байкал» (Ангарск)	2	3,1
7	Продукты питания	Забайкальский гурман (Улан-Удэ)	2	3,1
8	Удобрения	Байкал-ЭМ (Москва)	1	1,6
Всего:			63	100

Данные таблицы свидетельствуют, что наиболее распространенными классами товаров являются алкогольные напитки – 21 ед. (33,4%), и кондитерские изделия – 18 ед. (28,6%). Зарегистрированные товарные знаки в указанных категориях относятся к ООО «Байкал» и ОАО «Байкалфарм», крупнейшим предприятиям – производителям ликероводочной продукции на территории Сибири и Дальнего Востока, выпускающим целый ряд алкогольной продукции, зарегистрированной в виде отдельных товарных знаков: «Байкальский сувенир», «Байкальская проба», «Байкальский бриллиант» и др. В данных алконимах использование отсылки к Байкалу подразумевает ассоциацию с чистой байкальской водой, которая издавна известна своими уникальными свойствами. Кондитерские фабрики ООО «Ангара» (Иркутск) и ЗАО «АМТА» (Улан-Удэ) являются старейшими и наиболее крупными предприятиями региона. За время существования владельцы предприятий зарегистрировали ряд товарных знаков, маркирующих эксклюзивную продукцию, например, «Байкальский метеорит», «Байкальский ключик», «Байкальский мак» и т.д.

Наименования безалкогольных напитков (12,7%) принадлежат разным видам минеральной воды – «*Байкальские родники*», «*Байкалика*», «*Звезда Байкала*» и т.д., что ассоциируется с чистотой воды Байкала и желанием преподнести продукт как местный, и, как следствие, более свежий. В целом, данная тенденция характерна для именованя продуктов питания – использование региональных имен создает положительный образ, покупатель убежден, что продукт произведен на территории Бурятии (либо Иркутской области), и, следовательно, не подвергался долгой транспортировке и консервации.

Печатные издания Байкальского региона целенаправленно информируют читателей о территориальном пространстве, новостной фронт которого они освещают, например, по названию газеты «*Деловой Байкал*» потенциальный адресат может судить о тематике представленных в ней статей. Таким образом, выполняется конкретно поставленная прагматическая информационная функция – сообщить дополнительные сведения о деятельности организации и особенностях выпускаемых продуктов.

Исследуемый материал региональной эргонимики и товарных знаков позволил нам прийти к следующим выводам:

1) Прагмонимы частично мотивированы, т.е. не все из них отражают информацию о своей деятельности и выпускаемой продукции. Например, целый ряд организаций и продуктов носит название «Байкал» - сауна, такси, центр недвижимости и др. В данной ситуации отсутствует одна из главных характеристик успешных эргонимов – исключительность и узнаваемость на фоне других организаций. Именно поэтому, многие организации и производители используют дополнительный информационный признак в свои наименования: «*Байкал банк*», мусороуборочная компания «*Чистые берега Байкала*», гостиница «*Байкал-плаза*». Следует отметить, что значительной вариативностью характеризуются товарные знаки крупных алкогольных и кондитерских производителей: конфеты «*Байкальский метеорит*», «*Байкальская птичка*»,

«*Байкальский кедр*» и т.д., что можно объяснить налаженной системой производства, разнообразием продукции и детально разработанной маркетинговой системой представления товаров на региональный и российский рынки.

2) Все рассмотренные прагматемы выполняют рекламную функцию, создавая положительный образ в сознании реципиентов.

3) Несмотря на то, что обязательным условием для успешного функционирования прагматем является их форма, которая должна легко запоминаться и воспроизводиться, ряд компаний имеет сложные названия, трудные для усвоения в большинстве случаев: агентство праздника «*Байкал BTL*», транспортная компания «*Мактэкбайкал*», производственная компания «*Гидроскандбайкал*», «*Термокинг Байкал*» и др.

4) Изученный прагматический материал позволит описать ценностную составляющую концепта *Байкал* в региональной лингвокультуре.

Выводы к главе II.

- Концепт *Байкал* является базовым концептом в лингвокультуре Республики Бурятия и находит широкое отражение в региональном дискурсивном пространстве, который служит основой для вычленения основных компонентов структуры концепта *Байкал*.

- В бурятской и эвенкийской языковой картине мира наблюдается значительное количество сказок, преданий и легенд, отражающих происхождение и историческую связь предков с озером Байкал, которое считается их прародителем и покровителем. Важными жанрами бурятского фольклора становятся благопожелания и пословицы, которые передавались из поколения в поколение, и становились образцами народной мудрости.

- В русской языковой картине мира фольклорный материал о Байкале в большей степени представлен преданиями и легендами, в которых авторы стремятся дать трактовку происхождения топонимов Сибири и Байкальского региона. Первые русские поселенцы в регионе стремились понять этимологию основных географических объектов, которые их окружали, опираясь на рассказы коренных жителей. Многие предания касаются важного периода в жизни русского населения в Забайкалье – освоения Сибири казаками, в которых Байкалу отводится одно из ключевых мест.

- Байкальские мотивы в прозе и поэзии во многом схожи, в основном это описание природной красоты Байкала, восхваление и восхищение великим озером, а также стремление отразить основные исторические события, происходившие на территории Байкала. Идеино-художественные достоинства творчества поэтов и писателей Республики Бурятия ярко проявились в произведениях М. Жигжитова, К. Балкова, Д. Жалсараева, В. Петонова, Л. Олзоевой, М. Шиханова, Н. Дамдинова и многих других.

- Ключевая лексема *Байкал* характеризуется широкой сочетаемостью с различными частями речи и служебными словами: сочетания с синсематичными словами и существительными несут в своем

содержании конкретизирующую и локативную функции, создающие особый пространственный континуум, на фоне которого разворачиваются основные события. Концентрации предлогов и союзов создает впечатление динамизма происходящего события. Направление, способ, темп передвижения передаются не через название соответствующих действий и объектов, а через скопление указанных синсемантических слов.

- Исследование концепта *Байкал* в юридическом дискурсе показывает, что большинство нормативно-правовых актов устанавливает особое правовое положение озера Байкал, отмечает его уникальные природные характеристики, пропаганда и сохранность которых становится одной из приоритетных задач государства и мирового сообщества. Особенностью ономастикона юридического дискурса является детерминированность особым статусом и положением охраняемого объекта – озера Байкал.

- Использование аттрактивного потенциала лексемы Байкал в прагматике способствует успешному продвижению предприятия или организации на региональном, российском и международном уровнях. Значительной вариативностью характеризуются товарные знаки крупных производителей, что можно объяснить налаженной системой производства, разнообразием продукции и детально разработанной маркетинговой системой представления товаров на региональном и российском рынках.

ГЛАВА III. МАКРОСТРУКТУРА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА *БАЙКАЛ*

Рассмотрение макроструктуры концепта ориентировано на изучение связи мыслительной деятельности человека и языка, в котором отражаются основные знания человека об окружающем мире. При анализе понятийной, образной и ценностной составляющих концепта *Байкал* представляется возможным выявить особенности лингвокультурного восприятия разными этносами важнейшего объекта региональной картины мира – озера Байкал. Данные ассоциативного эксперимента позволят составить ассоциативное поле концепта *Байкал*, в котором найдут отражение его основные актуальные когнитивные признаки.

3.1. Понятийная составляющая концепта *Байкал*.

Каждое этническое общество выстраивает свою систему географических названий, топонимы переживают эпоху, в которую были созданы, отражают в себе информацию о языках, миграциях и контактах различных групп, проживавших на территории во времена формирования имени. Топонимическая система – это фиксатор этнической и культурной информации конкретного региона, который может отражать ценные сведения об исторических процессах, происходивших на территории, природно-географических особенностях объектов, а также об аскиологических ориентирах этнических групп.

Для изучения Байкала как культурного феномена, необходимо, прежде всего, провести анализ понятийной составляющей, под которой понимается языковая фиксация концепта, его дефиниции в лексикографических источниках (энциклопедических словарях, словарях синонимов, научных статьях о географии и природе Байкальского региона). Л. М. Городилова справедливо указывает на то, что среди ономастических исследований особое место занимают работы, посвященные изучению топонимической системы русского языка, в том числе и региональной [Городилова, 2013, с.

204]. Необходимость изучения имен собственных для понятия культуры различных этносов, т.к. каждый этнос имеет свой ономастикон – реестр имен собственных, которым отводится особая роль в раскрытии значимых концептов конкретной культуры, отмечается многими ономатологами (Е. М. Поспелов, В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, В. А. Никонов, Ю. А. Карпенко, А. В. Суперанская, Э. М. Мурзаев, Е.Л. Березович, Л. В. Шулунова и др.).

Мы разделяем мнение А. П. Майорова о том, что семантический анализ языковых средств, связанных с выражением таких ключевых концептов культуры, как *Байкал*, непрост, поскольку подобные концепты обладают многослойной семантической структурой, сложившейся на протяжении длительного времени под влиянием различных социокультурных факторов. В этом случае актуален историко-этимологический анализ, предполагающий не только выяснение происхождения слов, но и исследование социокультурных составляющих семантики этих слов [Майоров, 2012, с. 192].

Как отмечают В. М. Егодурова, С. М. Бабушкин, история заселения края, а также взаимоотношения коренных народов с русскими повлияли на процесс взаимодействия русского языка с бурятским и эвенкийским языками. За эти годы сложилась совершенно особая культура, сибирская, региональная, особая лингвокультурная общность [Егодурова, Бабушкин, 2012, с. 84-85]. Исторически Байкальский регион стал зоной активных контактов различных по происхождению племен и народов. Байкал на протяжении столетий был одним из центральных культурных и религиозных объектов многочисленных этнических групп: бурят, эвенков, русских поселенцев и др. Как следствие, на формирование региональной культуры оказали влияние различные этнокультурные и этноконфессиональные факторы. Сегодня от взаимодействия и взаимопонимания данных этносов зависит благосостояние озера и его защита.

Одной из центральных этнических групп Республики Бурятия являются буряты - крупный по численности народ среди коренного населения Сибири (620 тыс.). Территория их современного расселения - это довольно обширная

полоса лесостепной и горнотаежной зоны, простирающейся от г. Нижнеудинска на западе до верховьев Амура на востоке. Она постоянно (частично или полностью) входила в составы последовательно сменявшихся друг друга государственных образований хунну, сяньби, жуэнь, орхонских тюрок, уйгуров, енисейских кыргызов, киданей, монголов [Нимаев, 2000, с. 5]. Вопросы происхождения этнонима 'бурят' толковались учеными и исследователями по-разному. Выдающийся бурятский ученый и деятель Доржи Банзаров предполагал, что бурят - это фонетический вариант этнонима бургут/бурут [Банзаров, 1997, с. 102]. Т. А. Бертагаев обосновывает историческую и этническую связь бурят с курыканами, и, как следствие, общность происхождения двух топонимов [Бертагаев, 1970]. Ц. Б. Цыдендамбаев в своих работах прослеживает связь с древнетюркским «бури» - «волк» [Цыдендамбаев, 1972, с. 278]. Г. Д. Санжеев опирается на народную этимологию этнонима: от «буриха» - «уклоняться» [Санжеев, 1983, с. 47-49]. А. Г. Митрошкина указывает на возможное персидское происхождение этнонима от «бурийа» - «циновка, мат, тростник, камыш» [Митрошкина, 1995, с. 30]. Б. Р. Зориктуев считает, что этноним образовался путем сложения «бураа+д», что переводится как «лесные племена» [Зориктуев, 1996, с. 26].

Байкал исторически играл большую роль в традиционной жизни и обрядовых практиках бурят, о чем свидетельствуют многочисленные художественные произведения, посвященные озеру (фольклорные, поэтические, прозаические), о Байкале слагались легенды и предания, с ним связывали свое происхождение и существование многие бурятские роды (легенды о Буха-нойоне, принцессе-лебеди Хун Шубун и т.п.). Современные поэты посвящают ему свои строки, лирические описания природы озера и жизни населяющих его людей разнообразны и насыщены. Бурятская культура не антропоцентрична и не теоцентрична, напротив, в некоторой степени она экоцентрична. Религиозные воззрения, проявляемые в шаманизме а, в дальнейшем, в тибетском буддизме, стали оптимальным

мировоззрением для образа жизни бурят. В бурятской традиции отстаивается мягкое, неагрессивное отношение к природе. Человек должен собирать природные богатства подобно тому, как пчела собирает нектар с цветка. Пчела не вредит красоте и благоуханию цветка, она собирает нектар, который превращается в сладкий мед. Один из принципов буддизма - терпимость по отношению к другим живым существам. Буддийские монахи часто наставляют верующих: «Если ты не можешь понять, то хотя бы не делай вреда живым существам». Кстати, сам Будда говорил: «Не совершай зла, но практикуй всё доброе и держи своё сердце в чистоте» [Доржигушаева, 2000, с. 35]. Формируясь на природно-ландшафтной территории Байкала, бурятская культура выработала универсальные положения, регулирующие взаимодействия Байкала с окружающей его природой и всего этнического коллектива.

Особое место среди автохтонов Прибайкалья занимают эвенки, относящиеся к малочисленным народам. Исторически они обитали в районах сплошного промыслового хозяйства, сочетавшегося с оленеводством. В последнее время наблюдается сокращение численности эвенков (35 тыс.), что можно связывать с ассимиляцией части прибайкальских эвенков с бурятами и русскими, а также с откочевкой отдельных групп в более северные районы, например, в верхнюю часть бассейна Нижней Тунгуски. Расселение эвенков на территории Байкала проходило в несколько этапов: изначально была освоена горная тайга вокруг Байкала, а впоследствии и вся территория Восточной Сибири, на запад и восток от Байкала [Афанасьева, 2011, с. 280]. Большинство эвенков придерживаются древних шаманских традиций и обычаев. В шаманизме «связь между теллургическим, с одной стороны; растительным, животным и человеческим - с другой, обусловлена жизнью, которая всюду одна и та же. Единство этих сфер реальности по природе своей биологическое. И если какая-либо из форм жизни оскверняется или становится бесплодной из-за преступления против жизни, то все прочие формы также страдают ввиду существующего между ними органического

единства» [Элиаде, 1999, с. 151]. В шаманистском пантеоне эвенков каждое явление, природный объект, предмет имеют своего духа-хозяина, который эвенки называют «мусун». В настоящее время сохраняются представления о духах-хозяевах земли, местности, реки, горы, огня. Путешествуя по Байкалу, можно заметить много «святых мест», где проводятся обряды, вывешиваются ленты, оставляются подношения духам-хозяевам местности.

Во времена царствования Михаила Романова (1613-1645 гг.) служилые люди и русские казаки, обойдя Байкал с севера, проникли на Лену, вышли на якутские земли, где в 1632 г. под командой Петра Бекетова основали якутский острог, в 1653 г. – Ингодинский (ныне – Чита). В Забайкалье в 1644 г. впервые служивые люди и стрельцы появились под руководством атамана Василия Колесникова. Они в 1644-1647 гг. пришли в долины рек Баргузин и Селенга. По южной стороне Байкала русские первопроходцы прошли и до Амура. Для защиты и закрепления этих земель за Россией нужна была внушительная сила. Регулярных воинских подразделений в Забайкалье к тому времени было недостаточно, в связи с чем решено было привлечь к воинской службе местное население, которое и само было в этом заинтересовано, так как немало страдало от набегов. Однако, следует отметить, что еще до заключения Буринского договора 1727 г. многие забайкальские буряты и эвенки наряду с русскими казаками несли пограничную службу. Документально удостоверено, что в числе русских войск, обеспечивающих оптимальный ход переговоров Саввы Владиславовича Рагузинского с китайскими послами, присутствовал бурятский отряд [Прокопьев, 2010, с. 113]. Во второй половине XVIII века в Забайкалье были сосланы представители русской раскольниковой христианской церкви – староверы, которых в Бурятии называют «семейскими», т.к. они переселялись большими семьями. Сегодня культура старообрядцев имеет звание «Живые сокровища», присужденное ЮНЕСКО в 2001 году.

Появление русскоязычного населения ознаменовало распространение православия на территории современной Бурятии, началось строительство храмов, монастырей. Поселившись на берегах Байкала, русские перенимали уважительное отношение местных жителей к великому озеру, который стал их кормильцем и гарантом безбедной жизни. В самом христианстве природа, обильная своими видами, является чудесной землей, чудом. В библейских писаниях сказано: «Достойны похвалы, о Господи, твои земные и морские чудеса и все глубины, и огонь и град, и мороз, штормовой ветер, которые подчиняются Твоим велениям! Горы и холмы, плодовые деревья и недра! Звери и скотина, ползущие твари и птицы!» [Псалм 148, 8-9]. Природа - творение божие. А ко всему, что принадлежит богу, христианство учит относиться с глубокой осторожностью и любовью: «христианин должен питать те же чувства к природе, которые были во Христе. Мы должны любить природу, мы должны видеть, чувствовать в ней творца» [Пимен, 1989, с. 37].

Современная религиозная ситуация в Республике Бурятия такова, что её жители могут свободно исповедовать мировые религии (буддизм, христианство двух направлений - православие и старообрядчество) и проводить традиционные шаманские обряды и практики. В каждой из религий, в каждой из культур прослеживается почтительное, сакральное отношение к природе вообще, и в частности к Байкалу. Взаимодействие различных этнических групп и экологических практик способствовало эволюции и синтезу новой экологической культуры, межэтнической по своей природе, региональной.

Важным этапом нашего исследования стало изучение лексикографического материала, что позволило нам выделить следующие данные о понятийной составляющей концепта *Байкал*:

Таблица 4

Понятийная составляющая концепта *Байкал*

Этимологические данные		Природно-географические данные		Лексикографические данные					
				Компоненты значения (К)		Синонимы (С)			
Наименования (Н)	Н1	Ламу	Уникальные характеристики (Х)	Х1	Глубина	К1	Озеро	С1	Море
	Н2	Бэйхэй		Х2	Объем запасов воды	К2	Восточная Сибирь	С2	Священное море
	Н3	Байгаал		Х3	Возраст	К3	Качественные характеристики воды	С3	Сибирское море
								С4	Славное море
	Н4	Тэнгис		Х4	Качество воды	К4	Реки	Художественные синонимы	
						К5	Ольхон		
	Н5	Святое море		Х5	Лед	К6	Эндемичные виды	С5	Море
						К7	Глубина		
	Н6	Ангхара байагал (Ангарское море)		Х6	Эндемичные виды	К8	Длина	С6	Вода
						К9	Ширина	С7	Гладь
						К10	Климат	С8	Ширь
						К11	Происхождение	С9	Синь
						К12	Объем водных масс	С10	Полотно
Н7	Дьэнгкэр э байагал (Прозрачное море)	К13	Бурятия	С11	Даль				
				К14	Транспорт	С12	Глубина		
Н8	Туха-Байкал (Снежное море)	К15	Ветра	С13	Поле				
				К16	Береговая линия	С14	Равнина		
Н9	Бай куль (богатое озеро)	К17	Высота над уровнем моря	С15	Лед				
				К18	Хозяйственное освоение	С16	Волны		
Н10	Бай гал (стоящий огонь)	К19	Возраст						
		К20	Туризм						
		К21	Ушканьи острова						
Н10	Бай гал (стоящий огонь)	К22	Координаты	К21	Ушканьи острова				
				К22	Координаты				
Н10	Бай гал (стоящий огонь)	К23	Геологическ	К22	Координаты				
				К23	Геологическ				

							<i>ие слои</i>		
						K24	<i>Чудо света</i>		

Проведем анализ данных, представленных в таблице.

Этимологические данные. Историко-этимологический анализ показывает, что каждый из этносов, заселявших территорию Байкальского региона, по-своему называл озеро (8 наименований, Н1-Н10). В эвенкийском языке с глубокой древности существует название *Ламу* (Н1) ‘море’. Первое упоминание озера Байкал под именем *Бэйхай* ‘северное море’ (Н2) датируется 110 г. до н.э. в китайских письменных источниках в трудах Сыма Цяня, который описывает историю китайского посольства к северным соседям, а также в китайских хрониках 101 или 100 г. до н.э. Известно, что ещё древнейшие скотоводы Забайкалья имели контакты с раннединастическим Китаем [История Бурят-Монгольской АССР, 1954, с. 22]. Название *Байгаал* (Н3) впервые встречается в монгольской летописи первой половины XVII в. «Шара туджи» («Жёлтая летопись»), составленной халхаским князем Цокту Ахаем в Халхе: «сорока семи лет от роду дал сражение в месте, называемом Байгал, десятитумэнному войску сартагчинского Амбагай-хагана, победил его и покорил» [Шара туджи, 1957, с. 33].

Наименование моря *Тэнгис* (Н4) встречается в самых первых строках монгольского «Сокровенного сказания», в котором рассказывается о предках Чингисхана, переплывших «внутреннее море Тенгис», но в тексте нет явных указаний, что под внутренним морем следует понимать озеро Байкал [Сокровенное сказание монголов, 1990, с. 12]. Академик С. А. Козин, создавший фундаментальный труд по «Сокровенному сказанию», издав монгольский текст с переводом на русский язык, высказал две версии возможного отождествления наименования *Тэнгис*: по первой — с Каспием, по второй — с Байкалом.

В исторических документах первое появление русских казаков в Забайкалье отмечено в 1638 г. Казацкий атаман Максим Перфильев,

преодолев Лену, Витим, с 36 казаками появился в устье Муи у кочевавших в этих местах тунгусов [Щеглов, 1884, с. 74]. В 1640–1641 гг. появляются первые сведения о Байкале в русских источниках. Байкал для России и всего мира открыл якутский пятидесятник казак Курбат Иванов, возглавивший в этом походе отряд служилых и промышленных людей и вошедший в историю в качестве его первооткрывателя. Во время своего первого похода в 1642 г. Курбат Иванов не смог добраться до берегов озера, однако в следующем году его отряд поднялся вверх по реке Лене и её притоку Иликте, перешёл Приморский хребет и по руслу р. Сармы вышел к Байкалу напротив острова Ольхон [там же, с. 76].

О названии *Святое море* (Н5) написал служивший в Иркутске вице-губернатором Н. В. Семивский, кроме того, данное название встречается в «Новом и полном географическом словаре Российского государства» (1788). Позднее название стало приписываться первым поселенцам Байкала. Ангарское море фигурирует в героическом эпосе якутов, а также в песнях. В древности якуты называли Байкал «*Дьэнгкэрэ байагал – Прозрачноводное море*» (Н6) или «*Ангхара байагал – Ангарское море*» (Н7). Помимо этого, в якутских фольклорных произведениях встречается название «*Туха-Байкал – снежное море*» (Н8) [Гурулев, 2010, с. 34-36].

Экспедиция атамана Василия Колесникова достигла северных берегов Байкала, где в 1647 г. был построен Верхне-Ангарский острог. В том же году отряд енисейца Ивана Похабова совершил переход по льду на южный берег Байкала. В 1648 г. Иван Галкин обогнул Байкал с севера и основал Баргузинский острог. В 1649 г. казаки из отряда Галкина добрались до Шилки. В середине XVII в. в Забайкалье действовали ещё несколько отрядов служилых и промышленных людей. Сооружённая в районе Байкала цепь крепостей длительное время обеспечивала защиту населения от разорительных набегов монгольских феодалов [Никитин, 1990, с. 40–41]. Изначально эвенкийское название озера *Ламу* было более употребительным среди русских исследователей Сибири. Но уже в 1643 г. после выхода первых

отрядов Курбата Иванова русские перешли на бурят-монгольское название *Байгаал*, фонетически адаптировав его при передаче на русский язык, заменив характерное для бурят «г» на более привычное для русских «к». Так, в составленной «Чертежной росписи» притоков Лены сообщается: «Ламу называют брацкие люди (буряты) Байкалом озером» [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/Burjatia/XVII/1600-1620/Sb_dok_burjat_17_v/index.htm, дата обращения 22.02.2013].

Изучение лексикографических источников свидетельствует о том, что распространенная версия о происхождении гидронима Байкал представлена в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера (1986), «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и А. Ефрона (1907), подтвержденная в «Топонимическом словаре» Е. М. Поспелова (2001) и в «Словаре современных географических названий» В. М. Котлякова (2006): «*Байкал* — слово тюркоязычное, происходит от *бай* «богатый», *куль* «озеро», что значит «*богатое озеро*» (Н9), названо так, потому что богато редкими видами лососевых рыб» [Этимологический словарь русского языка, 1986, с. 108]. В «Топонимическом словаре этнической Бурятии» даются дополнительные сведения: «Согласно бурятской легенде название озера происходит от *бай* и *гал*, что на бурятском языке означает «*стоящий огонь*» (Н10). По рассказам местных бурят, ранее на этом месте была земля; позднее огнедышащая гора, провалившись, образовала большое море под названием Байкал [ТСЭБ, 2007, с. 24]. В китайских летописях «Шин» рассказывается, что более 1000 лет тому назад китайское войско, плывя по реке Селенге, устьем её перешло в реку Ангару. Поскольку посредине между двух этих рек находится море Байкал, то 1000 лет тому назад там была земля [Сахаров, 1995, с. 179]. Время появления названия *Байкал* в якутском языке остаётся неясным, и оно рассматривается как заимствование из монгольских языков [ТСЭБ, 2007, с. 24].

В бурятском языке есть близкородственные слова *байгаали* «природа, естество», *байгаалин* «природный, естественный», однако они не

употребляются как географические термины. В якутском языке слово *байгьал* имеет значение «море; океан; масса воды» и «озеро Байкал». В связи с приведённым примером отметим, что в аборигенных языках многих народов имеется лексика, которой свойственна генерализация значения, т.е. употребление недифференцированных средств выражения. Например, в индейских языках (кри и алгонкинов) Северной Америки слово *gama* обозначает «озеро» и «река», например, *kitchigama* — «море», «океан», т. е. любое обширное водное пространство.

Причины подобной топонимической ситуации, при которой наблюдается большое разнообразие наименований одного географического объекта, кроются, возможно, в следующем: 1) огромная протяжённость территории; 2) низкая плотность населения; 3) отсутствие регулярных контактов между отдельными племенами, обусловленных первыми двумя причинами, что исключало возможность использования общего топонимикона [Доржиева, 2010, с. 44, 99].

Природно-географические данные. Для анализа понятийной составляющей рассматриваемого топонимического концепта, на наш взгляд, необходимо обращение к истории исследования географического объекта и выделению его основных отличительных природных характеристик. Столетиями ученые, исследователи и путешественники занимались вопросами уникальности Байкала, описанием особенностей его географического, природного, биологического разнообразия. На сегодняшний день исследования активно ведутся как сотрудниками Бурятского научного центра, Байкальского института природопользования и Лимнологического института г. Иркутска, так и учеными во всем мире.

Одно из первых научных описаний Байкала представлено в дорожных дневниках путешествий русского посланника Николая Спафария от Тобольска до Нерчинска и границ Китая в 1675 году. В своих записях он описывает Байкал как «море неведомое», и уточняет, что Байкал можно назвать и озером, и морем [цит. по: Арсеньев, 1882, режим доступа:

<http://www.magicbaikal.ru/history/baikal-spafariy.htm>, дата обращения 12.12.2014].

В 1772 г. П. С. Паллас, доктор медицины, профессор натуральной истории Императорской Академии наук и Вольного Экономического общества, описывает Байкал с точки зрения уникальности и эндемичности обитающих здесь видов. Ученый дает биологическое описание омуля, голомянки, байкальской губки и разных видов трав; характеризует ветра, присущие Байкалу в разные времена года; описывает основные притоки Байкала и реку Ангару [Паллас, 1786, режим доступа: <http://www.magicbaikal.ru/history/baikal-pallas.htm>, дата обращения 23.01.2015].

Г. Спасский, российский историк, исследователь Сибири, член-корреспондент Императорской Академии наук, осуществляет в 1821 г. одно из наиболее полных первых описаний Байкала, в числе интересующих его вопросов: местоположение Байкала, версии о его происхождении, первые плавания русских через Байкал, измерения и карты Байкала, впадающие в Байкал реки и вытекающая из него река Ангара. Помимо этого, Г. Спасский рассматривает основные виды растений и животных, обитающих на Байкале [Спасский, 1821, режим доступа <http://www.magicbaikal.ru/history/baikal-sketch.htm>, дата обращения 22.01.2015].

Выдающиеся исследователи, путешественники А. Марто́с (1827), М. Геденштом (1830), Н. Я. Бичурин (1833), Н. С. Щукин (1848) повествуют в своих очерках о путешествиях по Восточной Сибири, затрагивают вопросы происхождения названия озера, гор, рек, характера рыбного промысла, делаются попытки описать глубину Байкала. Большую роль в более разностороннем и научном исследовании озера сыграло основание Восточно-Сибирского отделения Русского (Императорского) географического общества в Иркутске (1851–1918), возглавившего исследования в Сибири и Прибайкалье, и известного фундаментальными трудами В. Дыбовского, В. Годлевского, И. Черского и др.

Обзор Байкала с прикладной точки зрения проводит П. Пежемский (1852), он описывает рыбную производительность Байкала и классифицирует всех рыб на четыре основных промысловых категории «1 - красная, 2 - белая мягкая, 3 - белая жесткая и 4 – жировая». Ф. В. Елизов (1873) расширяет наблюдения о рыбной промышленности заметками о возможностях звериной промышленности, Н. Н. Сабуров (1889), Н. Витковский (1890) затрагивают вопросы, связанные с охотой и промыслом на нерпу [<http://histfishing.ru/biblio/tema/29-novoe-i-novejshee-vremya-rybnaya-promyshlennost-i-ee-issledovaniya-izdaniya-do-1917-g/577-pezhemskij-pi-rybnaya-proizvoditelnost-oz-bajkal>, дата обращения 3.01.2015].

Крупнейший исследователь Восточной Сибири, поляк по происхождению, И. Д. Черский в 1877 г. приступил к изучению Байкала, в ходе которого он провел обширные исследования геологического строения его берегов и составил первую геологическую карту побережья озера. Предшествующие геологи занимались изучением отдельных участков побережья, но никто не охватил всего побережья Байкала в целом, и многие районы были совершенно неисследованы. В 1880 г. он закончил работу, а в 1881 г. собрал дополнительные геологические материалы для юго-восточного побережья озера во время своей поездки по Селенге до Кяхты. Результаты этих исследований изложены в ряде предварительных отчетов; уже в 1880 г. Черский составил подробную геологическую карту Байкала. В честь исследователя назван пик Черского (в поселке Листвянка). В дальнейшем целый ряд ученых (В. А. Обручев, П. П. Хороших, М. М. Кожов, Г. Ю. Верещагин и др.) продолжают изучение Байкала и его уникальных характеристик: объяснено происхождение Байкальской впадины, выдвинуты теории морского происхождения байкальской флоры и фауны, даны обзоры и обобщенные отчеты за всю историю исследования озера.

Первые погружения на дно Байкала были совершены в 1977 г. на глубоководном аппарате «Пайсис» канадского производства. В Лиственничном заливе была достигнута глубина 1410 м. В 1991 г. «Пайсис» с

восточной стороны Ольхона опустился на глубину 1637 м. Российские, американские и японские ученые осуществили на Байкале международный проект глубоководного бурения Global Change «Глобальные измерения природной среды и климата Центральной Азии на основе изучения осадков озера Байкал». Бурение позволило изучить разрез осадочной толщи на дне озера, детализировать его историю. Особенно ценны результаты бурения для реконструкции климатических изменений на территории Евразии. На глубине 1,3 км работает Байкальский нейтринный телескоп – одна из двух уникальных планетарных установок для регистрации самых легких из существующих стабильных элементарных частиц – нейтрино. На его базе создается нейтринный телескоп NT-200+ с увеличенным эффективным объёмом, строительство которого предполагается завершить не ранее 2017 г. [Волков, 2009, с. 34].

А. Б. Иметхенов отмечает, что, несмотря на то, что культура Бурятии консолидировалась у побережья Байкала, культовый феномен Байкала не изучен до конца [Иметхенов, 2013, с. 36]. На современном этапе изучением Байкала занимаются многие научно-исследовательские центры: Бурятский научный центр, Байкальский институт природопользования СО РАН, в поселке Листвянка Иркутской области функционирует Лимнологический институт, организованный на базе Байкальской лимнологической станции и др. Летом 2008 года Фонд содействия сохранению озера Байкал, в состав научного совета которого входят ведущие научные учреждения России (Институт водных проблем РАН, МГУ им. Ломоносова и др.), Байкальский институт природопользования СО РАН и Лимнологический институт г. Иркутска, организовал научно-исследовательскую экспедицию «"Миры" на Байкале». После 150 погружений глубоководных обитаемых аппаратов «Мир» учёные доставили в Институт океанологии имени П. П. Ширшова РАН пробы воды, грунта и микроорганизмов, поднятые со дна Байкала, что дает ценную информацию о животном и растительном мире озера, позволяет провести эксперименты по изучению состава воды [Тулохонов, 2011, с. 21].

Эти организации ведут научные исследования по выяснению закономерностей функционирования уникальной экосистемы озера Байкал. По данным многочисленных экспедиций Бурятского научного центра, Байкальского института природопользования, Лимнологического института и лексикографических источников мы выявили основные природно-географические особенности, обуславливающие уникальные характеристики Байкала:

1. Байкал — **самое глубокое озеро** на Земле (X1 в таблице 4). Современное значение максимальной глубины озера — 1 637 м. — было установлено в 1983 году Л. Г. Сулимовым во время выполнения гидрографических работ. Максимальную глубину нанесли на карты в 1992 г., которые были подтверждены в 2002 году в ходе совместных бельгийско-испанско-российских исследований по созданию новой батиметрической карты. Нижняя точка котловины озера лежит на 1186,5 м. ниже уровня мирового океана, что делает чашу Байкала также одной из самых глубоких материковых впадин [Карнышев, 2010, с. 203].

2. Байкал занимает второе место в мире **по объему запасов воды** (X2), уступая лишь Каспийскому морю — 23 615,39 км³ (около 19% мировых запасов пресной воды).

3. Происхождение и **возраст Байкала** (X3) вызывают многочисленные споры в научной сфере. Возраст озера учёные определяют в 25-35 млн лет. Данный факт делает Байкал уникальным природным объектом, поскольку большая часть озёр живут 10-15 тыс. лет, после же они заболачиваются, заполняясь илистыми осадками [Логачев, 1968, с. 72]. Ряд ученых разрабатывает версию об относительной «молодости» Байкала, основываясь на косвенные подтверждения в связи с работами подводных обитаемых аппаратов «Пайсис», в ходе которых были выполнены многоканальное сейсмическое профилирование и бурение скважин в акватории озера. При этом были выдвинуты положения, что современной береговой линии озера всего лишь 8 тыс. лет, а глубоководной части — 150

тыс. лет. Как уточняет Д. В. Лопатин, занимающийся научным изучением возраста озера, следует различать возраст Байкала как единого глубоководного озера и возраст Байкальской впадины [Лопатин, 2004, с. 58].

4. Ежегодно в Байкале производится около 60 км³ неповторимой по **качеству воды (X4)**. Вода Байкала насыщена кислородом, процент насыщения – достигает 100% и более. Содержание диоксида углерода в водах Байкала, напротив, невелико - 0,5-2,0 мг/ дм³. Концентрация растворенных минеральных веществ, микроэлементов и органических примесей в воде Байкала крайне низка. Незначительное количество минеральных солей (96,7 мг/л) в воде Байкала позволяет использовать ее как дистиллированную [Шпейзер, 2007, с. 99]. Байкал отличается от других водоемов прозрачностью своей воды. Весной, после освобождения Байкала ото льда, прозрачность воды достигает 40 м. – это в десятки раз больше, чем в других озерах (Каспий – 25 м., Иссык-Куль – 20 м.) [Волков, 2009, с. 39]. Уникальный химический состав вод Байкала формируется за счет вод притоков и атмосферных осадков, выпадающих на его зеркало. По разным сведениям в Байкал впадают 336 (И.Д. Черский), 544 (О.Г. Гусев) рек и ручьёв. Самыми крупными являются Селенга, Верхняя Ангара и Баргузин.

5. **Байкальский лёд (X5)** также является объектом исследования многих ученых. Байкал замерзает целиком, толщина льда достигает 1 м, а в заливах — 1,5-2 м. Зимой «становые щели», длиной 10-30 км и 2-3 м шириной, разделяют лёд на обособленные участки. Функциональная определенность данного природного явления делает возможным проникновение кислорода в воду, что спасает рыбу от гибели. Байкальская лимнологическая станция обнаружила специфичные формы ледового покрова, характерные только для Байкала. Помимо этого, спутниковые снимки различных секторов Байкала показывают присутствие тёмных колец. Ученые объясняют данное явление подъемом глубинных вод и общему повышению температуры вод, что образует специфическое течение,

воодообмен которого разрушает ледовый покров и образует темные круги [Дучков, 2007, с. 87].

6. Важной особенностью Байкала является **разнообразие эндемичных видов** (Х6), характерных только для этого водоема. Данные, представленные Лимнологическим институтом Сибирского отделения РАН, показывают, что из 2 630 видов флоры и фауны 2/3 являются эндемиками. Среди наиболее известных и важных видов можно выделить рачок эпишура, который составляет до 80% биомассы зоопланктона озера и является важнейшим звеном в пищевой цепи водоёма. Он выполняет функцию фильтра: пропускает через себя воду, очищая её. Помимо этого ученые занимаются исследованиями живородящей рыбы голомянки, пресноводной нерпы, омуля и других видов [Лимнологический институт, <http://www.lin.irk.ru/new/>, дата обращения 10.01.2015].

Таким образом, столетиями Байкал являлся объектом изучения многих исследователей и научных центров. В результате многочисленных экспедиций выявлен ряд исключительных и уникальных характеристик озера, которые выделяют его на фоне других озер мира и определяют его особое положение.

Лексикографические данные. Нами проведен анализ 10 энциклопедических словарей разных периодов издания, с 1788 по 2008 гг., содержащих наиболее полную информацию об озере Байкал.

В «Новом и полном географическом словаре Российского государства» (1788) находим следующее описание: *«Байкаль – озеро, отъ около живущихъ народовъ изъ почтенія Святымъ моремъ называемое, въ Сибири, простирается длиною отъ запада до востока на 500, отъ полуночи до полудня шириною около 20, и до 30 версть»*. Помимо этого, в статье отражены:

1) период замерзания озера (*«замерзаетъ въ исходъ Декабря, а вскрывается в началъ Маія»*);

- 2) судоходство на Байкале (*«ходятъ на немъ дощениками и галіотами»*);
- 3) качество воды (*«вода въ немъ весьма чиста»*);
- 4) обитающие промысловые рыбы (*«осетровъ и щукъ великое довольство, а собственная сему озеру рыба Омули, Селдямъ подобная»*);
- 5) остров Ольхон (*«главной называется Ольхонъ, на которомъ живутъ Братскіе мужики ясаиные»*);
- 6) реки, впадающие в Байкал, и Ангара (*«впадаютъ въ Байкаль три большія реки: Ангара Верхняя, Баргузинъ, Селенга. Истекаетъ одна Ангара»*) [Новый и полный географический словарь Российского государства, 1788, с. 61].

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и А. Ефрона (1907) определяет Байкал как *«озеро в Восточной Сибири, третье по величине и первое пресноводное на материке Старого Света, между 51°29' и 55°50' сев. шир. и 121°25' и 127°32' восточной долготы»*. В статье описывается следующее:

- 1) пространственные характеристики озера: длина (600 в.), ширина (80 в.), объем запасов воды, высота над уровнем моря (484 м.), длина береговой линии (1478 в.);
- 2) остров Ольхон;
- 3) глубина (1372 м.), характеристики дна (896 м. ниже уровня океана);
- 4) реки Байкала (*«336 впадающих рек, но значительные только 3 – Верхняя Ангара, Баргузин, Селенга»*);
- 5) качество воды (*«вода очень чиста и прозрачна»*);
- 6) климат Байкала (*«озеро замерзает обыкновенно в декабре, вскрывается в мае»*);
- 7) ветра Байкала (баргузин, култук, сарма);
- 8) фауна озера (осетры, голмянка, омуль, нерпа);

9) геологические характеристики (наблюдается 7 геологических систем: архейская, силурийская, девонская, юрская, третичная, послетретичная, современная) [Брокгауз...1907, режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>, дата обращения: 15.01.2015].

В словаре «Советский союз. Географическое описание в 22 томах. Восточная Сибирь» (1969) описываются:

1) глубина Байкала (1620 м.);
2) происхождение – «тектоническое»;
3) физические параметры озера (*«длина 636 км., береговая линия 2100 км, ширина от 25 до 79 км, объем запасов воды 23 тыс.куб.м., дно Байкала на 1167 м. ниже уровня мирового океана»*);

4) климат Байкала (*«спокоен и ласков Байкал при тихой погоде, но суров, неприступен и опасен при шторме»*);

5) ветра Байкала (сарма, баргузин, ангара, култук);

6) возраст Байкала (*«15-20 млн. лет»*);

7) эндемичная фауна (*«более $\frac{3}{4}$ живых организмов эндемичны»*);

8) качество воды (*«Байкал – крупнейший в мире водоем химически очень чистой воды, она слабо минерализована – в одном литре менее 0,1 г. солей»*);

9) Ольхон (*«из 22 островов самый крупный – Ольхон, он вытянулся на 73 км, ширина его до 11 км, общая площадь 730 кв.км.»*);

10) Ушканьи острова (*«в средней части Байкала возвышается группа Ушканьих островов, широкие скалы которых являются прибежищем нерп»*);

11) реки (Баргузин, Ангара, Селенга);

12) туризм на Байкале (описываются туристская база «Байкал», бухта Песчаная, лечебные минеральные источники Горячинска);

13) хозяйственное использование богатств озера (строительство ГЭС и других видов промышленного производства: *«ценность*

байкальской воды в ее гидрохимическом составе, который удовлетворяет всем видам производственного и бытового потребления»);

14) транспортная система на Байкале (*«основная задача – установление регулярного пассажирского и грузового сообщения с крупными населенными и промышленными пунктами на самом озере»*) [Советский союз. Географическое описание в 22 томах. Восточная Сибирь, 1969, с. 305-318].

Большая Советская Энциклопедия (1978) предоставляет следующую информацию: *«Байкал – озеро в южной части восточной Сибири, в Бурятской АССР и Иркутской области»*, а также:

1) *«длина – 636 км, средняя ширина – 48 км, объем водной массы 23 тыс.куб.км.»;*

2) *глубина озера («средняя глубина 730 м, максимальная глубина в средней части котловины – 1620 м»);*

3) *«в Байкал впадает 336 рек, самые крупные: Селенга, Баргузин, Верхняя Ангара, Турка. Вытекает одна река – Ангара»;*

4) *возраст («абсолютный возраст Байкала – примерно 25 млн.лет»);*

5) *Ольхон и Ушканьи острова;*

6) *климат («суровый, резко-континентальный климат, годовое количество осадков – от 200 до 900 мм»);*

7) *эндемичные виды животных (голомянка, омуль, нерпа);*

8) *качество воды («воды Байкала прозрачны, маломинерализованы, слабощелочные»);*

9) *хозяйственное освоение («в районе Байкала развиты: целлюлозно-бумажная, судостроительная, рыбоконсервная и рыбодобывающая промышленность»);*

10) *туризм (горячие источники Горячинска) [БСЭ, 1978, режим доступа: <http://bse.chernport.ru/>, дата обращения: 16.01.2015].*

«Большой энциклопедический словарь» (2000) определяет Байкал как «пресноводное озеро на юге Восточной Сибири, на границе Иркутской

области и Республики Бурятия. Длина озера с северо-востока на юго-запад - 632 км. Ширина Байкала варьируется от 24 до 79,5 км. Дно Байкала на 1167 метров ниже уровня Мирового океана, а поверхность его вод — на 453 метра выше. Площадь водной поверхности Байкала – 31 722 км² (без учёта островов), длина береговой линии — 2 100 км». На территории Бурятии находится около 60% береговой линии Байкала. Помимо этого указывается, что:

- 1) в озеро впадает 336 рек (Селенга, Баргузин, Верхняя Ангара), вытекает Ангара;
- 2) Байкал имеет тектоническое происхождение;
- 3) имеет 27 островов («крупнейший – Ольхон»);
- 4) «замерзает в январе, вскрывается в мае»;
- 5) «флора и фауна включает 1800 видов (3/4 эндемичны)»;
- 6) налажен промысел рыбы и судоходство [Большой энциклопедический словарь, 2000, режим доступа: <http://www.vedu.ru/bigencdic/5034/>, дата обращения 18.01.2015].

«Словарь географических названий СССР» (1983) и «Топонимический словарь географических названий» Е. М. Поспелова (2001) ограничиваются кратким определением: «озеро на юге Восточной Сибири, Бурятия и Иркутская область» [Словарь географических названий СССР, 1983, с. 21], в «Топонимическом словаре» также дается краткий исторический обзор именовании озера [Поспелов, 2001, с. 51].

В энциклопедическом издании «Сакральная география» (2005) Байкал представлен как «самое глубокое пресноводное озеро в мире, одно из чудес света», и описаны:

- 1) эндемичные виды;
- 2) тектоническое происхождение;
- 3) впадающие реки (Селенга, Баргузин);
- 4) ветра Байкала (сарма, ангара, култук);

5) Ольхон (*«своими очертания остров Ольхон повторяет форму Байкала»*);

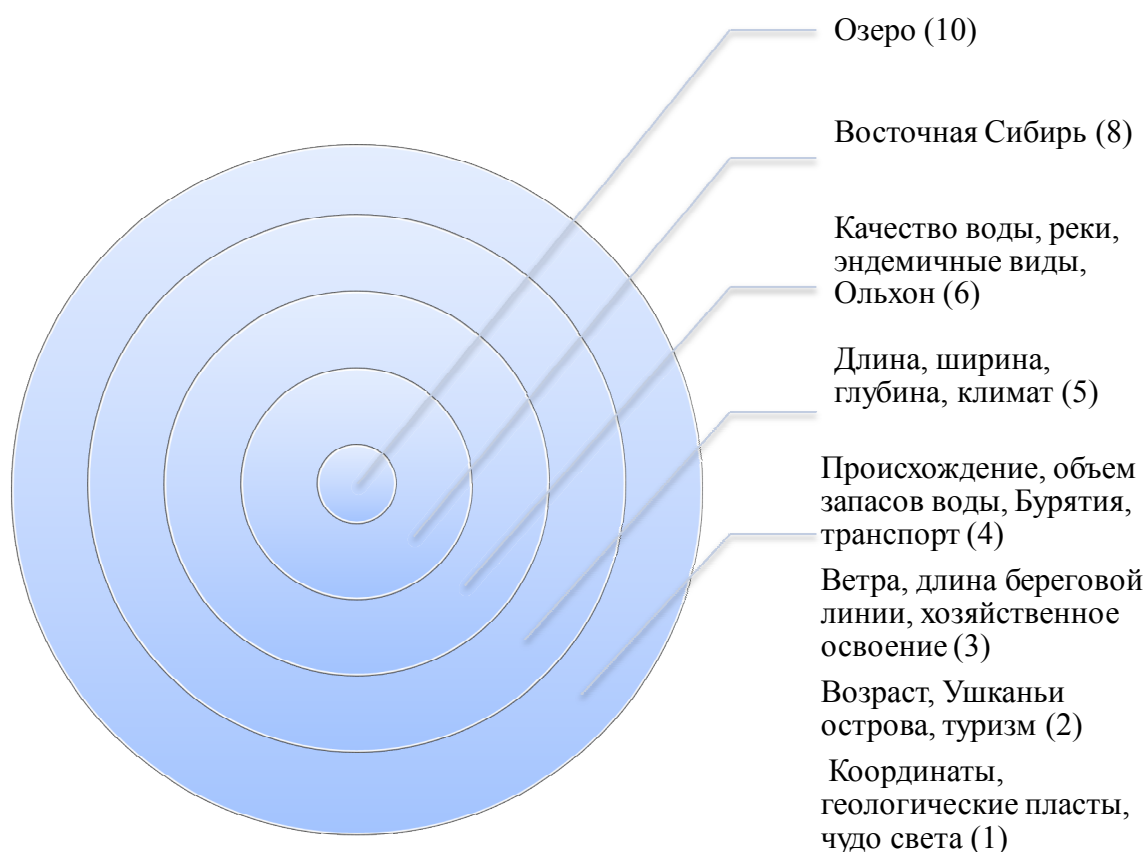
6) предания и легенды связанные с указанными сакральными объектами [Сакральная география, 2005, с. 197-201].

«Словарь современных географических названий» В. М. Котлякова (2006) приводит определение: *«озеро тектонического происхождения в южной части Восточной Сибири, самое глубокое озеро на планете, крупнейший природный резервуар пресной воды»*. «Энциклопедия туризма Кирилла и Мефодия» (2008) так описывает Байкал: *«озеро в горах Южной Сибири, территориально принадлежит Иркутской области (западное побережье и южная оконечность) и Бурятии (восточное побережье и северная оконечность)»*.

Таким образом, частотность представленности различных характеристик в 10 энциклопедических словарях позволяет схематически представить понятийное поле концепта *Байкал* в лексикографических источниках:

Схема 4

**Понятийная составляющая концепта *Байкал* в
лексикографических источниках**

На схеме 4 видно, что ядро концепта формирует частотное значение «озеро», упоминаемое во всех рассмотренных словарях в первых строках словарных статей, так же как и географический ориентир – Восточная Сибирь. Центральную часть концепта занимает описание качества воды, впадающих рек и эндемичных видов (6 словарей), а также пространственно-физических характеристик озера (длина, ширина, глубина – 5 словарей), которые можно выделить в качестве дифференциальных признаков озера Байкал среди других водоемов мира. На периферии концепта размещаются территориальная принадлежность, климатические условия, господствующие ветра, а также транспортная система находят свое отражение в значительно меньшей степени (в 4 словарях). Наконец, такие специфичные характеристики, как туристические отрасли, включение в список чудес света, географические координаты и геологическое устройство плит упомянуты в более специализированных словарях – «Энциклопедии туризма»,

«Энциклопедии сакральной географии» и т.д., поэтому не столь частотны. При анализе художественных произведений нами были определены характеристики Байкала в текстах романов «Подлеморье» и «Байкал – море священное» (таблица 2), при этом авторы акцентировали внимание на цвете, качестве воды и климатических особенностях озера, т.е. во многом энциклопедические и художественные характеристики перекликаются между собой.

Следующим этапом нашего исследования является обращение к данным словарей синонимов. «Словарь синонимов русского языка» В. Н. Тришина (2011) выделяет такие синонимы лексемы *Байкал*, как:

- 1) «озеро»;
- 2) «священное море»;
- 3) «сибирское море»;
- 4) «славное море».

Данный словарь является репрезентативным для нашего исследования, поскольку в нём отражено самое большое количество синонимов (толкований) русского языка (согласно Ассоциации "Русские Рекорды") [<http://www.trishin.ru/left/dictionary/>, дата обращения 24.02.2013]. Так, согласно словарю, отражены синонимы более 369468 слов и словосочетаний, что делает возможным всестороннее изучение синонимического ряда лексемы *Байкал*.

Далее мы провели анализ значений синонимов данных лексем для наилучшего понимания того, какие стороны значения выражаются тем или иным синонимом и каковы различия между ними.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова находим следующие дефиниции указанных синонимов:

- озеро — замкнутый в берегах большой естественный водоём;
- море — большое водное пространство с горько-солёной водой;
- священный — чрезвычайно почётный и исключительный по важности, святой;

- сибирский — относящийся к Сибири;
- славный — пользующийся славой, достойный славы [Ожегов, 1990, режим доступа: <http://www.ozhegov.org/>, дата обращения 19.01.15].

Как отмечает В. М. Хантакова, синонимический ряд можно характеризовать возможностью выбора из множества однородных объектов наиболее актуального и уместного значения в конкретной ситуации. Из спектра возможных вариантов говорящий выбирает наиболее желательный вариант [Хантакова, 2012, с. 227]. На наш взгляд, указанные синонимы «славное море, священное море, сибирское море» являются отражением значимости гидронима *Байкал* в культурном фольклорном наследии региона, в то время как синоним «озеро» отражает родовую принадлежность данного гидронима к определённому типу водоёмов. Изучение дефиниций синонимов лексемы *Байкал* позволило нам прийти к следующим выводам:

- общей для всех синонимов является составляющая «часть водного пространства»;
- дифференциальные составляющие позволяют актуализировать следующие элементы значения различных синонимов, представленные в Таблице 5:

Таблица 5

**Дифференциальные составляющие значений синонимов
концепта «Байкал»**

Характеристики значения	Синонимы ключевого имени «Байкал»
Большой размер	<i>Море</i>
Сакральность, почётность	<i>Священное море</i>
Уникальность, исключительность	<i>Сибирское море</i>
Известность, достоинство	<i>Славное море</i>

Стоит отметить, что варианты контекстуальных синонимов, представленных в художественных произведениях, значительно более частотны (12 синонимов) и дифференцированы по своему значению:

1. Море - «*Море нежно-нежно голубое*» [Жигжитов, 1981, с. 96].

2. Вода – *«А подо льдом поджидала смельчаков черная, страшной глубины вода»* [Жигжитов, 1981, с. 38].
3. Гладь – *«На вечерней заре баилыки зоко всматриваются в порозовевшую гладь»* [Жигжитов, 1981, с. 102].
4. Ширь – *«Солнце и сегодня с самого утра нежно гладит голубую ширь»* [Жигжитов, 1981, с. 158].
5. Синь – *«Бывали ли такие еще глаза, чтоб морская синь уступила им?»* [Жигжитов, 1981, с. 159].
6. Полотно - *«И на голубом полотне они напомнили чем-то Волчонку разлившиеся по Веринной белой скатерти чернила»* [Жигжитов, 1981, с. 187].
7. Даль – *«Синие, синие дали, и глазом никак не окинешь их»* [Жигжитов, 1981, с. 264].
8. Глубина – *«Он, как и Ганька, глядит в черную глубину»* [Жигжитов, 1981, с. 320].
9. Поле – *«Ледяное поле, убегая вдаль, окуталось морозной синесиреневой сеткой»* [Жигжитов, 1981, с. 497].
10. Равнина – *«Сверкая и искрясь под лучами солнца, лежит необъятная равнина»* [Жигжитов, 1981, с. 621].
11. Лед – *«Я иду по льду Байкала и думаю про то, что нынче так растолкало меня»* [Балков, 1989, с. 174].
12. Волны – *«Тогда загорит тайга вокруг Байкала, и станут волны красными, кроваво-красными»* [Балков, 1989, с. 257].

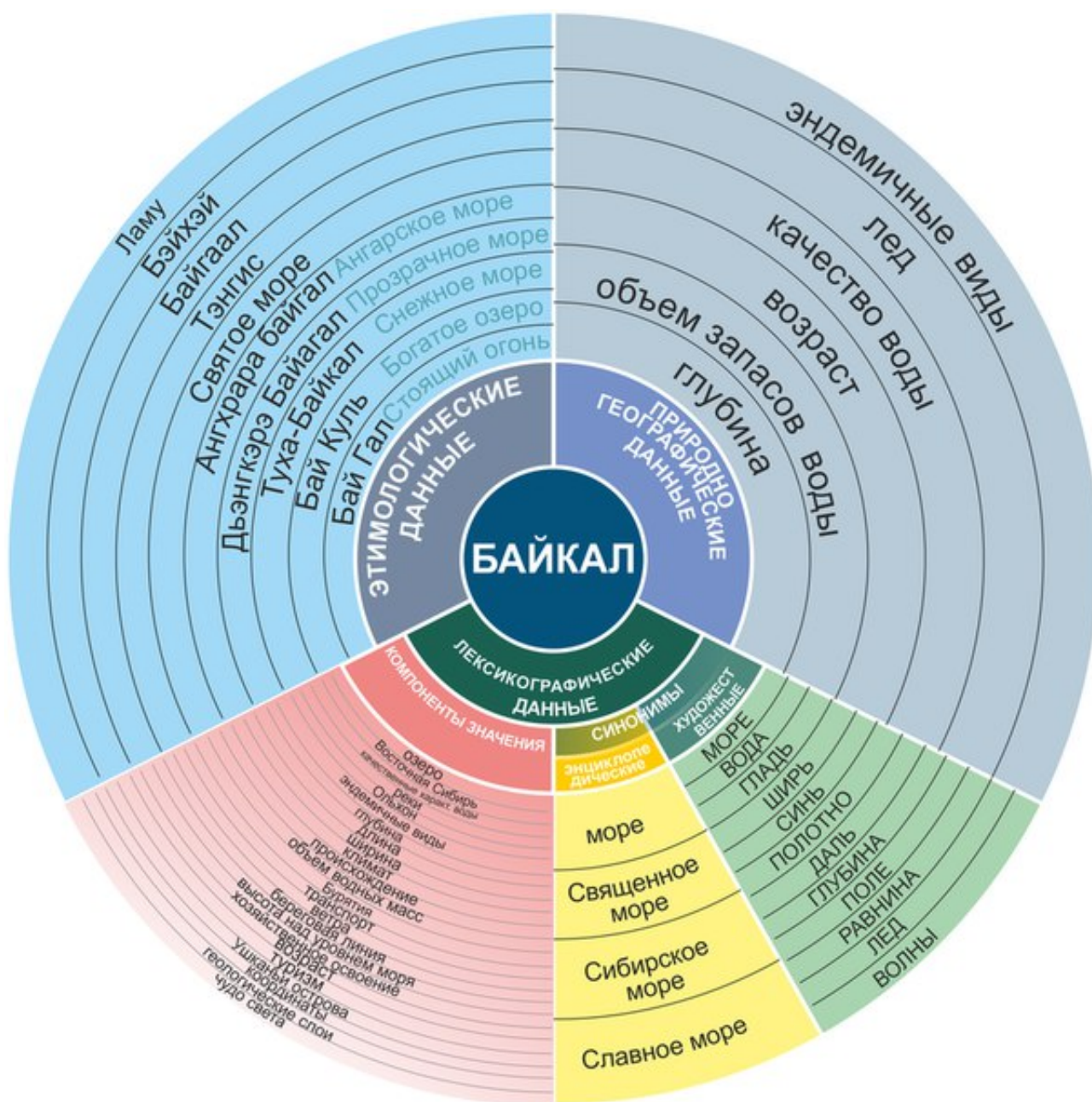
Все указанные параллельные именованья обладают специфическим содержанием и использование того или иного варианта в определенном контексте позволяет достигнуть в наибольшей степени реализации эстетической и описательной функции онима. Так, например, лексемы «поле», «равнина», «глубина», «даль», «ширь», «полотно» отражают необъятный размер Байкала, его величие и недосыгаемость, положение «над» всеми бытовыми трудностями героев, над их переживаниями и страданиями.

Наименования «лед» и «волны» подчеркивают сезонные характеристики озера в летнее и зимнее время. Лексема «синь» отражает наиболее характерный цвет для водного объекта, одновременно выполняя эстетическую функцию, отождествляя его синь с красотой.

На основании проведенного исследования можно представить понятийную составляющую концепта *Байкал*, основным признаком которой становится «исключительность», в виде следующей схемы:

Схема 5

Понятийная составляющая концепта *Байкал*

3.2. Образная составляющая концепта *Байкал*.

Образная составляющая рассматриваемого концепта отражает чувственные представления людей о Байкале, выраженные в языке посредством коннотаций и метафорического переноса. В. Н. Телия указывает на то, что человеку свойственны соизмерение окружающей действительности с эталонами и стереотипами, выработанными в «личностном тезаурусе» носителя национально-языковой культуры. Образно-ассоциативные комплексы основаны на аналогии – когнитивной операции, которая вовлекает в интеракцию субъекта метафоры и ее гетерогенные объекты [Телия 1988, 32, 39]. Наличие яркого, запоминающегося признака, приписываемого денотату массовым обыденным сознанием, создает предпосылки для метафоризации топонима. Причем ассоциация, лежащая в основе переноса, может быть коллективной, закрепленной за определенным типом ситуации, если географический объект связывается с каким-либо очень известным или важным событием, запечатлевшимся в сознании носителей языка [Доржиева, 2015, с. 60].

Отношение к водной стихии и озеру двойственно: с одной стороны, это «чистое начало», из которого в дальнейшем было создано все остальное, с другой стороны, «большая вода» – нечто таинственное и непонятное [Санжеева, 2013, с. 167]. Практический материал показывает, что образные описания Байкала занимают значительное место в региональной картине мира и разнообразны по своему содержанию.

На основе анализа научной литературы по теории метафоры мы сочли наиболее релевантной для нашего исследования классификацию, предложенную Дж. Лакоффом. Проведенный анализ функционирования концепта *Байкал* в художественных произведениях привел нас к выводу, что в большинстве контекстов реализуются онтологическая и ориентационные когнитивные метафоры, организующие всю систему концептов по отношению друг к другу и способствующие их осмыслению. В нашем исследовании выделены следующие когнитивные модели:

1) *«Байкал как фиксированный в пространстве объект»* - лексическое отражение географических и климатических особенностей озера (номинации гор, рек и ветров), необходимых для наиболее полного и детального понимания Байкала как целого;

2) *«Байкал как живое существо»* - антропогенные характеристики озера, лексическое наделение Байкала витальными признаками.

3) *«Байкал как феномен»* - художественные дефиниции озера, отличающиеся по своему содержанию и эмоциональной окрашенности от понятийных дефиниций, представленных в лексикографических источниках;

4) *Цветовая метафора* – художественные описания цветовой палитры озера, заключающие в своем содержании особый имплицированный смысл.

Рассмотрим **первую группу**, в рамках которой в описании природной уникальности Байкала во многих произведениях текстовую значимость приобретают лексемы, отражающие горы, ветра и реки, впадающие в Байкал. Как пишет М. Хамгушкеева: «Байкальские пейзажи, образы, мотивы, краски, звуки его ветров! ...Изображая жемчужину природы – священный Байкал, поэт по-своему раскрывает новые черты, новые грани в его облике, в его силе и неопишуемой красоте» [Хамгушкеева, 1998, с. 96-97].

Одним из ключевых образов является *Ангара*, концептуальные характеристики представлены в лексемах: единственная дочь, дочерняя любовь, прощение, родитель, отец, батор. Наиболее ярко образ Ангары представлен в фольклорном и поэтическом материале. Так, в сказке «Ангарские бусы» Байкал предстает в виде «грозного великана», а Ангара описывается следующим образом – *«единственная дочь Ангара, синеокая, капризная и своенравная красавица. Очень огорчала она отца необузданной расточительностью. О, как легко и свободно, в любой миг расходовала она то, что собирал ее отец годами!»* [Элиасов, 1988, с. 35].

В стихотворении В. К. Петонова «Продолжение легенды» излагается вариант известной легенды о побеге Ангары к своему возлюбленному

Енисею: *Слышал я легенду от людей / Сложенную в давние года / Как бурятка Ангара тайком / От отца сбежала навсегда* [Петонов, 1988, с. 55].

Н. Г. Дамдинов развернуто рассказывает историю запретной любви Ангары в своей поэме «Легенда об Ангаре», где Байкал – это грозный, опасный и сердитый старец: *«Был рассержен на дочь упрямый / Страшный в гнев своем Байкал»* [Дамдинов, 2001, с. 14].

Д. З. Жалсараев в стихотворении «Байкала-батора единственная дочь» также отсылает нас к легенде. Однако, лексема *Ангара* не используется в тексте, посредством чего создается загадка, ответ на которую читатель может узнать, прочитав историю целиком. Байкал предстает как мудрый отец, прародитель, покровитель, который несмотря ни на что прощает свою единственную дочь: *«Не потому ль моя дочерняя вина / Была Байкалом всенародно прощена?»* [Жалсараев, 2000, с. 188].

Река *Селенга*, как самый большой приток Байкала, также играет немаловажную роль в творчестве местных авторов: *«Голубая ее вода! / И шелка двух родных степеней / Подпоясаны той водой — От подножья горы Хэнтэй / До байкальской полны седой!»* [Петонов, 1988, с. 30].

В стихотворениях «Триста сибирских рек» и «Жизнь моя» затрагиваются экологические проблемы: *«Приносят они Байкалу / Вместе с водою — грязь»* [Жалсараев, 2000, с. 155]. *«Как чиста, прозрачна как с начала / У истока самого вода // Сохранить до устья чистоту бы / Но сползает с берегов грязца»* [Дамдинов, 2001, с. 103].

Анемоним *Баргузин* также имеет особую значимость в создании образа Байкала. Например, стихотворение Д. З. Жалсараева «Песнь ветра Баргузин» коррелирует в своем содержании с известной песней «Славное море, священный Байкал». Здесь «древний Байкал» помогает беглецу переплыть в омулевой бочке, и аллюзия «Эй, баргузин, пошевеливай вал» создает особую атмосферу таинственности: *«Песнь повторяют эпохи минувшей: Эй, баргузин, пошевеливай вал!»* [Жалсараев, 2000, с. 187].

М. М. Шиханов и В. К. Петонов описывают своенравный и переменчивый климат Байкала, пересказывая легенду о борьбе за сердце Сармы между ветрами Баргузин и Култук: *«Друзья в красавицу Сарму влюбились в одночасье / Кому достанется? Кому метнет под ноги счастье»* [Шиханов, 2007, с. 9]. *«Как грозил Баргузинт / И носил где попало / И сама, Брат, Сарма / Его лодку трепала!»* [Петонов, 1988, с. 15].

Конфликт между ветрами-богатырями рассудительно разрешает сам «батюшка Байкал»: *«после уж от самого Байкала узнали, что это он отобрал у них бочку-то и запрятал ее в своих глубинах. Это был его подарок ветрам, а увидел, что из-за чудесной бочки раздор между ними пошел и что по совести решить дело они не хотят, так и отобрал сразу»* [Элиасов, 1988, с. 82].

Саяны, обрамляющие озеро, сравнивают свою высоту с глубиной озера в стихотворении «Высота и глубина»: *«Высок-то я высок, но глубина / И мне, остроконечному, нужна // Ты только потому, Байкал, глубок / Что суть твоя и помыслы высоки»* [Жалсараев, 2000, с. 156].

Основу **второй модели** формирует сеть взаимодействующих концептуальных метафор, центральной из которых является антропоморфная метафора «Байкал – живое существо», реализующаяся как «Байкал – человек». Байкалу присущи витальные признаки, которые характеризует его как живое существо, обладающее способностью:

- улыбаться (*«И море всем улыбается. Тишь да гладь...»*) [Жигжитов, 1981, с. 153];
- молчать (*«Море равнодушно молчало»*) [Жигжитов, 1981, с. 173];
- злиться (*«Море такое: хмурится, хмурится, будто все, что ни делается, не по нутру ему?»*) [Балков, 1989, с. 11];
- говорить (*«Еле слышно шепчет он сперва»*) [Петонов, 1988, с. 3];
- молчать (*«Но он молчит покамест, нелюдим»*) [Шиханов, 2003, с. 10];

- спать («...он дремлет, он засыпает, он совсем уснул») [Жалсараев, 2000, с. 155];
- умирать («Погибнет Байкал...») [Жигжитов, 1981, с. 779].

Помимо прочего, у Байкала есть душа: «Так прозрачно-чиста / Так вода хороша / Грязь и муть не приемлет / Байкала душа» [Дамдинов, 2001, с. 104].

В образной характеристике Байкала авторы наиболее часто прибегают к двум способам:

1) Определение ключевого слова *Байкал* существительным, создающим художественно специфичный и эмоционально насыщенный образ. О влиянии устного народного творчества на мировоззрение писателей и поэтов свидетельствуют образы *Байкал-батыр*, *Байкал-богатырь*, *Байкал-властелин*, *наставник-Байкал*. В большинстве случаев Байкал выступает могучим, сильным защитником. Изображение Байкала в монументально-эпических формах – продолжение традиций эпических песен и сказаний. Примечательно, что метафоры «богатырь» и «батыр» отражают наиболее культурно релевантные понятия молодецкой удали и силы в двух культурах: русской и бурятской. В то же время, метафоры «наставник» и «властелин» рисуют доминирующий и своенравный характер могучего озера, который зачастую решает судьбу и жизнь обитающих на его берегах людей.

2) Параллельные именованья *Байкала* «**волшебник седой**», «**мудрый старейшина**» создают концептуальные характеристики нереальности, загадочности, потусторонности. Как пишет М. Хамгушкеева, поэт «рисует словом» [Хамгушкеева, 1998, с. 98]. Как средство усиления выразительности используется антитеза: эпитеты «седой», «мудрый» создают образ почтенного старца, умудренного жизненным опытом, в других строках *Байкал* предстает как резвый и сильный защитник. Во многом данный метафоричный облик Байкала перекликается с образом Белого Старца, одним из самых популярных фольклорных образов, выступающим покровителем всего бурятского народа. Например, в стихотворении Д. З. Жалсараева

«Байкал и родник» *Байкал* - скромный, смиренный **старец**, который благодарен простому роднику за то, что тот дает ему такую чистую воду: «*Наш Байкал, что к славе мировой привык / Не унижен этим добрым сходством*» [Жалсараев, 2000, с. 157].

Продолжение данных мотивов также находим у В. К. Петонова и Л. В. Олзоевой: «*Накрыт **старик** Байкал / Кошмою — темнотой*» [Петонов, 1988, с. 9]; «*Оттого священным стал Байкал / что нисколько славой не гордился*» [Олзоева, 2002, с. 10].

К. Балков в романе «Байкал – море священное» также использует метафору: «*Как если бы перед ними был и не Байкал вовсе, а умудренный годами **старец***» [Балков, 1989, с. 10]. С другой стороны, Байкал как бы находится над переживаниями всех героев: «*Он кормит. Он губит. Он дарит красоту. И всегда безразличен к людям, к их смерти, к их жизни. Сам по себе...*» [Жигжитов, 1981, с. 815].

Байкал всегда участвует в жизни людей, он всегда находится по близости, поэтому прослеживается метафора «Байкал – **сосед**», выраженная при помощи сравнения: «*Своим соседством беспокоя / От самых первых детских лет / Ворочался он за горою / Как будто за стеной **сосед***» [Дамдинов, 2001, с. 98]

Молчаливое спокойствие Байкала зимой вызывает ассоциацию с **одиноким мужчиной**: «*Байкал в снегах // Похож он на **мужчину** / чья милая ушла с другим*» [Шиханов, 2007, с. 10].

Байкал – покровитель и кормилец, и поэтому часто называется **батюшкой**: «*Хордей знал, что **батюшка** Байкал не ко всякому человеку расположен бывает, потому и не от всякого подношения принимает*» [Элиасов, 1988, с. 42].

Многие бурятские писатели и поэты использовали персонифицированные образы стихийных сил природы, наделяя их человеческими качествами и свойствами. Персонификация Праматери-природы, Байкала отражает характерные для этнической картины мира

образа природы и человека в ней – как части целого. Как указывает Л. Ц. Санжеева, анализ архаических мифов и легенд разных народов свидетельствует о том, что древние люди воспринимали водную стихию, точно так же небо и землю, как реальное живое существо. Водные и другие объекты имели своих духов, им приносили жертвы в знак почитания [Санжеева, 2013, с. 166].

В произведениях также проявляются характерные исторические культурно-маркированные черты советского времени. Поэма Д. З. Жалсараева «Наш БАМ» посвящена первопроходцам Байкало-Амурской магистрали. Персонафикация Байкала в стихотворении «Труженик-Байкал» отражаются характерные для советского времени положительные качества – трудолюбие и упорство, то, каким видят идеального советского человека. По сравнению с шаманскими и традиционными бурятскими и русскими представлениями о Байкале как о почетном старце и молодом богатыре, здесь Байкал предстает в образе советского **труженика**, отражая дух времени. Эпитеты «вечный», «суровый» помогают создать наиболее точный и детальный образ: *«За то, что вечный труженик — Байкал / Священным мы зовем и славным»* [Жалсараев, 2000, с. 163]. Схожие мотивы наблюдаются у В. К. Петонова: *«Нет, не видал я и не слышал / Что засыпал Байкал, отдыхал»* [Петонов, 1988, с. 10].

Сравнительные обороты – «как опытный искусник **скотовод**», «как **земледелец**, верный друг земли», «как **мастер - золотые руки**» усиливают этот образ труженика, который дарует природные богатства: омуль, пастбища, леса и равнины. Антропоморфная метафора создает законченный образ уставшего после тяжелого рабочего дня человека – «потные плечи Байкала», «он голову, устав, на берег клонит». Персонафикация реализуется в следующих примерах: *«Глаза бесконечно родные, глаза светло-карие»*; *«Он голову, устав, на берег клонит»*; *«И пар идет от потных плеч Байкала»*; *«Своим он прикрывает телом»*.

Третья модель «Байкал как феномен» структурируется при помощи стилистически маркированных дефиниций уникального озера. Как отмечает Е. В. Исаева, в перифразированных топонимах отражены не только географическое положение и природные особенности, но также и другие свойства или дополнительная информация о географическом объекте [Исаева, 2014, с. 111]. Несмотря на принадлежность Байкала к классу озер, местные жители испокон веков называли его морем. В воспоминаниях Ц. Сахарова читаем: «...посредине между двух рек находится море Байкал, а 1000 лет тому назад там была земля» [Сахаров, 1995, с. 179]. В реестре беглых помещичьих и монастырских крестьян, составленном в 1745 г., сообщалось, что они поселились «в Троицком Селенгинском монастыре на заимке на Тимлюе», «по Селенге на речке в Куналее», «в Удинску» и вообще «за морем» (Байкалом) [Санжиев, 1999, с. 36].

В целях поэтического описания используются именованья «**море**» во многих стихотворениях, чтобы подчеркнуть величественность и значимость озера: «*С географами в споре / Чуть голос не сорвал: Байкал,— кричу я,— море / Не озеро Байкал!*» [Жалсараев, 2000, с. 162].

В стихотворении «Чаша» автор пишет о бурятской традиции и сравнивает Байкал «с **живой водою чаши**»: «*Гостеприимна традиция наша: чтобы друзьями хоршими стать / Гостю подносится полная чаша / С лучшим напитком, аршану под стать // Чтоб искрилось добро в человеке / Чтоб не таилось на доньшке зла / Миру земному на вечные веки / Чашу Байкала она поднесла*» [Жалсараев, 2000, с. 165].

Автор проводит аналогию между старинным бурятским обычаем приветствовать гостей чашей с молоком, символизирующим чистоту намерений и гостеприимство, и природой, которая подарила человечеству «чашу» Байкала. Метафора является одним из средств выявления системы приоритетных предметов и явлений действительности как в синхронии, так и в диахронии человеческой культуры [Красавский, 2001, с. 281].

В. К. Петонов, в свою очередь, называет озеро «**древнейшим зеркалом**»: *«Где б ни странствовал я / И каких ни видал бы диковин / я всегда возвращался / душою и сердцем к нему / чтоб — древнейшее зеркало / светел, правдив и огромен / он меня самого / показал бы себе самому»* [Петонов, 1988, с. 18].

Байкал воспринимается как **сердце** Сибири: *«Так кто б из вас, скажите, спорить стал / в груди Сибири, матери Сибири / о **ребра скал колотится Байкал?**»*[Шиханов, 2003, с. 14]. *«Как **сердце** живое, без сна всегда»* [Петонов, 1988, с. 10]

Ярким образом в стихотворении «Байкал из Космоса» становится «**жемчужина Сибири**»: *«И вот он – нежданный и жданный миг: В рассветного солнца лучах косых / Жемчужною влагой засверкал / Во всей первозданной красе Байкал»* [Дамдинов, 2001, с. 159].

В словаре С. И. Ожегова находим определение слова жемчужина – *«перен. сокровище, лучшее украшение (высок.)»* [Ожегов, 1990, 194]. **Жемчуг** как дорогое украшение ценится за свою чистоту, благородный блеск и безупречность формы. Эталоном качества считается японский жемчуг сорта Акойя с неподражаемым блеском. В мире известны другие достопримечательности, удостоенные столь высокого сравнения: Будапешт – жемчужина Дуная; Дрезден – жемчужина барокко или Флоренция на Эльбе; Нюрнберг – жемчужина средневековых городов; Рикевир – жемчужина альзасских виноградников; Севилья – жемчужина Андалуссии; Краков – жемчужина Польши; Берген – Жемчужина Норвегии; Брюгге – Жемчужина Фландрии или Северная Венеция; Ницца – Жемчужина Ривьеры; Ла Рошель – Жемчужина Атлантики; Афины – Жемчужина Средиземного моря; Дубровник – Жемчужина Адриатики; Гданьск, Рига, Таллин и Хельсинки – четыре Жемчужины Балтики; Жемчужина Востока – телебашня в Шанхае [Доржиева, 2015, с. 50].

Байкал, называемый **полумесяцем**, благодаря своей изогнутой форме, сравнивается с «**напевом**», «**наперстком**» и характеризуется как «**ломоть**

синевы» в стихотворении Л. К. Олзоевой «Полумесяц Байкала»: «Я нашла на земле, а потом в небесах отыскала / это море — наперсток с упавшей иголкой-звездой // А на карте земли голубой **полумесяц Байкала** — как **ломоть синевы**, как с небес прозвеневший **напев**» [Олзоева, 2002, с. 82].

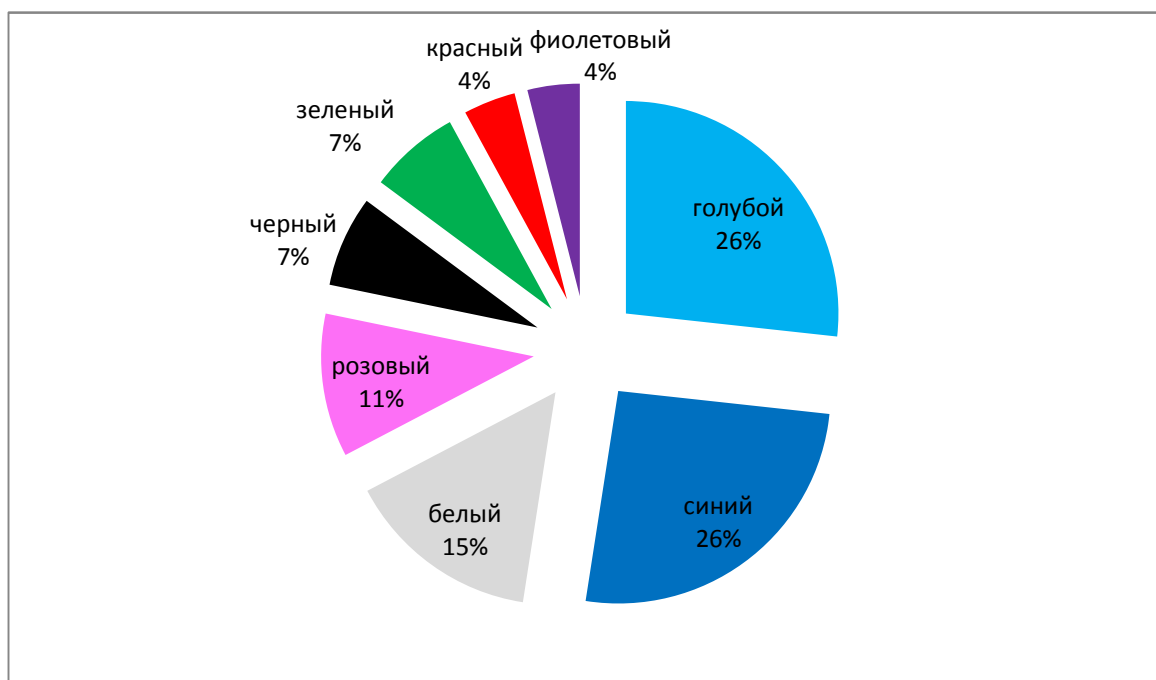
В рассмотренном нами фольклорном материале также находим богатое метафорическое описание озера. Например, в загадках его называют «**синим шелком**»: «Хухэ торго отолжо ядабаб (далай)» («Синий шелк никак нельзя разрезать») и «**торопливым конем**» «Хаһагай морише, Хаажса боожошье ядааб (уһан)» («Торопливого коня никак не смог остановить»), которые считались самыми большими богатствами бурятского народа.

Почетное, сакральное отношение к великому образу проявляется в **обожествовании** Байкала: «Байкал, Байкал...Ты – **божество** / Великое, как Русь...» [Шиханов, 2003, с. 3].

Особую группу художественных описаний в рамках **четвертой модели** представляет цветовая метафора, которая формирует яркие и насыщенные образы, и представлена оппозицией ахроматических цветов: белого и черного. Добро, позитивное состояние Байкала окрашено в белый цвет (Байкал побелел), в то время как зло, агрессивное настроение – в черный («Байкал почернел»; «Вода была смолянисто-черная»). Световая метафора уточняет цветовую и также представляет оппозицию «свет-тьма» по отношению к разным состояниям Байкала («Байкал помрачнел»/ «Байкал искрился»).

Путем сплошной выборки мы выявили состав и структуру поля цвета в описании Байкала - оно включает 97 цветообозначений. Проведенный анализ позволяет выделить самые частотные колоративные микрополя: голубой – 26 (27%), синий – 25 (26%) ; белый – 14 (15%); розовый – 10 (11%); черный – 7 (7%); зеленый – 7 (7%); красный -4 (4%); фиолетовый –4 (%), которые представлены на схеме 6:

Колоративные микрополя в художественном описании Байкала

Распределение частотности колоративной лексики по данным категориям-микрополям определяется естественными красками, характерными для водного объекта (синий, голубой), а также специфическими стилистическими эмоциональными и эстетическими функциями, которые данные цветообозначения выполняют в романе.

Обозначение внутренних состояний с помощью цветowych слов – один из приемов психологического анализа. Эмоционально-экспрессивные возможности цветов позволяют отразить внутренний мир героев, а также наиболее ярко ввести образ Байкала. Байкал одновременно выступает фоном для развития основных событий и в качестве основного действующего лица. Цветовая характеристика Байкала выполняет эстетическую и смысловую функции, помогая в наибольшей степени передать настроение Байкала относительно тех или иных событий.

Основными цветами для описания Байкала становятся синий и голубой («*Синие, синие дали на Байкале, и глазом никак не окинешь их*», «*Солнце и сегодня с самого утра нежно гладит голубую ширь моря*») [Жигжитов, 1981, с. 158, 264]. Данный факт можно объяснить природными характеристиками

водного объекта. Помимо этого, синий цвет связан с культом неба в бурятской культуре – Хухэ Мунхэ Тэнгэри, и имеет элементы сакральности и почительности в своем значении. К особенностям семантики бурятских цветообозначений относится и тот факт, что для обозначения голубого (светлых оттенков синего) цвета существует две лексемы. Цветообозначение «сэнхир» относится к природным объектам для описания воды, неба, цветов. В то время как «сэгээн» описывает предметы, созданные человеком. Такая дифференциация цветообозначений указывает на неотъемлемую роль синего цвета в культуре и традициях местных жителей региона.

Белый цвет используется для описания мирных и безмятежных событий, например в романе «Подлесье» - в большей степени в первой части трилогии, которая описывает мирное время, вводит основных действующих героев; при этом используются различные варианты сложений и частеречных форм (*«Вера смотрит вдаль, где на белоснежном полотне моря быстро удаляются от нее три всадника», «Байкал сверкал нестерпимой белизной»*) [Жигжитов, 1981, с. 356]. Как отмечает О. А. Баинова, в структуре семантики лексемы «белый» выделяются значения, наиболее характерные для культур Прибайкалья. Это понятия святости, чистоты, благородства, честности, незапятнанности и т.д. Для бурятского народа белый цвет всегда имел ярко выраженный сакральный характер и связывался в его представлении с божественным началом. Байкал в романе предстает в образе почтенного старца, покровителя, отца («Байкал-Батюшко»), белый цвет в данном случае позволяет выразить почитательное отношение, чистоту и святость моря для героев [Баинова, 2005, с. 34]. Почитание бурятами белого цвета особенно широко связано с народным праздником «цагаалган» или «саган сара» - праздником счастливого белого месяца и Нового года [Баранникова, 1978, с. 221].

Ярко прослеживается оппозиция «белый — черный», известная, безусловно, и для многих других культур. Черный цвет отражает негативное состояние, злость, ненависть, характерные для Байкала во времена

революции и Второй мировой войны, когда Байкал, как бы обозлился и сопереживает страданиям людей («Запрыгала лодка на черных волнах/ Рассердился Байкал») [Петонов, 1988, с. 17]. В культуре местных жителей белое и черное являются не просто обозначениями светлого и темного, но заключают в себе сложившиеся в процессе многовековой истории мировоззренческие установки народа, выражающиеся прежде всего в нравственно-этических нормах. Поэтому концепты белый и черный понимаются как философские субстанции, равнозначные понятиям добра и зла.

Другие цвета (красный, желтый, зеленый) также находят свое отражение и перекликаются с характерными значениями в культуре и традициями региона. Так, красный символизирует солнце, жизнь, кровь – Байкал живет («Громадное торосистое поле Байкала **порозовело**») [Жигжитов, 1981, с. 515]. Желтый понимается как солярный знак и символ божественности («**Литое золото разлилось во всю ширь моря**») [Жигжитов, 1981, с. 661]. Зеленый цвет, как правило, символизирует растительность, чистоту и плодородие. Байкал, в свою очередь, дает жизнь, и в силу своих размеров и значимости кормильца сравнивается с зеленой тайгой.

Следует отметить, что символика цвета в культурах региона во многом имеет общие черты. В мифологических, религиозных воззрениях бурят, эвенков и русских цвету отводилось особое место. С помощью цвета выражались эстетические, этические представления этих народов. Основные цвета: белый, черный, красный, желтый, синий, зеленый – являются природными и накладываются на всю национальную культуру народов, проживающих на Байкале, являлась одним из элементов традиционного мировоззрения.

Цветовая картина Байкала, таким образом, представлена 10 цветовыми обозначениями, вербализованными в тексте посредством одноименных микрополей, ранжированных в порядке убывания функциональной численности их репрезентантов. Среди факторов, повлиявших

на частотность употребления, можно выделить следующие: тема и жанр произведений; традиционная окраска Байкала, а также психологическая значимость определенного цветового концепта для автора, которая находится в непосредственной зависимости от полученного им жизненного опыта.

В рамках каждого цветового микрополя используются сложные цветообозначения-прилагательные для тонкости передачи многочисленных оттенков и сочетаний. Благодаря этому удается достигнуть семантической полноты описания Байкала. Например, сложения с опорным компонентом – цветовым прилагательным, уточняющим качество цвета: «*Зеркальная гладь отливала **светло-голубыми** заплатами*», сложения с двумя опорными компонентами– цветовыми прилагательными: «*Байкал застыл в **бело-голубой** неподвижности*», сложения с опорным компонентом – цветовым прилагательным, вносящим сравнительно-конкретизирующее значение: «*Вода в море была такой же, как в Селенге – **смолянисто-черная***». Наиболее характерными для описания являются сложные цветообозначения, уточняющие качество цвета (*светло-голубой, ярко-синий, бледно-голубой, нежно-голубой*). Наибольшее количество сложных прилагательных данной группы приходится на голубой и синий микрополя, что может быть объяснено важностью данных цветов для понимания цветовой картины именно водного объекта. Сложения с 2 опорными прилагательными разных цветов (*розовато-сиреневый, бело-голубой*), на наш взгляд, помогают автору обрисовать переходные моменты разных периодов времени на Байкале. Каждому периоду соответствует оригинальная цветовая оформленность, сам Байкал меняет свои цветовые ипостаси.

Частеречная принадлежность слов цветовой лексики также представляет определенный исследовательский интерес: прилагательные (62): *голубой, синий, зеленый, и др.*; существительные (18): *белизна, синь и др.*; глаголы (12): *почернеть, побелеть и др.*; причастия (5): *порозовевший, поседевший*. Преобладание адъективных цветообозначений в тексте можно объяснить функцией прилагательного как части речи – именно оно

обозначает признак и свойства предметов, и тем самым выполняет функцию выражения эмоции и поэтики реалий окружающей действительности. Значительное количество форм глагольного грамматического оформления цвета (*побелел, почернел*) опирается на региональный менталитет и отношение к Байкалу, который всегда воспринимался, как живой объект, отец, покровитель, и как следствие, обладает способностью к самостоятельным действиям.

Разнообразные стилистические средства играют существенную роль в выражении и реализации рассмотренных когнитивных моделей. Одним из наиболее распространенных средств художественной выразительности в рассмотренных нами произведениях становится **гипербола**: «*Взмывая ввысь с неистовым рычаньем / Небес достигнет волнами Байкал / И землю всю встряхнет до основания*» [Дамдинов, 2001, с. 99]; «*В прозрачности вод почти что до дна / Была видна его глубина*» [Дамдинов, 2001, с. 159]

В благопожеланиях о Байкале также реализуются различные почтительные образы озера. Гипербола, несомненно, важна для понимания основного содержания, идеи. Например, «*Байгал далай шэнги / Баран мунхэ ури хүүгэдтнай дэлгэржэ байг*» («*Будьте вечны как Байкал, пусть дети продолжают ваш род*»). В данном случае прием художественного преувеличения используется для того, чтобы подчеркнуть идею древности и превосходства Байкала, показать его позицию «над» всем мирским и человеческим.

В художественной литературе часто используются **сравнения**: например, в благопожелании «*Ажсалаараа шалгаржа, эрдэмээрээ элиржэ / Байгал далай шэнги суда орон зоной / омогрохол болон ябагты!*» («*Пусть счастье обретается в труде, пусть знания приносят пользу, будьте знамениты, как Байкал, и славьте гордо свой народ*»). В приведенном сравнительном обороте отчетливо прослеживается идейная основа благопожелания: Байкал символизирует собой объект, на который необходимо равняться, который заслужил всемирную известность благодаря

своей чистоте, глубине и уникальности. Данную идею можно проследить и в других сравнительных оборотах: *«Байгал далай мэтэ оёоргүй сэсэн ухатай / уула мэтэ ута наһатай ябахатнай болтогой!»* («Пусть знания ваши будут как Байкал глубоки, как скалы, старцы будут вечны»). Уместно используемые сравнения делают речь сказителей благопожеланий образной и яркой, способствуют живому восприятию произведений данного жанра, усилению их эмоциональной окраски. В результате сравнения предметов и качеств с Байкалом сравниваемый предмет получает положительную качественную характеристику. Помимо этого, сравнения помогают наиболее наглядно представить образ Байкала - *«И на голубом полотне моря они напомнили чем-то Волчонку разлившиеся по Вериной белой скатерти чернила»* [Жигжитов, 1981, с. 187]; раскрыть характеры персонажей *«А затем глаза ее погрузнели, стали как море в осеннюю погоду»* [Жигжитов, 1981, с. 386], *«Видать и в ней есть что-то таинственное, как и в самом Байкале, подле которого возросла и приняла в себя силу его и слабость»* [Балков, 1989, с. 174]. Создание образа старца также реализуется при помощи сравнения льда Байкала, который известен неровностью и значительным количеством трещин, с морщинистым лицом старика – *«Лед на море стал дряблым, ноздреватым. Как на лице старика, появились глубокие морщины»* [Жигжитов, 1981, с. 285].

Эпитеты занимают особое место в образной системе произведений о Байкале. Например, в благопожеланиях конкретизирующие эпитеты «мүнхэ» («вечный»), «хуушанай» («древний»), «сэсэн» («мудрый»), «сэбэр» («чистый»), «нангин» («священный») в сочетании с лексемой «Байкал» создают исключительную образность изображаемого объекта. Речь исполнителя при этом становится более экспрессивной и эмоциональной. В других художественных произведениях находим следующие эпитеты – «седой», «суровый», «единственный», «Вселенское», «грустное» и др. В качестве эпитетов, характеризующих образ Байкала, можно рассматривать не только прилагательные, но и существительные. В частности, лексема «далай»

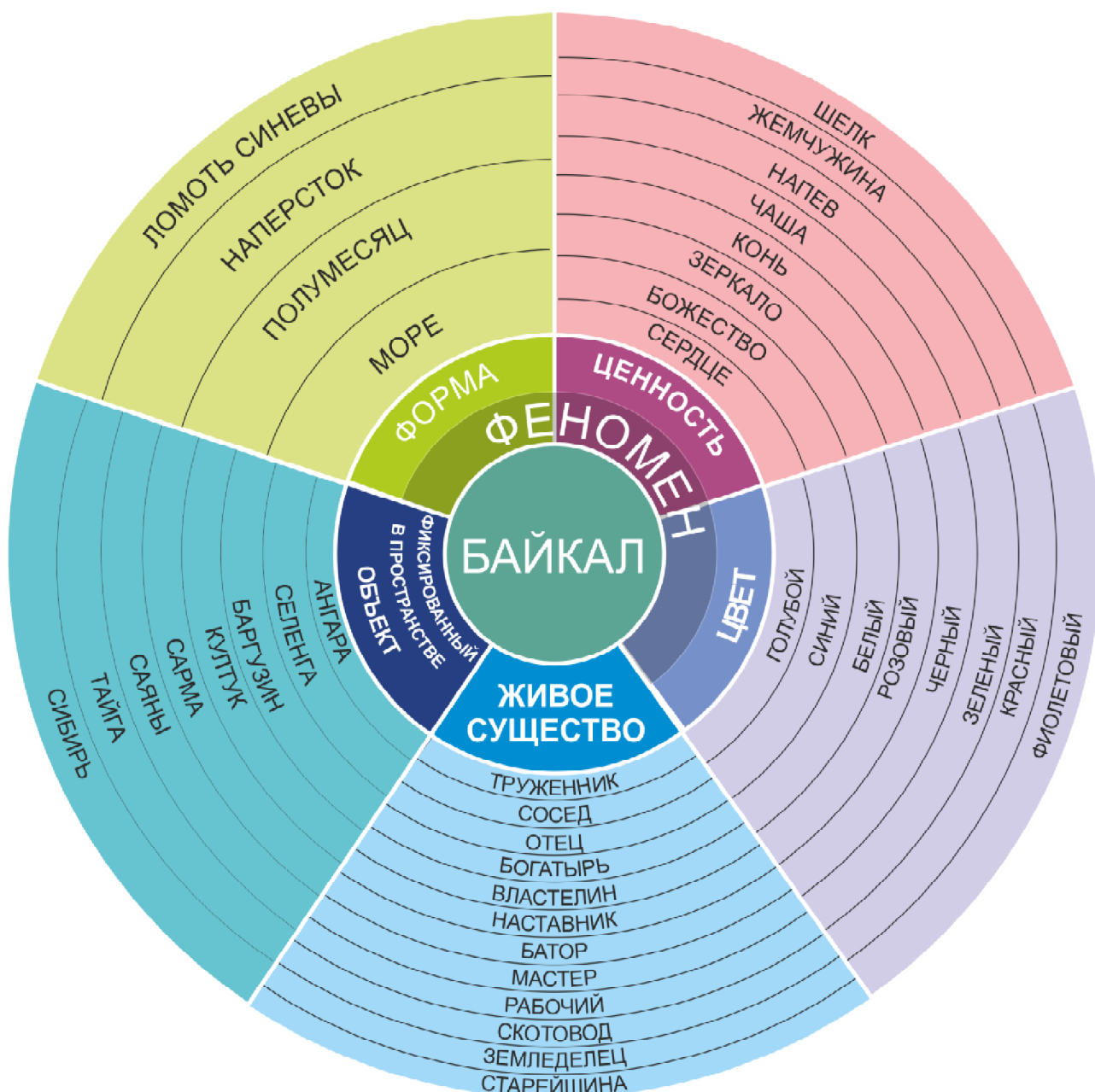
(«море») в сочетании «Байгал далай» в наибольшей степени передает почтительное отношение бурят к Байкалу, который представляется бескрайним морем, а не озером. Значительное распространение приобретает эпитет «священный», например, в песне «Славное море, священный Байкал» в процессе фольклоризации авторский эпитет «привольный» был заменен на «священный», демонстрируя особое отношение местных жителей и ссыльных к Байкалу. Схожие описания находим в художественной литературе: *«За то, что вечный труженик — Байкал, Священным мы зовем и славным»* [Жалсараев, 2000, с. 134], *«Недаром тех, кто сумел заглянуть / В священного моря мудрую суть / Людей из ближних и дальних мест / Равно потрясали и глубь, и блеск»* [Дамдинов, 2001, с. 159].

Многие эпитеты создают яркие и насыщенные образы переменчивого Байкала – *«А море все плещется, большое, грустное...священное»* [Балков, 1989, с. 319].

Художественные метафоры (*«литое золото разлилось во всю ширь моря», «зеркальная гладь отликает литым серебром»*) позволяют читателю наиболее ярко и образно представить необычную многогранность цветового оформления озера. **Оксюморон** (*«Белое полотно Байкала почернело»*) показывает переменчивый и непостоянный, своенравный характер озера.

Проведенный анализ образного компонента концепта *Байкал*, характеризующегося как неповторимый феномен региональной и мировой культуры, представлен в схеме № 7:

Образная составляющая концепта *Байкал*

3.2 Ценностная составляющая концепта *Байкал*

В ходе нашего анализа концепта *Байкал* важным этапом стало выявление ценностных свойств феномена Байкала. Ценностные характеристики лингвокультурного концепта можно установить, обратившись к анализу выраженных в языке взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными и моральными кодексами. Мы разделяем мнение В. И. Карасика о том, что в структуре

лингвокультурного концепта находят отражение наиболее важные ценностные доминанты и культурные смыслы [Карасик, 1996, с. 5].

Н. А. Арутюнова дает следующее определение ценности – «это социальные и психологические воззрения, формирующие ценностную картину мира определенной культуры, и выражающиеся в оценках» [Арутюнова, 1999, с. 131]. При оценке субъект формирует ценностную предметность объекта, реализуемую посредством оценочных суждений. Е. В. Бабаева утверждает, что лингвокультурный концепт фокусирует ценности социума, задает представления о том, каким должен быть окружающий человека мир [Бабаева, 2004, с. 8].

Б. Д. Парыгин выделяет две группы ценностей современного общества: 1) санкционируемые государством при помощи разветвленной системы правовых средств и 2) существующие на уровне бытового сознания [Парыгин, 1971, с. 124]. На основании этого разделения ценностей нами был проведен анализ аксиологии пословиц, поговорок, художественной литературы, а также юридических актов, направленных на защиту озера Байкала.

Ценностный компонент лингвокультурного концепта *Байкал* объективируется в следующих группах ценностей:

- **социально-культурные ценности**, отражающие описательно-географические уникальные характеристики озера;
- **эмоционально-психологические ценности**, описывающие эмоциональное отношение к озеру;
- **статусно-ролевые ценности**, включающие статусное положение Байкала в региональной экономике, политике и культуре.

Социально-культурная ценность озера неоднократно делала его объектом различных международных и российских конкурсов. Например, Байкал входит в число семи чудес России (по версии газеты «Известия», телеканала «Россия» и радиостанции «Маяк»). С 1 мая по 10 июня 2008 года прошёл суперфинал, в котором тайным голосованием были выбраны 7 чудес

России, а 12 июня 2008 года, в день России, на Красной площади были объявлены победители конкурса, среди них озеро Байкал [<http://xn--100-pddf6el5a.xn--plai/index.php?id=3>, дата обращения 31.07.2014].

С 25 марта по 6 октября 2013 года телеканал «Россия 1» и Русское географическое общество при поддержке других телеканалов и радиостанций («Россия 2», «Россия 24», «Москва 24», «Моя планета», «Страна», региональных ГТРК, радио «Вести FM», «Маяк», «Радио России»), интернет порталов «Вести.ru» и «Страна.ru» и информационной поддержке газеты «Комсомольская правда» провели мультимедийный конкурс «Россия 10», целью которого было поддержание внутреннего и международного туризма, рассказ об уникальных географических, архитектурных и исторических объектах России, формирование «геопатриотизма». Из 700 известных российских достопримечательностей в финал вышли только 10, среди которых наряду с Петергофом, Мамаевым Курганом и другими, представлен Байкал [http://10russia.ru/object_41, дата обращения 31.07.2014].

Уникальность Байкала для России и мирового сообщества была продемонстрирована на XXII Олимпийских Зимних Играх в Сочи (2014), где на церемонии открытия каждой букве русского алфавита соответствовал наиболее значимый природный, исторический или культурный объект нашей страны. Байкал представил букву «Б» (Приложение 5). Накануне Олимпиады, в ходе эстафеты олимпийского огня по России, факел, заправленный специальной смесью был опущен на дно Байкала, о чем сообщали заголовки российских и региональных газет: «Олимпийский огонь погрузился на дно Байкала», «Олимпийский огонь спустили на дно Байкала», «Факел побывал и в космосе, и на дне Байкала» [http://www.gazeta.ru/sport/video/olimpiiskii_ogon_opustili_na_dno_baikala.shtml, http://www.ng.ru/regions/2013-12-30/5_olimpiada.html, дата обращения 24.07.2014].

Упоминание Байкала в российской прессе – довольно частое явление, материал газетного корпуса русского языка свидетельствует о том, что

словоформа «Байкал» активно употребляется в газетном жанре в 2005-2014 г.г., частоту ее употребления на миллион словоформ можно наблюдать на схеме 8: [\[http://search.ruscorpora.ru/plot-paper.xml?smoothing=3&stat=gr_created_&env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E1%E0%E9%EA%E0%EB&mode=paper&p=4#toggle\]](http://search.ruscorpora.ru/plot-paper.xml?smoothing=3&stat=gr_created_&env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E1%E0%E9%EA%E0%EB&mode=paper&p=4#toggle):

Схема 8

Как видно на схеме, особую популярность озеро получило в период с 2005 года (142 упоминаний) по 2014 год (310 упоминаний). В прессе отражались наиболее громкие и резонансные вопросы, касающиеся озера. Например, в 2005-2006 годах мы наблюдаем значительный рост упоминаний Байкала, в частности многие газеты освещают вопрос предполагаемого строительства нефтепровода компанией «Транснефть», проходящего в районе Байкала. По проекту компании трасса трубопровода должна была проходить в опасной близости от берега озера, что грозило экологической катастрофой в случае разлива нефти. Многочисленные акции протеста и ряд критических статей привели к отказу от первоначального плана и переносу нитки нефтепровода не ближе чем на 350-400 км. от озера. В изданиях этого

периода встречаем много заголовков: «Путин отдалил «Транснефть» от Байкала» [<http://rbcdaily.ru/industry/562949979060497>, дата обращения 02.08.2014], «Байкал подо мною», «Руки прочь от Байкала» [<http://www.yabloko.ru/Themes/Baikal/>, дата обращения 23.06.2014].

В 2008 году стартовала научная экспедиция «Миры» на Байкале, за которой активно следила российская и международная пресса: «Фильм об экспедиции «Миров» на Байкале будут показывать в Монако», «Книга об экспедиции «Миров» вышла в Бурятии», «Глубоководные аппараты «Мир» покидают Байкал» и т.д. [<http://www.irk.ru/news/subjects/18/>, дата обращения 27.01.2015]. В 2008 году случилось крупное землетрясение, когда сила толчков достигала 12 баллов, о чем, написано в газете «Номер один» следующее: «Байкал с трудом восстанавливается после землетрясения» [<http://baikalpress.ru/sm/2008/36/004010.html>, дата обращения 12.07.2014].

В сентябре 2008 г. Центром стратегических востоковедных исследований и факультетом иностранных языков БГУ была проведена II-ая Байкальская международная ономастическая конференция «Имя. Социум. Культура», получившая широкий резонанс среди учёных-ономатологов, во многом благодаря скрупулёзной подготовительной работе, проведённой совместно с канадским учёным проф. А. Дорионом. 16 октября 2008 г. Центр стратегических востоковедных исследований получил известие о том, что развитие международных связей Бурятского государственного университета и Региональной ассоциации Байкальских ономатологов с канадскими учёными способствовало появлению на географической карте Канады в провинции Квебек *озера Байкал*. Его координаты: 49° 09' 14" и 69° 14' 18".

Многие издания затрагивают злободневную проблему защиты уникального природного богатства озера Байкал, например, в газете «Номер один» от 24 октября 2012 года напечатана статья «Москва роет омулю могилу», где утверждается, что московские чиновники проводят эксперимент над Байкалом и «федеральным властям наплевать на Байкал». По мнению автора, сокращение целевого финансирования воспроизводства природных

биоресурсов озера Байкал приведет к окончанию многовековой истории омуля на Байкале» [Санжиев, 2012, с. 4]. В этом же издании другой корреспондент обеспокоен фактом, что «Госрыбцентр» в ежегодном государственном докладе «О состоянии озера Байкал» отмечает возрастание средней температуры Байкала, вызванное глобальным потеплением [Шишкина, 2012, с. 9]. В статье «Приговор Байкалу» от 28.01.2015 описываются трагические по своим масштабам процессы понижения уровня Байкала, которые могут повлиять на флору и фауну озера [Бадмаев. 2015, с. 29]. Главной темой многих номеров печатных изданий также является вопрос обмеления Байкала: «Медведев решил «слить» Байкал ниже установленного минимума», «Уровень Байкала упал еще на 1 сантиметр», «Топовый российский блоггер пристыдила главу Бурятии за обмеление Байкала» и т.д. [<http://www.infpol.ru/obmelenie-bajkala.html>, дата обращения 10.02.2015]. В июле 2015 года ряд корреспондентов и общественных деятелей утверждают: «Байкал фактически забирают у жителей Бурятии», что вызвано особым ограниченным режимом деятельности и проживания на Байкале, установленным федеральными властями в Постановлении Правительства РФ №733 от 18.07.15 «Об утверждении границ водоохраной и рыбоохранной зон озера Байкал» [<https://www.arigus-tv.ru/news/item/75380/>, дата обращения 24.07.2015].

Помимо этого, особенно в последние годы Байкал – популярное туристическое место, которое красочно описывается многими туристическими операторами как «уникальное озеро, неповторимое чудо планеты, природная святыня, сокровищница несметных богатств земли и сил жизни. Байкал никогда не выглядит однообразным, скучным, всегда полон палитрами красок. Байкал неповторим, сказочен и прекрасен» [bigcountry.ru/page1.php?idm=117, дата обращения 08.02.2015].

Ценность Байкала прослеживается также в творчестве художников и скульпторов Бурятии, Байкал становится популярной и вдохновляющей темой для многих живописцев. Наиболее часто авторы изображают

изменчивые пейзажи Байкала, а также мотивы легенд и преданий, связанных с ним. Большинство из данных работ находятся в составе постоянной выставки Республиканского художественного музея им. Ц. С. Сампилова (Приложение 6).

Таким образом, природно-географическая уникальность озера, основные этапы его исследования и защиты являются важными характеристиками социально-культурной ценности Байкала, которая находит широкое отражение в публикациях российских и региональных журналистов.

При рассмотрении **эмоционально-психологических ценностей** мы разделяем точку зрения Е. Ф. Серебренниковой о том, что тот или иной объект действительности становится эмоционально и ценностно значимым для человека, только если он аттрактивен: достаточно значим, чтобы упорядочить неопределенность мира и процессов позиционирования в нем; а также, притягивает и фокусирует на себе внимание и интерес, имеет привлекательную форму выражения [Серебренникова, 2013, с. 14]. Ценностная составляющая концепта представляет собой совокупность оценочных характеристик концепта, которые сводятся к оппозиции «хорошее отношение — плохое отношение», отражающей как общечеловеческие, так и этноспецифические ценности. Аксиологические предпочтения подвержены колебаниям в зависимости от смены ценностных ориентиров соответствующей эпохи сквозь призму авторского видения.

К общечеловеческим ценностям, отраженным в художественной литературе, относятся:

- экологическая защита Байкала («Если, как думаешь ты, начнут вырубать без разбору, сплошь, то это станет бедой для Байкала») [Жигжитов, 1981, с. 404], «Всего-то нам заботы / Что петь хвалу, любя... // А жаль! Пора бы что-то / И делать для тебя!» [Жалсараев, 200, с. 7];
- красота («Красив Батюшка Байкал и рыбу нарожал красивую») [Жигжитов, 1981, с. 473], «О, сколько в нем силы и красоты» [Дамдинов, 2001, с. 159];

- слава: *«Байгал далай шэнги / Баран мүнхэ / үри хүүгэдтнай дэлгэржэ байг» («Пусть потомки ваши процветают, Как Байкал-море»);*
- Родина (*«За Советскую Родину выпьем этот бокал, За сторонку родимую, ту, где плещет Байкал - Фронтовой «Огонек»») [там же, с. 727];*
- чистота и патриотизм: *«Байгал номин далай шэнги / Оёрһоо тунгалаг / Бархан үндэр уула шэнги / Орёлһоо тунгалаг // Буряад оронойнгоо гал гуламта / Бата бэхээр дэгжээгээд / Дааган мориёо һүүлдэжэ / Дархан солоёо нэрлүүлжэ ябаарайт» (Будьте чисты до dna, как голубой Байкал, Как горы Бархана до самой вершины, Укрепляйте дом наш общий – родную Бурятию. Ловите лончака (жеребца) за хвост, Прославляйте род ваш кузнечный).*

В своих стихах Д. З. Жалсараев поднимает острую проблему, которая приобрела особую актуальность в наши дни. Имя Байкала растиражировано во многих сферах деятельности, не зависимо от того, насколько это уместно. Ирония в строках стихотворения «Тезки» наиболее точно отражает назревающую проблему: *«Байкал» — ансамбль, «Байкал» — отель / Напомнят стички о Байкале / И уж которую артель / Байкалом, не спросясь, назвали // Кино и авторучка есть / И новый ресторан построен...// Досталась многим эта честь / Но каждый ли ее достоин?» [Жалсараев, 2000, с. 163].*

Такие современные названия, как *Байкал-воаяж, Байкал Тур Сервис, БайкалКредитСервис, «Байкалмедиаконсалтинг»,* на наш взгляд, подтверждают, насколько актуальна проблема, затронутая в начале XXI века Д. З. Жалсараевым. Основное требование к товарному знаку – «иносказательно именовать товар, не называя его прямо. Содержащаяся в имени информация должна носить не только интеллектуальный, сколько эмоциональный характер – она должна обеспечить запоминание товарного знака» [Суперанская, 2009, с. 55]. Товарный знак Байкал предполагает не одну, а несколько различных ассоциаций, что способствует его активному вхождению в региональный брендинг и обретению связей с его различными

ярусами. В продолжении этой мысли, автор указывает на необходимость защиты озера в стихотворении «Сколько лет Байкалу»: «- *Но чего ему недостает?- Наших попечений и забот*» [Жалсараев, 2000, с. 154].

Этноспецифическими особенностями ценности Байкала являются сакральность, почтение, любовь. Анализ оценочных суждений, заключенных в содержании произведений позволил нам выделить ценности, соотносимые с бытовым, религиозным и философским пониманием добра и зла.

В пословицах в сборнике Ц. Б. Будаева Байкал называется «морем» («далай»), что отражает почтительное и восхищенное отношение к озеру. В пословице говорится о наказе бурхана, который по своей чистоте и бескорыстности сравнивается с водой Байкала, никогда не приносящей ничего плохого. В данном примере отчетливо прослеживается положительная оценка Байкала в народном творчестве, который всегда становится объектом для сравнения, неким эталоном, на который люди стараются ровняться и походить.

Для людей, проживающих на его берегах, Байкал – не просто географический объект, это живое существо, отношение к которому должно быть трепетным и уважительным. М. И. Жигжитов смог отразить данное отношение в строках своего романа – «*Даже собаки и те не гавкали, они осторожно подходили к воде, как к священному сосуду и, поджав хвост, ложились мордой к морю*» [Жигжитов, 1981, с. 521]. Сакральное отношение к Байкалу переплетается с его образом почтенного старца-покровителя – «**Велик Байкал и загадочен, крепко хранит свою тайну и никому не расскажет про нее, даже лучшему из людей, а все ж умеет ценить силу духа, отвагу и милостив к тем, кто обладает всем этим**» [Балков, 1989, с. 8]; «*Опустились на колени, крестятся, шепчут молитвы, кланяются батюшке Байкалу*» [Жигжитов, 1981, с. 121].

Зачастую эти характеристики проявляется в распространенных адъективных конструкциях: «священное море», «славное море», «сибирское море». Приложение «Батюшка», «кормилец» в конструкциях «Байкал-

Батюшка, кормилец» подкрепляет образ Байкала как почтенного старца, дарующего жизнь и смерть: *«С малых лет привыкнув поклоняться земным тайнам, они к сибирскому морю испытывают немалое **почтение**, но почтение это не робкое, а какое-то домовитое, хозяйское, как если бы перед ними был и не Байкал вовсе, а умудренный годами старец»*; *«Отважные в схватках со зверем, они делаются слабыми и безвольными, очутившись на берегах Байкала»* [Балков, 1999, с. 10].

На территории Байкала всегда проживали разные народы, которые считали его своим покровителем, кормильцем, этим фактом объясняется сложившаяся на долгий промежуток времени топонимическая ситуация вариативности наименований озера. Сегодня многие культуры, религии, народности считают Байкал своим домом, поэтому справедливы замечания К. Балкова о национальной принадлежности озера: *«Важной характеристикой **ценности Байкала** представляется его отчужденность. Не русское море, не бурятское, не чье-то еще. **Вселенское**. Оттого и получило прозвище «**священное**», что и по сей день не понятна человеку его красота»* [Балков, 1999, с. 257].

В определенный исторический период Байкал представлял ценность для тысяч ссыльных на его берега людей, гимн Байкала, песня «Славное море, священный Байкал» наглядно демонстрирует ценности и культурные доминанты того времени. Наиболее широкую известность получили первый и последние куплеты, которые перекликаются между собой и отражают отношение сибиряков к Байкалу; их можно назвать припевами песни. Как пишет В. М. Сидельников «припев – это своеобразная форма словесного повтора, встречающаяся в различных песенных жанрах» [Сидельников, 1959, с. 51]. Роль припева заключается в усилении, развитии, углублении идеи песни, он объединяет строфы вокруг одного образа Байкала и укрепляет их внутреннюю связь. Авторский эпитет «привольный Байкал» был заменен впоследствии эпитетом «священный Байкал», что как нельзя лучше передает народное почтительное восхищение к Байкалу, который исторически

считался «отцом», покровителем, дарующим жизнь и смерть, удачу и неудачу на сибирской земле.

В благопожеланиях провозглашается:

*Уула ба голой түргэн горходые
мэдэлдээ абаһан,
эрхэтэ арадаа хамтаруулһан,
түүхэтэ нангин далайгаа гамная!*
(Сбережём наш священный исторический Байкал,
Принявшего все быстрые реки гор и долин,
Объединившего все праведные народы!)

Подводя итог, можно отметить, что Байкал не просто уникальное порождение культуры природы, он ее олицетворение, в нем сосредоточено все, что присуще этой культуре, отсюда его эмоциональная выразительность, его сильнейшее воздействие на душу человеческую. Время переоценки ценностей и переосознания своего места на Земле и во Вселенной наступило для всего человечества. Байкал в новой шкале ценностей занимает подобающее ему место «величайшего памятника культуры Природы, а, следовательно, и общечеловеческой культуры» [Павлюченкова, 1997, с. 125]

Статусно-ролевая ценность Байкала проявляется в его особо охраняемом статусе, который юридически закреплён во многих нормативно-правовых актах и направлен на защиту озера.

В «Официальном сообщении о включении озера Байкал в список участников мирового наследия» от 1997 г. Байкал признается **«примером выдающейся водной экосистемы»**, что делает его защиту целью межправительственного масштаба. Бернд фон Дросте, директор Центра Мирового наследия ЮНЕСКО, указывает, что сегодня появляются отличные возможности для того, чтобы о **«выдающейся ценности стало больше известно на местном, региональном и национальном уровне, и для пропаганды важности «Конвенции о сохранении международного наследия»** [Сообщение, 1997].

В Постановлении Правительства РФ от 22.03.1999 № 321 (ред. от 05.01.2001) «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по Байкалу и ее состава» создается Правительственная комиссия по Байкалу, главной задачей которой становится *«обеспечение экологической безопасности озера Байкал как природного объекта, включенного в список Всемирного наследия ЮНЕСКО»* (ст.3). Схожее понимание статуса Байкала как *«участка всемирного природного наследия»* наблюдаем в ст.1 Приказа Министерства природных ресурсов РФ от 25.04.2007 № 114 (ред. от 11.08.2011) «О Межведомственной комиссии по вопросам охраны озера Байкал». В документах обнаружено 20 контекстных употреблений лексемы Байкал, в большинстве случаев в словосочетаниях: *«рациональное использование природных ресурсов Байкала»* (6 ед.; 35%), *«охрана Байкала»* (4 ед.; 24%), *«экологическая безопасность Байкала»* (2 ед.; 12%), *«природное равновесие на берегах Байкала»* (2 ед.; 12%).

Одним из основных законов об охране Байкала является Федеральный Закон от 1.05.1999 № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» (с изменениями и поправками от 28.06.2014). Лексема Байкал в данном юридическом тексте встречается 103 раза, наиболее частотным выражением становится – *«охрана озера Байкал»* (25 ед.; 24%). При этом Законом регламентируется режим, принципы и мониторинг охраны озера. Ценностное отношение к Байкалу проявляется в устойчивых прилагательных *«уникальный»*, *«эндемичный»*, *«особый»*, например: *«уникальная экологическая система»* (20 ед.; 19%), *«эндемичные виды»* (5 ед.; 5%), *«особый режим хозяйственной и иной деятельности»* (7 ед.; 7%). Государственный контроль в сфере регулирования всех отношений, связанных с озером Байкал, проявляется в установлении *«обязательной государственной экологической экспертизы»* и *«сбалансированного решения задач»* (ст. 5 ФЗ). Статья регламентирует использование всех ресурсов, касающихся Байкальской природной территории: *«На Байкальской природной территории запрещаются или ограничиваются виды деятельности, при осуществлении которых»*

оказывается *негативное воздействие* на уникальную экологическую систему озера Байкал» (ст. 6 ФЗ). В определенном смысле, в тексте закона способы категоризации представлений о Байкале подвергаются символическому легитимному насилию со стороны властных органов посредством издания обязательных для соблюдения норм: императивный характер выражается при помощи глаголов и словосочетаний «запрещается», «ограничивается», «устанавливается», «ежегодно подлежит обязательному государственному пересмотру», «не должны превышать», «определяет». При этом, объективность подачи информации обеспечивается преобладанием настоящего времени и пассивных конструкций: «устанавливается особый режим хозяйственной деятельности» (ст. 5 ФЗ), «запрещаются виды деятельности ...» (ст. 6 ФЗ), «устанавливаются следующие требования» (ст. 7 ФЗ) и т.п.

Значительное число конструкций, характерных для юридических текстов экологического содержания, свидетельствуют об угрозе уникальной экологии Байкала: «негативное воздействие», «объем сбросов и выбросов, опасных для уникальной экологической системы». Законодатель возлагает функцию регулирования и охраны всех отношений, связанных с экологической охраной Байкала на государство: устанавливается «государственный экологический мониторинг» (ст. 20) и «государственный экологический надзор в области охраны озера Байкал» (ст.19), а также определяются «предельно допустимые нормы нагрузок на окружающую среду» и «нормативы предельно допустимых концентраций вредных веществ» (ст.14).

Значимость Байкала подчеркивается в Постановлении Народного Хурала от 28.09.1999 № 281-II «Об объявлении на территории Республики Бурятия Дня Байкала», согласно которому каждое четвертое воскресенье августа ежегодно становится Днем Байкала. В настоящее время данный геортоним активно используется в повседневной жизни и средствах массовой информации.

Узуальность юридических терминов, имеющих отношение к Байкалу, унифицирована нормативно-правовыми актами и предстает в виде нескольких фиксированных словосочетаний: «уникальная экологическая система», «участок мирового наследия», «особый режим деятельности», «биологическое разнообразие эндемичных видов». Терминологические рамки языка законодателя вполне понятны и объяснимы: согласно основным принципам юридической каустики все употребляемые обозначения в текстах нормативно-правовых актов должны быть однозначными, устойчивыми и лаконичными, что исключает неточность трактовки общеобязательных положений. Они выполняют важную прагматическую функцию экономии законодательного текста. Юридический дискурс в рамках институционального дискурса характеризуется отсутствием коннотативной окрашенности. Это замкнутый словарный контекст, границы которого обусловлены определенной юридической ситуацией или организацией.

Лексема *Байкал*, оставаясь зависимой от именуемого объекта, обретает собственную объективность в тексте и конструируется согласно четко определенным для данного типа дискурса правилам. Частотность рассматриваемой лексики в юридическом дискурсе, несмотря на ограниченное употребление вербальных номинаций, говорит об исключительном положении Байкала в правовом сознании граждан РФ, о его приоритетном положении в решении экологических проблем на всех уровнях государственной власти и международного права.

Несомненно, развитие экологического и правового сознаний предполагает уважительное отношение к нормам, утверждаемым правом, а также признание верховенства закона, неприятие произвола и злоупотреблений. Зафиксированные нормы правового статуса Байкала являются единственным способом донести до правоприменителей интенцию законодателя. Во всех рассмотренных нормах прослеживается тенденция к подбору таких языковых средств, которые способствуют формированию

единого правового и экологического сознания, в независимости от этнической и культурной интерпретации.

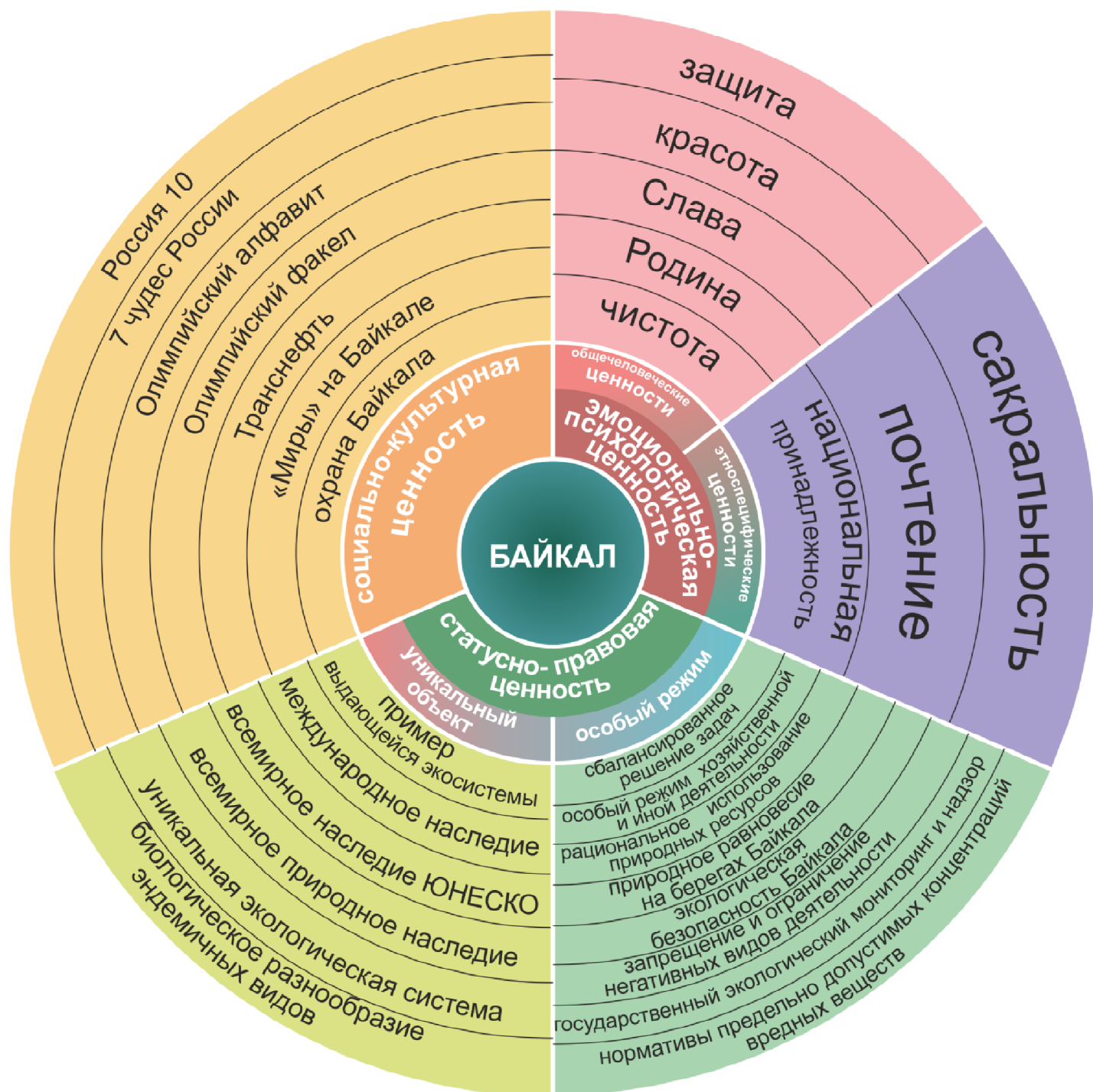
Проведенный анализ концепта *Байкал* позволил установить связь основных компонентов его значения (географическое положение, сакральность и исключительность, известность) с региональными эргонимами и товарными знаками. Мы предполагаем, что использование лексемы *Байкал* в составе эргонима объясняется подсознательной отсылкой к тому или иному аспекту понятийной составляющей рассматриваемого концепта. Например, в ряде названий компаний использование имени *Байкал* служит для обозначения территориальной принадлежности организации к Байкальскому региону – общественная организация «Байкальский фонд местного сообщества», торговая компания «Байкальская региональная компания», «Байкальский банк Сбербанка России» и т.д. В названиях других компаний прослеживается интенция номинатора создать «внутренний имидж» названия на основе тополексемы Байкал, обладающем устоявшимся имиджем и мировой известностью – бренд водки «Байкал», минеральная вода «Байкальский источник», конфеты «Байкальский шарм» и т.д.

Заключительным этапом является составление общей схемы ценностной составляющей концепта *Байкал*, главной характеристикой при этом становится значимость Байкала:

Схема 9

Ценностная составляющая концепта *Байкал*

3.4. Ассоциативное поле концепта *Байкал*

По мнению В. П. Белянина, ассоциативный эксперимент дает возможность построить семантическую структуру слова, служит ценным материалом для изучения психологических эквивалентов семантических полей и вскрывает объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов [Белянин 1999, с. 25]. Таким образом, полученные

реакции в своей совокупности помогают составить представление о том, какие смыслы или фреймы каких ситуаций лежат за исследуемым концептом для носителей той или иной культуры. В ходе нашего исследования мы используем данные ассоциативного эксперимента как способ семантизации репрезентаций концептов, под которой мы вслед за Е. М. Верещагиным, В. Г. Костомаровым понимаем процедуру описания, направленную на выявление смысла, значения некоторой языковой единицы [Верещагин, Костомаров, 1983, с. 103].

Метод исследования. В нашем исследовании мы используем методику цепного ассоциативного эксперимента, который представляется одним из эффективных способов выявления национально-культурной специфики понимания концептов. Ассоциативное поле слов-реакций на данное слово-стимул можно интерпретировать, согласно точке зрения Н. В. Уфимцевой, как своеобразную форму овнешнения значения, существующего в сознании «усредненного» носителя данной культуры. Поскольку сознание или осознание чего-то является всегда ограничением, приданием определенной формы тому или иному обобщению, которое стоит за словом, результаты ассоциативных экспериментов позволяют понять, как и какие формы та или иная культура накладывает на восприятие окружающей действительности [Уфимцева, 1996, с. 141].

В нашем эксперименте испытуемые отвечали на одно слово-стимул – *Байкал*, тем самым мы акцентировали внимание на уяснении специфики восприятия человеком окружающего мира через его отношение к Байкалу, чтобы выявить не только общие для разных этносов черты, но и их общую уникальную целостность.

Характеристика испытуемых. В нашем эксперименте участвовали студенты ВУЗов Улан-Удэ в возрасте от 17 до 25 лет, учитывая мнение Ю. Н. Караулова о том, что к этому возрасту (17-21 год) формирование языковой способности в основном завершается, представители этой возрастной группы

будут составлять активное ядро общества в ближайшие 10-15 лет [Караулов, 1994, с. 192-193].

В эксперименте приняли участие 200 студентов (112 женщин и 88 мужчин) четырех ВУЗов города Улан-Удэ в период с 2013 по 2015 г.г.: Бурятского государственного университета, Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, Бурятской государственной академии сельского хозяйства, Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусства. Это студенты различных факультетов, обучающиеся по 23 специальностям: переводчик (8), преподаватель английского и французского языков (4), преподаватель китайского и английского языков (6), преподаватель бурятского языка и литературы (7), биолог (14), агрохимик (4), агроэколог (8), ландшафтный дизайнер (7), эколог (9), финансист (10), зоотехник (13), кадастр недвижимости (18), биолог-охотовед (10), теплоэнергетик (3), юрист (15), преподаватель народно-сценического танца (9), дирижер (13), преподаватель народного пения (4), режиссер театра (8), инженер зданий и сооружений (8), радиотехник (7), документовед (5), экономист (11). В нашем исследовании не ставятся цели анализа материала с точки зрения гендерных и социальных различий, однако в перспективе эти направления могут представить интерес для дальнейшего рассмотрения вопроса.

Материалом для сравнения полученных нами результатов послужили «Словарь ассоциативных норм русского языка» А. А. Леонтьева (1973), «Русский ассоциативный словарь» (2003) и «Славянский ассоциативный словарь» (2004) Ю. Н.Караулова, Ю. С.Сорокина, Е. Ф.Тарасова, Н. В.Уфимцевой и Г. А.Черкасовой. Ассоциативные нормы определяют некий стандарт, в котором отражены актуальные для сознания носителей языка особенности исходного слова-стимула. Наиболее часто повторяющиеся реакции находятся в центре ассоциативного поля, формируя его ассоциативное ядро, а менее частотные – его периферию. Ассоциативные нормы дают возможность исследовать содержательные и формальные

характеристики слова-стимула, закономерности стратегий ассоциирования и типы связей единиц лексикона. Тополексема *Байкал* в качестве стимула встречается только в «Русском ассоциативном словаре», где из 190 реакций, самыми распространенными являются: озеро (85), вода (9), глубокий (1), большой (1), известный (1) а также ряд других одиночных реакций [РАС, 2003, режим доступа: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>, дата обращения: 05.03.15].

Процедура проведения эксперимента. Испытуемым предлагалась для заполнения анкета, в которую следовало внести данные: возраст, пол, национальность, религиозные убеждения, место рождения, образование, специальность, владение языками. Эксперимент проводился с группой студентов, а не индивидуально. После этого испытуемым предлагали ответить на слово-стимул «Байкал» первым «пришедшим в голову» словом-реакцией в письменном виде. Время ответа ограничено – 3 минуты. Мы следовали указаниям Л. А. Городецкой, согласно которым отсутствие времени на размышление приводит к появлению большого количества типичных ответов, тогда как увеличение времени приводит к большему разнообразию ответов и к появлению необычных и даже уникальных ассоциаций [Городецкая, 2002, с. 35]. В ходе эксперимента было получено –1706 слов-реакций.

Описание процедуры обработки данных. Процедура обработки материала эксперимента проводилась в несколько этапов. Во-первых, мы провели частотный и логико-индуктивный анализ полученных данных: названные реакции были ранжированы по частотности и выделены в смысловые группы, пригодные для дальнейшей статистической обработки.

Во-первых, мы провели частотный и логико-индуктивный анализ полученных данных: названные реакции были ранжированы по частотности и выделены в смысловые группы, пригодные для дальнейшей статистической обработки. Количество испытуемых, выразивших ассоциативные реакции, вошедшие в кластер, свидетельствует о степени распространенности подобных представлений среди испытуемых.

Описание процедуры анализа. Для классификации данных ассоциативного эксперимента мы учитывали работы ученых (Бурдон, 1893; Мартинович, 1990; Караулов, 1994; Чернобров, 2000; Городецкая, 2002; Фоменко, 2008; Сабитова, 1991; Калинина, 2009). Приведем классификацию Б. Бурдона, одну из самых ранних в данной области, и Е. Л. Калининой, отличающуюся большей детализацией.

Научную значимость представляет классификация Б. Бурдона (1893), отличающаяся относительной универсальностью и лежащая в основе классификаций многих зарубежных ученых начала XX в. (Г. Вудроу и Ф. Ловелла, Р. Вудвортса и др.). Б. Бурдон выделил три группы ассоциаций:

- 1) ассоциации по значению (свойства предмета, осознание одного предмета в рамках другого, отображение схемы «часть-целое»);
- 2) фонетические ассоциации (ассоциации по фонетическому сходству);
- 3) грамматические ассоциации (ассоциации по сходству «глагол - глагол», либо смежности «существительное – прилагательное»).

Е. Л. Калинина (2009) анализирует особенности адаптации топонимов в концептосфере языка-приемника и выделяет три типа ассоциаций в соответствии с основными составляющими структуры концепта:

- 1) понятийные ассоциации, соотносимые с понятийной составляющей, включают в себя отличительные когнитивные признаки, выделяющие данный географический объект;
- 2) образные ассоциации, соотносимые с образной составляющей концепта, описывают физические, пространственные и социально-культурные образы, связанные с объектом;
- 3) ценностные ассоциации, соотносимые с ценностной составляющей концепта, включают когнитивные признаки, которые интерпретируют либо оценивают основное информационное содержание концепта [Калинина, 2009, с. 10].

Для анализа результатов проведенного эксперимента мы использовали разработанную нами на основе различных методик методологическую модель

описания и классификации ассоциативных реакций. Релевантными для нашего исследования являются реакции по значению слова, где ассоциации дифференцируются внутри группы, опираясь на логику реципиента. Иными словами, ассоциации по значению слова-стимула различаются между собой в зависимости от мыслительных операций, производимых испытуемыми.

Применительно к топонимическим ассоциациям целесообразно конкретизировать, какие именно ассоциативные действия выполняет респондент. Анализ приведенных классификаций позволил нам выделить следующие типы и виды ассоциаций:

Таблица 5

Типы и виды рассматриваемых ассоциативных реакций

Тип ассоциации	Вид ассоциации
Понятийные ассоциации	Энциклопедические ассоциации
	Этимологические ассоциации
Образные ассоциации	Интертекстуальные
	Метафорические
Ценностные ассоциации	Описательные
	Общечеловеческие ценности
	Региональные ценности

Понятийные ассоциации – это обобщенно репрезентируемые в сознании носителей языка организованные совокупности существенных энциклопедических признаков объекта. Интенциональные характеристики, выраженные в виде понятийных ассоциаций, позволяют выделить объект на фоне схожих объектов дискретной действительности. Референциональное соотнесение онима с денотатом служит фундаментом для возникновения других более развернутых в семантическом плане ассоциаций. Этимологические ассоциации также отнесены к реакциям по значению топонима, так как этимология является семантической категорией имени.

Образные ассоциации связаны с диалектическим единством чувственного и рационального в человеческом сознании. Образные ассоциации возникают под влиянием денотативного и коннотативного компонентов значения слова, а также индивидуальных представлений

носителей языка. Интертекстуальные ассоциации позволяют информанту выразить свои культурно-семиотические ориентиры посредством отсылки к прецедентному тексту, в котором заданное слово-стимул является ключевым смысловым элементом. Метафоричные выражения (например, «Байкал – жемчужина Сибири») закрепились в сознании носителей языка и носят номинативный характер.

Ценностные ассоциации проявляются в значительном количестве *описательно-оценочных* суждений, просоциальных по своему характеру, позитивные нравственные ценности в отношении озера Байкал привнесены из широкой массовой среды. В нашем исследовании не зафиксировано ни одной асоциальной реакции, имеющей антиобщественный либо негативный характер. Помимо этого, многие выражения *этноспецифичны и регионально-субъективны* и выражают любовь к Родине, гордость и восхищение ею.

Результаты эксперимента. По результатам понятийные ассоциации являются самыми многочисленными (1044 реакции, 60%), что объясняется стремлением испытуемого ответить на общий вопрос «что это?». В нашем исследовании реакция, обозначающая тип географического объекта, встречается в большинстве анкет (в среднем 82%), что подтверждает тезис А.В. Суперанской о том, что «для имени собственного основное – это соотнесенность с предметом» [Суперанская, 2007, с. 262-263]. Основные кластеры понятийных ассоциативных реакций можно проследить в таблице:

Таблица 6

Понятийные ассоциации: распределение кластеров

№	Виды ассоциаций	Кластеры		Пример	Кол-во	%
	Энциклопедический	Озеро		‘озеро’	165	17,5
		<i>Качество воды</i>	Чистота	‘самое чистое’, ‘чистейшее’, ‘чистое’	99	9
			Пресность	‘пресноводное’, ‘пресное’	62	6

1.		Прозрач ность	‘прозрачное’, ‘самое прозрачное’	39	4	
				Всего:	200	19
	Фауна	Живо тные, птиц ы	Нерпа Чайки	‘нерпа’, ‘пресноводная нерпа’, ‘чайки’	50 10	5 0,9
		Рыбы	Омуль Голомян ка	‘омуль’, ‘байкальский омуль’, ‘голомян ка’	57 5	5 0,4
		Эндемичные виды		‘эндемики’, ‘эндемичные виды’	21	2
				Всего:	143	13,3
	Глубина		‘глубокое’, ‘самое глубокое в мире’		117	11
	Флора		‘тайга’, ‘лес’, ‘сосна’, ‘природа’, ‘цветы’, ‘камни’		90	8,5
	Размер		‘большое’, ‘широкое’, ‘длинное’, ‘огромное’		63	6
	Возраст		‘древнее’, ‘древнейшее’, ‘возраст – 25 млн. лет’		49	4,6
	Туризм		‘туристы’, ‘туризм’, ‘путешествия’		37	3,5
	Географические объекты		‘Ольхон’, ‘Байкальск’, ‘Листвянка’, ‘Максимиха’, ‘Баргузин’, ‘Чивыркуйский залив’. ‘Байкальский прибой’, ‘Турка’, ‘Култушная’		37	3,5
	Достояние ЮНЕСКО		‘достояние ЮНЕСКО’, ‘объект ЮНЕСКО’		32	3
	Бурятия		‘Бурятия’, ‘буряты’, ‘бурятская культура’		28	2,6
	Транспорт на Байкале		‘катоморан’, ‘лодка’, ‘пароход’, ‘ехать на машине’		26	2,4
	Притоки Ангара		‘Селенга’, ‘реки’ ‘Ангара’		11 8	1 0,8
	Чудо света		‘чудо света’, ‘8 чудо света’		11	1
	Ветра		‘ветрено’, ‘ветер’, ‘сарма’		10	0,9
	Исследования Байкала		‘«Миры»’, ‘«Миры» на Байкале’		8	0,8
	Заповедники		‘Байкальский заповедник’,		4	0,3

			‘заповедная зона’, ‘заповедники’		
ВСЕГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ АССОЦИАЦИЙ:				1039	95,5
2.	Этимологически	«Байгал далай»	‘Байгал далай’	3	0,3
		«Бай гал»	‘Бай гал’	2	0,2
ВСЕГО ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ АССОЦИАЦИЙ:				5	0,5
ИТОГО:				1044	100

Как видно из таблицы, дифференцированность энциклопедических ассоциативных реакций свидетельствует о значимости уникальных многомерных характеристик озера Байкал в сознании жителей Бурятии в соответствии с установками современной региональной лингвокультуры. Распространены реакции, воплощающие в наиболее концентрированном виде уникальность Байкала на фоне других водных объектов – во-первых, это качество его воды, глубина и размер: кластер «качество воды» насчитывает 200 единиц и состоит из следующих подгрупп: «чистота воды» (99 ед., 9%), «пресность воды» (62 ед., 6%) и «прозрачность воды» (39 ед., 4%). Особые характеристики чистоты воды приобретают актуальность в свете общеизвестных экологических проблем: нехватки пресной воды и загрязненности окружающей среды в глобальном масштабе. На глубину озера и крупные размеры указали 117 и 63 респондента соответственно (11% и 6%), возраст Байкала выделен 49 респондентами (4,6%). Детальная параметризация Байкала как уникального географического объекта способствует дополнительному усилению аспектов исключительности и амбивалентности, в силу которых озеро является мировым достоянием ЮНЕСКО (32 ед., 3%) и чудом света (11 ед., 1%).

Детерминированность уникальности Байкала разнообразием флоры и фауны также становится культурно-значимой. Особенности фауны отметили 143 респондента (13,3%), указывая при этом как группу эндемичных видов в целом (21 ед., 2%), так и отдельные виды: омуль (57 ед., 5%), нерпа (50 ед., 5%), голомянка (5 ед., 0,4%) и др., которые не встречаются ни в одном водоеме мира. Омуль является основным объектом промысла на Байкале, а

байкальская нерпа - реликт третичной фауны, единственный представитель млекопитающих в озере и единственный в мире вид тюленя, который живёт в пресной воде [<http://zooex.baikal.ru/vertebrata/coregonus.htm>, дата обращения 07.03,15]. Эстетическая привлекательность байкальской флоры была указана 90 респондентами (8,5%), информанты описывали таежные леса, растения Байкала, а также различные элементы байкальского пейзажа: 'природа' (23), 'пейзажи' (10), 'вода'(10), 'камни' (9), 'песок' (5), 'солнце' (5), 'закат' (3), 'тайга' (3), 'туман' (3). Эти реакции можно объяснить тем, что ассоциативный фон реципиента формируется за счет визуализации объекта. Дополнительные энциклопедические данные о том, что Байкал является объектом многих исследований и заповедной зоной, подлежащей охране, отметили 8 и 4 респондента соответственно (0,8% и 0,3%), указанные реакции входят в ассоциативное поле концепта, занимая периферийное положение.

Ориентир на ключевые географические объекты Байкальского региона ярко выражен в ассоциативном материале, наиболее частотным кластером становится «Республика Бурятия» (28 ед., 2,6%), включая реакции 'буряты' и 'бурятская культура'. Республика Бурятия является средой адаптивной деятельности современного поколения, а также ключевым транслятором байкальской культуры, ряд информантов (5 ед., 0,5%) указывает на бурятскую этимологию гидронима Байкал. Географический детерминизм региональной культуры также проявляется в 37 реакциях-названиях географических объектов (3,5%): остров Ольхон (15 ед., 1,4%), река Ангара (8 ед., 0,8%) и другие притоки (11 ед., 1%), которые можно назвать природными достопримечательностями озера Байкал. Названия туристических баз (Байкальск, Максимиха, Турка, Байкальский прибой и др.) встречаются значительно реже, хотя кластер «туризм» включает значительное количество реакций (37 ед., 3,5%). Возможно, данный факт объясняется отсутствием полноценной туристической инфраструктуры и предпочтения «дикого туризма».

Помимо понятийных ассоциаций в ответах респондентов нашли отражение различные образные ассоциации, которые отражены в таблице №6:

Таблица 6

Образные ассоциации: распределение по кластерам

№	Виды ассоциаций	Кластеры	Кол-во	%
1.	Интертекстуальные	«На Байкал»	15	10,7
		«Славное море, священный Байкал»	5	3,7
		«Красавица Ангара»	3	1,9
		«На Байкале озере Бархатный сезон»	2	1,4
		«Подлеморье»	2	1,4
		«Гимн Бурятии»	2	1,4
		«Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий»	1	0,7
		«По диким степям Забайкалья»	1	0,7
		«Колчак»	1	0,7
ВСЕГО ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ:			37	22,5
2.	Метафорические	Море	41	28,1
		Жемчужина	25	16,9
		Тайна Сибири	8	5,1
		Энергетический источник	6	2,8
		Колыбель кочевников	3	1,9
		Богатырь	3	1,9
		Сердце Сибири	2	1,4
		Бог	2	1,4
		Надежда всего мира	1	0,7
		Символ России	1	0,7
		Дедушка	1	0,7
		Шаман	1	0,7
Бухэ-Батор	1	0,7		
ВСЕГО МЕТАФОРИЧЕСКИХ АССОЦИАЦИЙ:			95	63
3.	Цветовые	Синее	20	13,1
		Темное	1	0,7
		Белое	1	0,7
ВСЕГО ЦВЕТОВЫХ АССОЦИАЦИЙ:			22	14,5
ИТОГО:			154	100

Как видно из таблицы, художественно-образное отражение действительности Байкальского региона выступает в качестве особого способа познания и описания окружающего мира. Интертекстуальные

реакции относят нас к прецедентным произведениям, выражая тем самым устоявшиеся ориентиры и образы современной культуры. Самой частотной реакцией становится фильм «На Байкал» (15 ед., 10,7%), романтическая комедия, выпущенная на экраны в Бурятии в 2011 году, и получившая известность на региональном уровне, так как ознаменовала собой зарождение нового массового бурятского кинематографа. Комедийная игра главных героев, музыкальное сопровождение фильма и красочные виды Байкала сделали содержание фильма правдоподобным и убедительным, способствовали его популярности среди молодежи, что подтверждают результаты эксперимента. Ассоциативный фон респондентов формирует также ряд других художественных произведений – например, песня «Славное море, священный Байкал», которая считается гимном Байкала (5 ед., 3,7%), и гимн Бурятии «Таежная, озерная, степная...» (2 ед., 1,4%). Проникновенные образы демонстрируют интегральность регионального национального самосознания, высокий уровень патриотизма и чувство неразрывной связи между понятием Родины и Байкала. Региональное миропонимание также характеризуется значительной степенью фольклоризации - известные песни первопроходцев-казаков на Байкале (3 ед., 1,9%), легенда о Байкале и дочери Ангаре (3 ед., 1,9%) и роман М. Жигжитова «Подлеморье» (2 ед., 1,4%) признаны респондентами в качестве основных литературных произведений о Байкале. Как известно, одним из основных качественных признаков концепта является его темпоральность, т.е. определенность временной эпохой, в которой концепт формируется и функционирует. Именно поэтому, как показывают результаты нашего исследования, ассоциативный поиск приводит респондентов к акцентированию внимания на современном художественном фильме, а не древних легендах и преданиях, что обуславливается доминирующим влиянием средств массовой информации на ассоциативный фон современной молодежи.

Устоявшимися метафорическими образами Байкала становятся «жемчужина» (25 ед., 16,9%) и «море» (46 ед., 28,7%) с использованием

различных атрибутивов ('священное' (14), 'Сибирское' (4), 'славное' (3)). Данные образы-сигнификаты являются номинативными и используются в устной речи, прессе и художественной литературе и СМИ, а потому являются коммуникативно-значимыми и доминантными. Семантическое варьирование атрибутивов образа «море» базируется на частных смыслах, выраженных каждым из определений. Интересным примером этнического самосознания является красочный образ «колыбель кочевников», который указывает на неразрывную связь между проживающими этносами и Байкалом. Диапазон варьирования схожих смыслов достаточно широк, приведем такие ассоциации как: «богатырь» (3 ед., 1,9%), «шаман» (1 ед., 0,7%), «Бухэ-Батор» (1 ед., 0,7%), «дедушка» (1 ед., 0,7%). Многие респонденты подчеркивают таинственность (8 ед., 5,1%) и значимость Байкала в мировом масштабе, его называют «сердцем Сибири» (2 ед., 1,4%) и «надеждой всего мира» (1 ед., 0,7%), а также обожествляют его, называя «богом» (1 ед., 0,7%). На самом деле, в районе Байкала происходит много таинственных и необъяснимых явлений, связываемых с сильной энергетикой (6 ед., 3,8%), чудодейственными свойствами воды и гор.

Цветовые ассоциации (22 ед., 14,5%) являются вполне предсказуемыми, поскольку напрямую связаны с визуальным восприятием мира. Самым частотным цветом становится «синий» (20 ед., 13,1%), что обусловлено характером объекта – водная поверхность суши, как правило, ассоциируется с синим цветом. В то же самое время, другие цвета практически не были названы информантами, что делает описание Байкала менее красочным и разносторонним, по сравнению с описаниями поэтов и писателей.

Наконец, на заключительном этапе нам представляется возможным выделить ценностные ассоциации:

Таблица 7

Ценностные ассоциации: распределение по кластерам

№	Виды	Кластеры	Примеры	Ко	%
---	------	----------	---------	----	---

	ассоциаций			Л-во		
1	Описательные	Внешние характеристики	Красивый	‘красивый’, ‘самый красивый’, ‘прекрасный’	105	23
			Холодный	‘холодный’, ‘прохладно’	44	8,5
			Солнечный	‘солнце’, ‘солнечно’	25	4,7
		Всего:			174	36,2
		Описание «характера» Байкала	Могущественный	‘сильный’, ‘могущественный’, ‘всесильный’	38	7,2
			Спокойный	‘спокойный’, ‘мирный’	23	4,3
			Суровый	‘суровый’, ‘злой’	17	3,2
			Гостеприимный	‘гостеприимный’	7	1,3
			Мудрый	‘мудрый’, ‘умный’	6	1,1
			Гордый	‘гордый’	1	0,2
Всего:			92	17,3		
ВСЕГО ОПИСАТЕЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ:				266	53,5	
2	Общечеловеческие ценности	Эмоционально-психологическое отношение к Байкалу	Отдых	‘отдых’, ‘отдыхать’, ‘отпуск’, ‘лето’, ‘каникулы’	140	26,7
			Уникальный	‘уникальный’, ‘единственный’	15	2,8
			Великий	‘великий’	8	1,5
			Ценный	‘бесценный’	2	0,4
			Душевный	‘душевный’	1	0,2
		Всего:			166	31,6
		Экологические проблемы Байкала	Загрязнение	‘плохая экология’, ‘мусор’, ‘грязь’, ‘отходы’	30	5,7
			Снижение уровня воды	‘низкий уровень воды’, ‘ЧП’	23	4,3
		Всего:			53	10
		ВСЕГО АССОЦИАЦИЙ С ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ЦЕННОСТЯМИ:				219
3.	Региональные	Родина	‘Родина’	10	1,9	
		Оценка	‘Любимый’	9	1,7	
		Личные воспоминания	‘Детство’	4	0,7	

	Принадлежность	‘Наш’	3	0,6
	ВСЕГО РЕГИОНАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ:		26	4,9
	ИТОГО:		511	100

Как видно из таблицы, описательные ценности положительно коррелируют с представлениями о Байкале и подразделяются на две группы: описание внешних характеристик (174 ед., 36,2%) и «характера» озера (92 ед., 17,3%). Плюрализм ценностных описаний проявляется в разнообразных реакциях, где иерархизация ценностных ориентаций происходит следующим образом: в первую очередь, Байкал признается «красивым» (105 ед., 20, 8%), что показывает эстетическое восприятие озера и его пейзажей. Отражение Байкала как холодного озера (44 ед., 8,5%) аргументировано: температура воды редко поднимается выше 8-10 градусов, в некоторых местах – 15 градусов. В то же самое время Байкальская земля – солнечная, практически 300 дней в году сопровождаются солнечной погодой (25 ед., 4,7%). Интегрирующим ядром описательных ценностей «характера» Байкала становится его переменчивость: Байкал одновременно «могущественный» (38 ед., 7,5%): ‘сильный’, ‘всесильный’, ‘сила’ и т.д., «спокойный» (23 ед., 4,3%) и «суровый» (17 ед., 3,2%). Возможно, такое паритетное совмещение семантически противоположных описаний объясняется непостоянством погоды на Байкале, которая определяет вектор развертывания ассоциативного фона.

Прагматизм массового сознания проявляется в наличии общечеловеческих ценностей эмоционально-психологического восприятия озера, где самым частотным кластером становится «отдых»: (140 ед. - 26,7%): ‘рыбалка’ (15), ‘веселье’ (10), ‘друзья’(10), ‘плавать’ (10), ‘шашлык’ (9), ‘буузы’ (5), ‘весело проводить время’ (5), ‘плов’ (3), ‘костер’ (3), ‘мангал’ (3) и др. Структура ценностного потенциала Байкала, как места отдыха, весьма дифференцирована: разнообразные инструментальные ценности составляют активное ассоциативное ядро респондентов. Кластеры «великий», «уникальный», «ценный» не так частотны, что демонстрирует снижение

востребованности гуманистических ценностей и возрастание потребительского спроса.

Современная экологическая ситуация на Байкале радикально ухудшается, многими экспертами она признается критичной. Антропогенное воздействие на Байкал, его загрязнение и экологическая безопасность озера, как одна из основных терминальных ценностей, беспокоит 30 респондентов (5,7%), что меньше ожидаемого результата, так как средства массовой информации активно освещают происходящие в Байкальском регионе процессы, следовательно, респонденты хорошо осведомлены о насущных экологических проблемах. При этом, в ответах информантов зафиксирована острая проблема последних месяцев - снижение уровня воды в озере Байкал, обсуждаемая многими политиками и СМИ (23 ед., 4,3%).

Регионально-субъективные характеристики проявляются в неразрывной связи Байкала с понятием Родина (10 ед., 1,9%), а также оценочных характеристиках «любимый» (6 ед., 1,1%), «наш» (3 ед., 0,6%), «самый лучший» (3 ед., 0,6%). Байкал во многом является объединяющей константой всего духовного и социально-культурного в регионе, на его фоне культивируются ценности и жизненные приоритеты. Для респондентов Байкал – это светлые воспоминания из детства (4 ед., 0,7%).

Таким образом, нами рассмотрены три группы ассоциаций. Наибольшее распространение получили понятийные и ценностные ассоциации. В первую очередь респонденты пытались назвать фактические энциклопедические знания об озере, затем дать свою оценку его пейзажей, климата и современной экологической ситуации. После этого информанты вспоминали образы Байкала, которые сформировались в их сознании под влиянием кинофильмов и художественной литературы, а также фольклорных традиций региона. В целом, по нашим наблюдениям, ассоциации к топониме *Байкал* выстраиваются по принципу: от общих, абстрактных, далеких от жизни ассоциаций к проявлению индивидуальных и эмоциональных переживаний, тесно связанных с ним. Языковой материал,

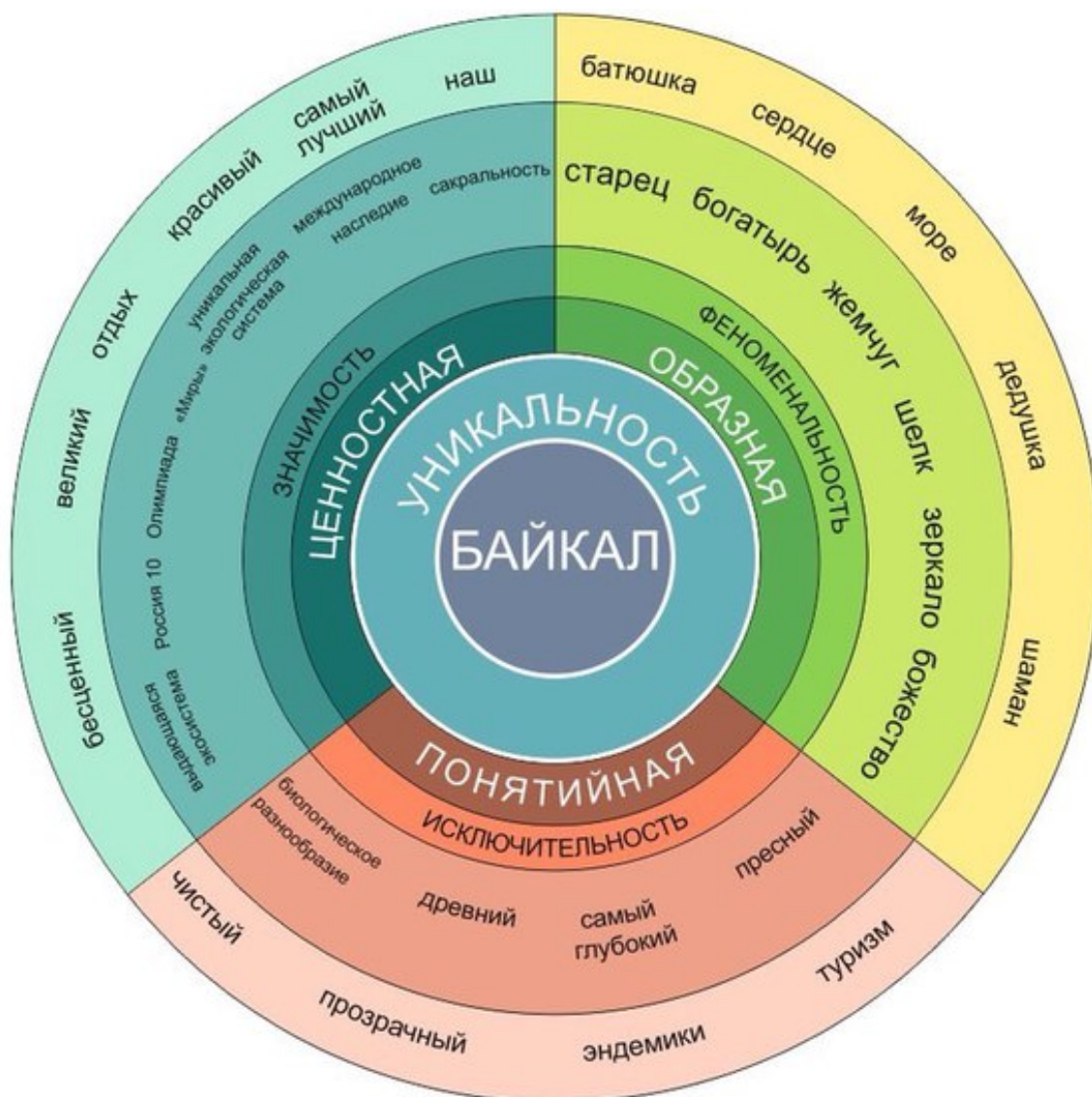

полученный в результате эксперимента, представляет собой набор когнитивных признаков концепта Байкал. Ассоциативный тест показал, как окружающая коммуникативная среда, в том числе, тексты художественного дискурса, средства массовой информации, попкультуры и т.п., формируют ассоциативную систему наших современников.

Рассмотрев три составляющие концепта *Байкал*, а также подтвердив полученные данные ассоциативным экспериментом, мы представляем макроструктуру концепта *Байкал* на следующей схеме:

Схема 10

Макроструктура концепта *Байкал*

Выводы к главе III

Исследование макроструктуры концепта *Байкал* позволил нам прийти к следующим выводам:

1. В понятийной составляющей основным концептуальным признаком является «*исключительность*»:

- Полиэтничность региона, большая протяжённость территории и низкая плотность населения Байкальского региона исторически обусловила появление и сосуществование различных наименований озера Байкал (*Ламу, Бэйхэй, Байгал* и др.). Анализ научной литературы выявил разнообразные этимологические корни гидронима *Байкал*: бурятские, монгольские, якутские, китайские, эвенкийские. В дальнейшем заселение территории русскими казаками, концентрация населения в прибрежных районах Байкала, активные научно-исследовательские экспедиции вызвали необходимость употребления одного общепринятого топонима *Байкал*.

- Общим для всех лексикографических источников является выделение основного компонента «озеро» в значении гидронима *Байкал*, с указанием характеристик, отражающих местонахождение, территориальную принадлежность, исключительные характеристики озера. Синонимы гидронима Байкал позволили выделить культурно-специфичные и национально-значимые элементы значения синонимов.

2. В образной составляющей концепта *Байкал* основным признаком является «*феноменальность*»:

- «*Байкал как феномен*» - художественные дефиниции озера, отличающиеся по своему содержанию и эмоциональной окрашенности от понятийных дефиниций, представленных в лексикографических источниках – «Байкал – море», «чаша», «наперсток», «шелк», «торопливый конь» и др.

- «*Байкал как живое существо*» - антропогенные характеристики озера, лексическое наделение Байкала витальными признаками – «Байкал – человек», «батюшка», «старейшина», «труженик» и др.

- «Байкал как фиксированный в пространстве объект» - лексическое отражение географических и климатических особенностей озера (номинации Саян, Ангары, Селенги, ветров Култук, Сарма), необходимых для наиболее полного и детального понимания Байкала как целого.

- *Цветовая метафора* – художественные описания цветовой палитры озера, заключающие в своем содержании особый имплицированный смысл – «голубой», «синий», «белый», «розовый» и др.

3. В ценностной составляющей основным признаком является «*значимость*»:

- социально-культурные ценности, отражающие описательно-географические уникальные характеристики озера, эмоционально-психологические ценности, а также статусно-ролевые ценности, подчеркивающие статусное положение Байкала в региональной экономике, правовой политике и культуре.

- При изучении указанной группы ценностей можно проследить, как социальные отношения моделируются в пространстве и времени, а также в четкой структурной неразрывности и зависимости от ключевого социального и геополитического объекта – озера Байкал.

4. Ассоциативный эксперимент как способ верификации составляющих концепта *Байкал* показывает, что, несмотря на превалирующую роль в сознании респондентов понятийных ассоциаций, доминантные смыслы при описании Байкала включают в качестве средств экспликации образы (*сердце, око, жемчуг, шелк* и др.), сформированные под влиянием традиционной и современной культур. Ассоциативный фон респондентов отражает новую ценностную матрицу, соответствующую современным условиям функционирования общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено изучению концепта *Байкал* в региональной лингвокультуре. Лингвокультурологическое направление в современной лингвистике является одним из наиболее актуальных способов изучения концептов в совокупности с геополитическим положением изучаемого объекта, социально-экономической ситуацией региона, полиэтническим и многоконфессиональным составом населения.

Процессы социализации и инкультурации неразрывно между собой связаны, освоение основных культурных констант невозможно без погружения в историю и литературу данной этнической общности. Озеро Байкал – уникальный объект особого статуса в рамках стационарной системы геополитических координат. Образ Байкала, символизирующий красоту и величие природы, является священным для жителей Республики Бурятия, жизнь которых испокон веков связана с озером. Байкал, как одно из ключевых мест памяти Республики Бурятия, стал одним из значительных тематических ресурсов регионального дискурсивного пространства, аккумулируя основные исторические и этнокультурные воспоминания. Региональное дискурсивное пространство, как сложная система сосуществования художественного (фольклорного, прозаического и поэтического), институционального и прагматического дискурсов, объединенных по тематическому признаку, представляется оптимальным материалом для изучения концепта *Байкал* в лингвокультуре местного социума.

Концепт *Байкал* как семиотико-ментальное воплощение представлений об озере – базовый концепт региональной лингвокультуры. Концепт *Байкал* - результат работы коллективного сознания, сохраняющего и воспроизводящего опыт познавательной деятельности нескольких поколений. Первоначально необходимость выбора единой лексемы для обозначения реально существующего географического объекта стала

причиной появления *названия*, примитивное сознание пользователей языка концентрировалось на основном содержании именованного, географическое название должно было стать уникальным и единственным в своем роде. На территории Байкала всегда проживали разные народы, этим фактом объясняется сложившаяся на долгий промежуток времени топонимическая ситуация вариативности наименований (Ламу, Бэйхэй, Байгал и др.), однако освоение земель русскоязычным населением и политика централизации государственной власти привели к избиранию общеупотребительной лексемы *Байкал*.

Переход к *понятию* означал качественный скачок в языковой системе, расширение ареала исследований и спектра научных возможностей привело к появлению конкретизирующих характеристик именованного объекта (глубина, возраст, виды растительного и животного мира и т.д.). В целях дифференциации описываемого гидронима составители первых словарей: 1) дают обобщающее определение, сопровождающееся конкретными примерами; 2) сравнивают определяемый объект с другими, указывая его отличительные характеристики. Так, например, «Байкал – это озеро в Восточной Сибири, самое глубокое и древнее на планете...». В это же время была уточнена этимология названия, исследователи обратили внимание на этнические корни происхождения топонима (бурятские, эвенкийские, тюркские и др.). Таким образом, на данном этапе появляется обобщенное представление о Байкале, формальное понятие – минимум наиболее общих и в то же время характерных отличительных признаков, которые необходимы для выделения и распознавания объекта.

Уточнение понятия дополнительными параметрами, свойствами и связями с другими предметами, а также его репрезентация в устном народном творчестве, художественной литературе, а в дальнейшем и других видах дискурса, приводит к появлению *концепта*. Исключительная важность Байкала в хозяйственной и культурной жизни региона сделали его частью коллективного опыта, передающегося через ритуальную обрядовую

практику, литературу, искусство и науку. Специализированные энциклопедии включают в свое описание всю совокупность сведений о Байкале, а также его роли в развитии региона. Именно поэтому в его содержании отражаются наиболее существенные базовые ценности региона. Наше исследование показывает, что динамические модификации, представленные в образной, ценностной и ассоциативной составляющей концепта, т.е. вариабельность указанных компонентов структуры, в процессе развития актуализирует основные пространственные, социальные и этнические характеристики развития концепта.

Семантическая аспектация, выделение и поэтапное рассмотрение значимых составляющих лингвокультурного концепта, реализует его структурную организацию. В ходе данного исследования были рассмотрены понятийная, образная и ценностная составляющие концепта *Байкал*. Гибкость и динамика структуры концепта обусловлены в целом многочисленными лингвокультурными факторами (социально-экономическими трансформациями общества, изменчивостью ценностных приоритетов и т.п.). Когнитивные модели, представленные в виде устойчивых выражений, закрепленных в языке, сохраняются и передаются из поколения в поколение.

Анализ различных способов вербализации, иллюстрирующих и уточняющих исследуемый концепт, дает основание сделать вывод о том, что концепт *Байкал* представляет собой полноценное лингвокультурологическое явление, имеющее систему отличительных концептуальных признаков (исключительность, феноменальность и значимость). Признаки концепта, отражая разные периоды исторического развития региона, выражают подчеркнута положительные характеристики. Вместе с развитием представлений о Байкале и формированием указанных концептуальных признаков в сознании людей складывается образ Байкала, который стал неотъемлемой частью культуры не только Бурятии, но и всей России. Стоит отметить, что доминантным концептуальным признаком, объединяющим все

три составляющие концепта в одну структурно организованную систему, является «уникальность».

В ходе ассоциативного эксперимента мы получили характеристику Байкала как сложного образования, функционирующего в сознании социума в виде образов и представлений, взаимосвязанных между собой. Согласно определенной нами классификации, основными видами реакций можно назвать следующие виды топонимических ассоциаций: понятийные, энциклопедические, описательные, общечеловеческие ценностные. К второстепенным видам относятся регионально-субъективные, этимологические, интертекстуальные. Первостепенность понятийных ассоциаций бесспорна, по частотному показателю они демонстрируют большой отрыв от других видов ассоциаций. Разнообразие энциклопедических и описательных ассоциаций также является характерной чертой исследуемого материала. Поскольку стимул ассоциативного эксперимента имеет особую значимость на региональном уровне, ассоциативный материал пропитан патриотическим настроением, однако те ассоциации, которые условно отнесены к регионально-субъективным не отличается частотностью.

Таким образом, в результате исследования дискурсивного пространства концепта, его ключевых когнитивных признаков, структуры и ассоциативного фона, получены обширные знания об ониме *Байкал*, являющемся базовым национальным образом, о его ментальных характеристиках, сложившихся в региональной лингвокультуре в процессе эволюции. Лингвокультурный концепт *Байкал* динамичен, этноспецифичен, ориентирован на духовную жизнь региона, уникален в комплексе своих когнитивных признаков и представляет собой ментальную сущность, в которой отражается дух всего полиэтнического региона.

На основе проведенного исследования нами были выработаны рекомендации:

- При регистрации новых товарных знаков и эргонимов необходимо учитывать традиции и правила номинации в топонимии, для того чтобы они вписывались в сложившуюся языковую систему региона, были мотивированы и способствовали дифференциации именуемого объекта на фоне других.

- Необходимо организовать работу топонимической комиссии, которая бы контролировала процесс номинации региональных объектов при учёте культурных, исторических и региональных особенностей.

- Результаты ассоциативного эксперимента показывают слабую вариативность интертекстуальных и метафорических реакций на слово-стимул Байкал, поэтому представляется необходимым пропагандировать изучение фольклора, прозы и поэзии разных этнических групп о Байкале, что, несомненно, будет способствовать формированию и развитию этнической компетентности и экологического правосознания.

Полученные в ходе исследования результаты показали, что гипотеза и выдвинутые на защиту положения доказаны. Решены поставленные в соответствии с целью исследования задачи и сформулированы основные теоретические выводы и предложения. В дальнейшем в силу уникального геополитического статуса Байкала как объекта всемирного наследия представляется перспективным контрастивное исследование концептов в русской и англоязычных картинах мира с целью выявления универсальных и национально специфичных характеристик.

Литература

1. Айчичек М. Репрезентация концепта вода во фразеологической картине мира: автореф. дис. ... канд. фил. наук. / Айчичек. - М., 2012. -172 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
3. Аникин В. П. Русский фольклор / В.П. Аникин – М.: Худ. лит., 1985. – 367 с.
4. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том I / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 464 с.
5. Аскольдов С. А. - Концепт и слово / С. А. Аскольдов. - М.: Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология, 1997. - С. 267–279.
6. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. М, 1990.- С. 5-32.
7. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
8. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 896 с.
9. Афанасьев О. Е. Категория «легенда» в региональном топонимическом пространстве / О. Е. Афанасьев, А. В. Троценко // Псковский регионологический журнал. Вып. 17. – Псков, 2014. - С. 68.
10. Афанасьева Е. Ф. Фольклор эвенков // История Бурятии: в 3 т. - 2011. - Т. 2: XVII - начала XX в. - С. 450-451.
11. Бабаева Е. В. Лингвистический анализ культурных концептов. / Е. В. Бабаева. - Волжский: Филиал ГОУВПО «МЭИ (ТУ)» в г. Волжском, 2003. — 24 с.
12. Бабаева, Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Бабаева. - Волгоград, 2004. - 40 с.
13. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин - М.: Флинта, Наука, 2004. - 496 с.

14. Бабуев С. Д. үрээл тогтохо болтогой! / С. Д. Бабуев. – Улан-удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990 – 160 с.
15. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка: дис. ...д-ра филол. наук / А. П. Бабушкин. - Воронеж, 1996. – 330 с.
16. Бабушкин С. М. Заимствованная из бурятского языка лексика как компонент регионального русского языка / С. М. Бабушкин, В. М. Егодурова // Вестник Бурятского государственного университета. -2012. - С. 84-91.
17. Бадаев А. Д. Избранные произведения: в 2 т. Напевы родного Олзона: стихи, песни, баллады, сонеты, поэмы / А. Д. Бадаев – Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2007. – 2 т. - 456 с.
18. Бадмаев В. Приговор Байкалу // Номер один. – Улан-Удэ, 2015 - с. 29.
19. Бадуева Г. Ц. Антология литературы Бурятии XX - начала XXI века: в 3 т. Т 2.: Проза / Г. Ц. Бадуева, В. В. Башкеева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 704 с.
20. Баинова О. А. Семантика цвета в традиционной культуре народов Забайкалья: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... кан.культурологии / О. А. Баинова. - Улан-Удэ, 2005. – 49 с.
21. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят / С. П. Балдаев. - Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. - 710 с.
22. Балданов С. Ж. Литература народов Сибири: этнотрадиция, фольклорно-этнографический контекст / С. Ж. Балданов, Б. Б. Бадмаев, Г. Ц.-Д. Буянтуева. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2008. – 304 с.
23. Балков К. Байкал – море священное: роман / К. Балков. – М.: Современник, 1989. – 319 с.
24. Балясникова О. В. Этнокультурная специфика коммуникации в условиях эксперимента // Вестник Новосибирского государственного университета. Вып. 2. Лингвистика и межкультурная коммуникация. -2006. - С. 5.
25. Баранникова Е. В. Бурятские волшебные-фантастические сказки / Е. В. Баранникова. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1978. - 253 с.

26. Бардаханова, С. С. Малые жанры бурятского фольклора / С. С. Бардаханова // Этнография и фольклор монгольских народов. - Элиста, 1981. – 205 с.
27. Бардаханова, С. С. Система жанров бурятского фольклора / С. С. Бардаханова. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1992. – 238 с.
28. Бардаханова С. С. Современное бытование бурятского фольклора / С. С. Бардаханова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007 – 93 с.
29. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. - М.: «Прогресс», 1974. - 446 с.
30. Бенвенист Э. Природа языкового знака / Э. Бенвенист. - М., 1974. - С. 90-96.
31. Бертагаев Т. А. Об этнонимах бурят и курыкан // Этнонимы. - М., 1970. – С.
32. Болдонова И. С. Некоторые мотивы в современной бурятской поэзии // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 6. - 2012. - С. 257-262.
33. Болдонова И. С. Образ Байкала в литературе как способ постижения фундаментальных истин бытия // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 10. - 2013. - С. 147-151.
34. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. - С.25-36.
35. Болотнова Н. С. Поэтическая картина мира и её изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск. – 2003. - № 3-4.
36. Буханова Т. Ю. Отражение действительности в современных благопожеланиях // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 10. Филология. - Улан-Удэ: Издат-во Бурятского госуниверситета. - 2013 – С. 188-192.
37. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста / Н. В. Васильева. - М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. – 224 с.
38. Вежбицкая А. Понимание культур через средство ключевых слов. // Семантические универсалии и описание языков. – М.,1999. - С. 152.

39. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
40. Верещагин Е. М. Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1037 с.
41. Веркман Дж. К. Товарные знаки / Дж. К. Веркман, пер. В. Бобров, О. Иванова. - М.: Прогресс, 1986. – 520 с.
42. Виноградов В. В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. Вып. 5. – 1954. - С. 3—27.
43. Волков Г. Н. Этнопедагогика / Г.Н. Волков. – М.: Академия, 1999. – 168 с.
44. Волков С. По Байкалу / С. Волков. – Иркутск: Принт Лайн, 2009. – 480 с.
45. Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептуализации // Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж. - 2002. – С. 79-95.
46. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» / Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – 2003. - С. 5–12.
47. Воркачев С. Г. Концепт счастья в английском языке: значимостная составляющая / С. Г. Воркачев, Е. А. Воркачева // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. Вып. 6. – 2003. - С. 263–275.
48. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Вып. 6. Литература и язык. - 2001. - С. 47-58.
49. Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Вып. 2. Гуманитарные науки. – Краснодар. - 2003. - С. 268–276.
50. Воронина А. А. Мифология эвенков / А. А. Воронина. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. – 90 с.
51. Воскобойников М.Г. Фольклор эвенков Бурятии / М.Г. Воскобойников. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1967. – 184 с.
52. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 128 с.

53. Городецкая Л. А. Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Вып. 1. - Ростов н/Д: ИУБиП, 2002. - С. 28-37.
54. Городилова Л. М. Источники изучения топонимии Приенисейской Сибири XVII-нач. XVIII вв. // Актуальные вопросы современной науки. Вып. 27. - 2013. - С. 204-219.
55. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е. И. Горошко. - М.: Изд. группа «РА-Каравелла», 2001. – 320 с.
56. Горяев С. О. Симпозиум «Имя в экономике и экономической истории-2» // Вопросы ономастики. Вып. 5. - 2008. - С. 146-153.
57. Грязнова О. В. Художественная аксиология К. Балкова в произведениях о Байкале // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 10. - Улан-Удэ. - 2010. - С. 32-35.
58. Гурулев С. А. Реки Байкала: происхождение названий / С. А. Гурулев. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. – 112 с.
59. Гурулев С. А. Что в имени твоём, Байкал?: 3-е изд., дополн. / С. А. Гурулев. - Иркутск: Оттиск, 2010. – 184 с.
60. Гусев В. Е. Специфика фольклорных жанров / В. Е. Гусев. – Л.: «Наука», 1966. - 357 с.
61. Гымпилова Е. Д. Пословицы в системе жанров бурятского фольклора / Е. Д. Гымпилова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 114 с.
62. Дамдинов Д. Г. Легенды и предания этнической Бурятии. Топонимика и культурология / Д. Г. Дамдинов. – Агинское: изд. дом «Агын Унэн», 2007. – 160 с.
63. Дамдинов Н. Г. Избранные произведения. Стихотворения. Поэмы. Переводы с Бурятского: в 3 т. / Н. Г. Дамдинов. – Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2001. – 656 с.
64. Дашинамаева П.П. Герменевтика текста: постнеклассическая парадигма // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. №11. С. 56-59.

65. Дейк Т. А. ванн. Язык. Познание. Коммуникация. / Т. А. ванн Дейк. –М.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
66. Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. - С. 606–622.
67. Доржигушаева О. В. Буддийская мысль и экологическое мировоззрение // Бюллетень Московского ИСАР. Вып. 10.- 2000. - С. 34-38.
68. Доржиева Г. С. Места памяти и культурная непрерывность (на примере топонимии Бурятии) // Вестник Бурятского госуниверситета. Вып. 11. Романно-германская филология. - 2014. - С. 7-10.
69. Доржиева Г. С. Топонимия Квебека как отражение франкоязычной культуры региона (этнолингвистический аспект): автореф. дисс. ... док.филол.наук / Г. С. Доржиева. - М.: 2011. – 49 с.
70. Доржиева Г. С. Франкофонная топонимия Квебека / Г. С. Доржиева. -Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2011. – 352 с.
71. Доржиева Г. С. Этнолингвистический аспект топонимических исследований // Вестник Бурятского госуниверситета. Вып. 11. - 2012. - С. 69-72.
72. Доржиева Г. С. Ассоциативные образы в международной топонимической номинации / Франкофония: перекрестки языков и культур: сборник // под ред. Т. Ю. Загряскиной. – М.: КДУ; Университетская книга, –2015. - Вып. 6. – С. 46-55.
73. Дугаров Б. С. Антология литературы Бурятии XX - начала XXI века: в 3 т. Т. 1.: Поэзия / Б. С. Дугаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 608 с.
74. Дучков А. Д. Температурный режим льда оз. Байкал и связанные с ним внутренние напряжения и смещения в ледяной плите/ А. Д. Дучков, В. Е. Истомина, С. А. Казанцев // Физическая мезомеханика. Вып. 1. – 2007. - С. 87-92.

75. Дырхеева Г. А. Языковая ситуация в Бурятии: двадцать лет спустя // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Вып. 2. - 2011. - С. 132-138.
76. Егодурова В. М. Глагольное слово в бурятском языке // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. SD. - 2012. - С. 269-276.
77. Жалсараев Д. З. «Таежная, озерная...». Стихи. / Д. З. Жалсараев. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 2000. - 336 с.
78. Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят / С. Г. Жамбалова. - Новосибирск, 2000. - С. 272.
79. Жигжитов М. И. Подлесье. Роман-трилогия. / М. И. Жигжитов. -Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1981. – 832 с.
80. Забродин Ю. М. Психологический эксперимент: специфика, проблемы, перспективы развития // История становления и развития экспериментальной психологии в России. - М.: Наука, 1990. – С. 34.
81. Загрязкина Т. Ю. Франция в культурном аспекте / Т. Ю. Загрязкина. – М.: Стратегия, 2007. – 192 с.
82. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж. - 2001. - С. 39.
83. Залевская А. А. Концепт как достояние индивида / А. А. Залевская. М.: Слово, 2005. - С. 234-244.
84. Зобнина О. А. Концепт “Oxbridge” в английской лингвокультуре: автореф. дис. ...канд. филол. наук / О. А. Зобнина. – Волгоград: Волгогр. Гос. Пед. Ун-т., 2007. - 18 с.
85. Зориктуев Б. Р. Об этническом составе населения Западного Забайкалья во второй половине I - первой половине II тысячелетия н.э. // Этническая история Южной Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1993. - С. 26.
86. Зубакина Т.И. Фольклор эвенков Бурятии / Т.И. Зубакина. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. – 187 с.

87. Иванова Е. В. Экологическое сознание и эколингвистика // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Вып. 7. - 2012. - С. 252-262.
88. Иванова Е. В. К проблеме исследования экологического дискурса // Политическая лингвистика. Вып. 3 (23). - Екатеринбург, 2007. - С. 134-138.
89. Игнатов В. Г. Регионоведение: учеб. пособие / В.Г. Игнатов, В.И. Бутов. - Ростов н/Д, 1998. - С. 18.
90. Иметхенов О. А. Природные ландшафты Бурятии – объекты культового значения / О. А. Иметхенов, А. Б Иметхенов // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 4. - 2013. - С. 35-39.
91. Исаева Е. В. Содержание и вербализация лингвокультурного концепта «Земля Северной Америки» в произведениях Ф.-Р. Де Шатобриана // Вестник Бурятского госуниверситета. Вып. 10. – 2011. – с. 53-59.
92. Исаева Е. В. Употребление перифразы для обозначения географических объектов Квебека // Канадский ежегодник. Вып. 18. – М., 2014. – С. 110-121.
93. Калинина Е. Л. Особенности адаптации субстратных топонимов в концептосфере языка-приемника: автореф. дис. ... канд.филол.наук / Е.Л. Калинина. – Барнаул, 2009. – 18 с.
94. Калинин В. М. Поэтика онима / В. М. Калинин. - Донецк, 1999. - С. 279
95. Каплуненко А. М. Federal/Federalism: от концепта к понятию и термину // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Вып. 2 (18). - 2012. - С. 16-21.
96. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. под ред. И. А. Стернина. - Воронеж, 2001. - С. 75-80.
97. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. - Волгоград-Архангельск, 1996. - С. 3–16.

98. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. - Волгоград: Перемена, 1998. - С. 185-197.
99. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. - Волгоград, 2001. - С. 3–16.
100. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. - М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
101. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. - М.: Наука», 1987. - 264 с.
102. Карнышев А. Д. Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий / А. Д. Карнышев. - Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. - 552 с.
103. Козин А. З. Имена из глубины веков. Топонимика Прибайкалья /А. З. Козин. - Иркутск, 2008. - 151 с.
104. Колистратова А. В. Эволюция фольклорного дискурса в британо-английском контексте ситуации: автореф. дис. ... канд.фил.наук / А. В. Колистратова. - Иркутск, 2012. – 34 с.
105. Колпакова Н. П. Песни и люди. О русской народной песне / Н.П. Колпакова. – Л.: Наука, 1977. - С. 93.
106. Комлева А. А. Интерпретация жанра загадка в творчестве А. Ахматовой // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – Новосибирск, 2010. - С. 76- 80.
107. Коновалова М. В. Типы когерентности юридического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 21. – 2008.– С. 83.
108. Косоногова О. В. Юридический дискурс: лингвопрагматика имени собственного // Знание. Понимание. Умение. - М., 2008. - С. 188-192.
109. Костюченкова Е. М. Антропонимическая система как элемент лингвокультуры донского казачества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. Вып. 38(82). Общественные и гуманитарные науки. – СПб., 2008. – С.183-188.

110. Кочетова Л. А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Кочетова. - Волгоград, 1999. - 19 с.
111. Красавский Н.А. Концепт «радость» в русской лингвокультуре (на материале словарных статей и ассоциативного словаря) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Вып. 5. - 2010. - С. 4-7.
112. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. - Волгоград: Перемена, 2001. - С. 281.
113. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352с.
114. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. - 375 с.
115. Красноштанов С. И. Русские народные песни Сибири и Дальнего Востока / С. И. Красноштанов, В.С. Левашов // Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1997. - С. 35-36.
116. Крысько В. Г. Этническая психология / В. С. Крысько. – М.: Академия, 2001. – С. 192-195.
117. Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия РАН СЛЯ. Вып. 2. - 1994. - С. 3-15.
118. Кузьмина М. И. Имя собственное «Валаам» в индивидуальной языковой картине мира (на материале путевых очерков рус. писателей конца 19 - нач. 20 в.): автореф. дис. ...канд. филол. наук / М.И. Кузьмина. - Н. Новгород, 2009. - 25 с.
119. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. – Екатеринбург: Либроком, 1999. – 270 с.
120. Куприянова Н. С. Ассоциативное поле концепта «ссех» в русском языке // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Вып. 8. Гуманитарные науки. - 2007 - С. 52.

121. Курбанов М. М. К вопросу о специфике и классификации жанров несказочной прозы фольклора // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Вып.2. - 2008. - С. 111-116.
122. Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка в коммуникативно-прагматическом аспекте // Гуманитарные исследования. Вып. 1. – Астрахань, 2012. - С.29-34.
123. Кухаренко В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. - М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
124. Леонтьев А. Н. Избранные психологические труды: в 2-х т. / А. Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. - С. 70-71.
125. Леухин А. Н. Экологическое сознание и окружающая среда: опыт социологического исследования в регионе / А. Н. Леухин, А. Д. Калиева // Вестник Волгоградского государственного университета. Вып. 1. Философия, социология и социальные технологии. - 2010. - С. 149-153.
126. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ. Вып. 1. - 1983. - С. 3-9.
127. Литовкина А. М. Концепт «Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира: от «Сибирских летописей» до публицистики В. Г. Распутина: автореф. дис. ...канд. филол. наук / А. М. Литовкина. - М., 2008. - 20 с.
128. Логачев Н. А. Осадочные и вулканические формации Байкальской рифтовой зоны. Байкальский рифт / Н. А. Логачев. - М.: Наука, 1968. - С. 72-101.
129. Лозанова А. Н. Тюремные песни // Русское народное поэтическое творчество. Вып. 1. - М.-Л., 1955. - С. 435.
130. Лопатин Д. В. Возраст Байкала / Д. В. Лопатин, Б. В. Томилов // Вестник СПбГУ. Вып. 1. - 2004. - С 58-67.
131. Лосев А. Ф. Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы / общ. ред. А. А. Тахо-Годи. - СПб., 1997. - С. 280.
132. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения / А. Ф. Лосев. - М.: Мысль, 1998. - 750 с.

133. Лосский Н. О. Характер русского народа / Н. О Лосский. - М.: Ключ, 1990. – 64 с.
134. Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия художественная литература // Избранные статьи. - Таллинн, 1992. - С. 203-216.
135. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи. - Таллинн, 1992. - С. 129-132.
136. Лыскокова В. Ц. Жамцарано Ц. Путевой дневник 1908-1909 гг. / В.Ц. Лыскокова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 119 с.
137. Любимова Л. М. Этнолингвистическое описание культурных кодов (на примере обрядового фольклора) / Л. М. Любимова, О. В. Баянова // Вестник Забайкальского государственного университета. Вып. 4. – 2013. – С. 105-110.
138. Майоров А. П. Историко-этимологический аспект концепта *Прощение* в русском языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Вып. 9. История, филология. - 2012. - С. 192-196.
139. Малзурова Л. Ц. Озеро Байкал в бурятских преданиях // Филологические науки. Вып. 1 (5). Вопросы теории и практики. – 2010. - С. 136-139.
140. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. - М.: Академия, 2007. – 208 с.
141. Матвеев А. К. Субъективные факторы и лженаука в топонимических исследованиях // Вопросы ономастики. Вып. 1 (8). – Екатеринбург, 2010. – С. 110-117.
142. Медведев В. И. Экологическое сознание: учеб. пособие / В. И. Медведев, А. А. Алдашева. - М.: Логос, 2001. - 384 с.
143. Медведева Т. С. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры / Т. С. Медведева, М. В. Опарин, Д. И. Медведева. – М.: ФЛИНТА, 2012. – 161 с.
144. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского языка. Вып. 4. - 2004. - С.39-45.
145. Минуллин К. М. Композиционное строение и способы художественной изобразительности в татарских песнях: припевы и повторы //

- Филологические науки. Вып. 7 (18). Вопросы теории и практики. - Тамбов, 2012. - С. 122-126.
146. Митрошкина А. Г. К этимологии этнонима бурят // Проблемы бурятской филологии и культуры. – Иркутск, 1995. – С. 30.
147. Михайлова Н. Д. Благопожелания: кочевой образ жизни // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 4. Филология и искусствоведение. - 2010. - С. 28-32.
148. Молчанова О.Т. Проприальная номинация в сфере когнитивизма // Вопросы ономастики. Вып. 3. – Екатеринбург, 2006. – С. 7-18.
149. Монгилева Н. В. Семантическое пространство поэтического дискурса: дис. ... канд. филол. наук / Монгилева Н. В. – Челябинск, 2004. – 168 с.
150. Морозова Е. И. Онтологические основы описания лжи // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Вып. 609. - 2003.- С.106-110.
151. Москаленко А. В. Концепт «птица» в английской фразеологической картине мира: дис. ... канд. филол. наук / А. В. Москаленко. – СПб., 2014. - 230 с.
152. Москович В. А. Товарные знаки // Ономастика. – М., 1969. – С. 251-259.
153. Мушнина М. М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии // Юрислингвистика. Вып. 5. – 2004.– С. 19–32.
154. Никитина С. Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М.: Наука, 1991. — С. 117-123.
155. Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история: дис. ... д-ра филол. наук / Д.Д. Нимаев. - Улан-Удэ, 2000. - 294 с.
156. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. - С. 17-50.
157. Оглезнева Е. А. Язык русского восточного зарубежья в зеркале лексикографии // Вопросы лексикографии. Вып. 1 (3). - 2013. - С. 81-92.

158. Олзоева Л. К. Четвертая чакра, приложение к журналу «Поэзия» / Л.К. Олзоева. - М.: Московская городская организация Союза писателей России, 2002. - 84 с.
159. Олзоева Я. В. Архетип женщины в художественном дискурсе // Дискурс. Культура. Ментальность: коллективная монография. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2011. – С. 477-485.
160. Ортега-И-Гассет Х. Две главные метафоры / Х. Ортега-И-Гассет // Перевод Б. В. Дубина. – М.: 1991. - С. 68-81.
161. Павилёнис Р. И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павилёнис. - М., 1983. – С. 279-280.
162. Павлюченкова Э. Байкал вблизи. Путешествия без приключений / Э. Павлюченкова. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. - 127 с.
163. Палеева Е. В. Концептуальный анализ как метод лингвистических исследований // Теория языка и межкультурная коммуникация. Вып. 2. – 2010. – С. 61-65.
164. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории / Б. Д. Парыгин. - М.: Мысль, 1971. - 351 с.
165. Петонов В. К. Ветер с Байкала: стихи и поэмы: пер. с бурят / В. К. Петонов. – М.: Сов. Россия, 1988. – 112 с.
166. Петонов В. К. Меткая стрела: сборник бурятских народных сказок / В. К. Петонов. – Новосибирск: Западно-сибирское книжное издательство, 1973. – С. 14.
167. Печерская Н. В. Знать или называть: метафора как когнитивный ресурс социального // Полис. Вып. 2. - 2004. - С. 93-105.
168. Пимен. Красота природы // Журнал Московской Патриархии. Вып. 10. – М., 1989. – С. 37 – 38.
169. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова. - Кемерово: ИПК "Графика", 2004. – С. 5-7.

170. Пищальникова В. А. Введение в психолингвистику / В.А. Пищальникова, Ю.А. Сорокин. – Барнаул: Алт, 1993. – С. 15.
171. Пищальникова В. А. Проблема смысла художественного текста / В. А. Пищальникова. – Новосибирск, 1992. – С. 38.
172. Плотникова С. Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. Вып. 2. - 2011. - С. 152-158.
173. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 93 с.
174. Потебня А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М.: Правда, 1989. - С. 189.
175. Прокопьев В. Б. К вопросу о происхождении казачества и появления первых казаков в Забайкалье // Вестник Бурятского госуниверситета. Вып. 2. - 2010. - С. 112-116.
176. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2009. - 336 с.
177. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. - М.: Лабиринт, 1969. - С. 99.
178. Пропп В. Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1998. - 352 с.
179. Пропп В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп. - Л.: ЛГУ, 1984. - С. 38.
180. Путилов Г. Н. Фольклор и народная культура / Г. Н. Путилов. – СПб.: Лань, 1994. – 239 с.
181. Раднаев Э. Банзаров Д. - воспоминания, отзывы, рассказы современников, ученых и общественных деятелей XIX – начала XX вв. / Э. Раднаев. – Улан – Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 104 с.
182. Румянцев А. Г. Вступительное слово // Жалсараев Д.З. «Таежная, озерная...». Стихи. - Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 2000. - 336 с.
183. Румянцев А. Г. Певцы родной земли. Этюды о поэтах Бурятии / А. Г. Румянцев. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. - 128 с.
184. Рябко О. П. Аспекты теории когнитивной номинации // Язык и межкультурная коммуникация. Вып. 4. - Ростов-на-Дону, 2006. – С. 37.

185. Рябых Е.Б. Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук / Е.Б. Рябых. - Тамбов, 2006. - 242 с.
186. Санжеев Г. Д. Записки по этнической истории бурят // Современность и традиционная культура народов Бурятии. - Улан-Удэ, 1983. - С. 47-49.
187. Санжеева Л. Ц. Когнитивный подход к изучению имен собственных // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 11. - 2009. - С. 92-96.
188. Санжеева Л. Ц. Культурные константы в бурятской Гэсэриаде: мифологические, религиозные и эпические параллели // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 10. - 2013. - С. 165-170.
189. Санжеева Л. Ц. Лингвокультурологический потенциал имен собственных и его учет при переводе // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Вып. 12. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. - 2009. - С. 188-196.
190. Санжеева Л. Ц. Малые фольклорные жанры в составе эпического произведения // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 10. - 2011. - С. 219-222.
191. Санжиев Г. Л. Бурятия. История (XVII-XIX вв.) / Г. Л. Санжиев, Е. Г. Санжиева. - Улан-Удэ, 1999. - 356 с.
192. Санжина Д. Д. Семантико-стилистические особенности развития лексики современного бурятского литературного языка // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Вып. 3. Филология, история, востоковедение. - 2010. - С. 112-115.
193. Санжина Д. Д. Язык и культура // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Вып. 2. Филология, история, востоковедение. - 2012. - С. 208-212.

194. Сахаров Ц. История перекочевки в Баргузин в 1740 году баргузинских бурят с севера Байкала под предводительством Ондreja Шибшеева // Бурятские летописи. - Улан-Удэ, 1995. - 197 с.
195. Сергеева Е. В. Концепт-универсалия и художественный концепт: проблема классификации // Сибирский филологический журнал. Вып. 1-2. - 2006. - С. 63-69.
196. Сергеева Е. В. Художественный концепт «Прозрачность» в поэзии Вяч. Иванова // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл. – Томск, 2006. – С.110–114.
197. Серебренникова Е.Ф. Аксиологическая параметризация социального дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Вып. 2 (23). - 2013. - С. 13-18.
198. Слышкин Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – М.: Водолей Publishers, 2004. – 153 с.
199. Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. Вып. 1. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. - С. 29-34.
200. Содномпилова М. М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. М. Содномпилова. - Иркутск, 2005. - С. 35.
201. Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 г. Монгольский обыденный сборник / пер. Козин С. А. - М-Л., 1990. - С. 12.
202. Соломоник А. Семиотика и лингвистика / А. Соломоник. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 352 с.
203. Соснин А. В. Асинхронность формирования литературного канона у представителей различных культур и синфазность восприятия лондонского текста // Русский акцент в мировой культуре: литература, искусство, перевод. - Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2010. - С. 211-216.

204. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики: пер. с французского А. М. Сухотина / Ф. де Соссюр. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 256 с.
205. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. - С. 35-73.
206. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2004. - С. 42-76.
207. Степанов Ю. С. «Слова», «понятия», «вещи». К новому синтезу в науке о культуре // Вопросы языкознания. - М., 1995. - С. 5–25.
208. Степанов Ю. С. Смена «культурных парадигм» и её внутренние механизмы / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин // Философия языка: в границах и вне границ. - Харьков, 1993. - С. 13–36.
209. Судоплатова Г. А. Несобственно-прямая речь как способ словесной организации художественного текста (на примере рассказа В. Распутина «Век живи - век люби») / Г. А. Судоплатова, Д.Л. Шагдарова // Вестник бурятского государственного университета. Вып. SF. - 2012. - С. 129-132.
210. Судоплатова Г. А. Стилистические функции оксюморона в поэзии Марины Цветаевой // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Вып. 2. Филология, история, востоковедение. - 2012. - С. 57-60.
211. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. - М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 368 с.
212. Суперанская А. В. Товарные знаки / А. В. Суперанская, Т. А. Соболева. - М.: Издательство ЛИБРОКОМ, 2009. – 192 с.
213. Тарасова И. А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Вып. 4. – 2010. - С. 742-745.
214. Телия В. Н. Фразеология в контексте культуры / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 51.
215. Тиваненко А. В. В тайге за Байкалом / А. В. Тиваненко, В. Г. Митыпов. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1974. – 138 с.

216. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 331 с.
217. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического / В.Н. Топоров. – М.: Издательская группа «Прогресс – Культура», 1995. – 621 с.
218. Трвати С. Н. Вербализация основных концептов, представляющих интеллектуально-эмоциональную деятельность человека: на материале английской и русской фразеологии: дис. ... канд. филол. наук / С. Н. Трвати. - Воронеж, 2007. - 186 с.
219. Туголоков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В. А. Туголоков. – М.: Наука, 1985. - 286 с.
220. Тулохонов А. К. О роли экспедиции глубоководных обитаемых аппаратов «Мир» в развитие морской геологии // Геология морей и океанов. Вып. 1. – М.: ГЕОС, 2011. – С. 21-26.
221. Тураева З. Я. Лингвистика текста / З. Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. - С. 86.
222. Уланов А. И. Древний фольклор бурят / А. И. Уланов. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1974. - 176 с.
223. Улзытуев Д. А. Напев: стихотворения / Пер. с бурят. Сост. Ст. Куняев. – М.: Современник, 1983. – 183 с.
224. Уфимцева Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 65 – 71.
225. Фещенко О. А. Концепт ДОМ в художественной картине мира М.И. Цветаевой (на материале прозаических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Фещенко. - Новосибирск, 2005. – 28 с.
226. Фомин А. А. О «Нашей марке» и не только: смыслообразующий потенциал прагмонима в художественном тексте // Вопросы ономастики. Вып.1 (10). – Екатеринбург, 2011. – С. 63-85.

227. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика / Р. М. Фрумкина. - М.: Академия, 2008. – 320 с.
228. Фрумкина Р. М. Константы культуры – продолжение темы // Язык и культура: факты и ценности. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - С. 167-177.
229. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство (аспекты психоллингвистического анализа) / Р.М. Фрумкина. - М.: Наука, 1984. - 175 с.
230. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
231. Хамаганов М. П. Художественный мир Михаила Жигжитова: Литературный портрет / М.П. Хамаганов. – Улан-Удэ.: Бурят.кн.изд-во, 1993 – 112 с.
232. Хамаганова В. М. Онтологическая основа текста типа «описание» // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Вып. 2. Филология, история, востоковедение. - 2012. - С. 77-82.
233. Хамаганова В. М. Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа «описание» (онтологический и семиотический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. М. Хамаганова. - М., 2002. - 43 с.
234. Хамгушкеева М. И. Бурятская поэзия / М. Хамгушкеева. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 1998. - 158 с.
235. Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. / М. Н. Хангалов. - Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2004. - 331 с.
236. Хантакова В. М. Смыслоформирующая роль синонимии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Вып. 2s. - 2012. - С. 226-231.
237. Харанутова Е.И. Тотемическая лексика в мифологии народов восточной Сибири / Е. И. Харанутова, Л. В. Шулунова. - Улан-Удэ : Издательство ВСГАКИ, 2006. – 131 с.

238. Хилханова Э. В. О культурном контексте дискурса (на материале веб-сайтов немецких ВУЗов) / Э. В. Хилханова, Т. Ф. Рашитова // Вестник Забайкальского государственного университета. Вып. 11. - 2013. - С. 98-103.
239. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные предания / Ц.Б. Цыдендамбаев. - Улан-Удэ, 1972. - С. 278.
240. Цыренов Б. Д. Язык бурятских народных сказок / Б.Д. Цыренов. – Улан-удэ: БНЦ СО РАН, 2005 – 114 с.
241. Чернявская, В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопр. когнитивной лингвистики. Вып. 1. – 2004. –С. 106-111.
242. Чистов К. В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы / К.В. Чистов. - М., 1964. - С. 1.
243. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. - С. 36.
244. Шагдарова Д. Л. Проблема сложного слова в бурятском литературном языке // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 2. - 2012. - С. 134-139.
245. Шара-туджи. Монгольская летопись XVII века. - М.: АН. СССР, 1957. - С. 33.
246. Шведова, Н. Ю. К определению концепта как предмета языкознания //Языковая личность: текст, словарь, образ мира. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – С. 506 – 510.
247. Шерхунаев Р. А. Подвижник слова народного // Байкал. Вып. 2. - 1983. - С. 140.
248. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол.наук / Н. В. Шимкевич. – Екатеринбург, 2002. – 34 с.
249. Шиханов М. М. Кедровое молоко. Сборник. Стихотворения, рассказы / М. М. Шиханов. – Улан-Удэ: Буряад унэн, 2003. - 125 с.

250. Шиханов М. М. Собираясь в дорогу последнюю: поэмы и стихи разных лет / М. М. Шиханов. - Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2007. – 160 с.
251. Шмелев А. Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? // Мир русского слова. Вып. 4. – 2000. – С. 46-50.
252. Шпейзер Г. М. Гидрохимическая характеристика озера Байкал / Г. М. Шпейзер, Н. А. Селина, Е. И. Иванова // Российская академия естествознания. Вып. 8. - 2007. - С. 99-100.
253. Щербак А. С. Когнитивные основы региональной ономастики: автореф. дис. ...канд. филол. наук / А.С. Щербак. - М., 2008. - 47 с.
254. Элиаде М. Трактат по истории религий / М. Элиаде. – Спб: Алетейя, 1999. – 414 с.
255. Элиасов Л. Е. Байкальские легенды и предания. Фольклорные записи / Л.Е. Элиасов. – Улан-Удэ: Бурят.кн.изд-во, 1984 – 256 с.
256. Элиасов Л. Е. Байкала озера сказки: в 2 т. / Л. Е. Элиасов. – Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1988. – 245 с.
257. Элиасов Л. Е. Байкальские предания. Фольклорные записи / Л. Е. Элиасов. – Улан-Удэ: Бурят.кн.изд-во, 1966. – 271 с.
258. Элиасов Л. Е. Бурятские сказки / Л. Е. Элиасов. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959. - 421 с.
259. Элиасов Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири: часть II - Народные предания / Л. Е. Элиасов. - Улан-Удэ, 1960. - 477 с.
260. Элиасов Л. Е. Фольклор семейских / Л. Е. Элиасов. - Улан-Удэ, 1963. - 672 с.

Литература на иностранных языках

261. Black M. More about metaphore // Metaphor and Thought. Ed. by A.Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 19 - 41.
262. Carey S. The origin of concepts / Oxford Deries in Cognitive development. – 2011. – P. 113.

263. Cassirer E. Die Kraft der Metapher // Sprache und Mythe. Leipzig — Berlin, 1925. - P. 68 - 80.
264. Courtes J. La grande traque des valeurs textuelles: Quelques principes liminaires pour comprendre la GT // Le français dans le monde. – 1985. – № 192. – P. 28–34.
265. Deese J. The Associative Structure of Some Common English Adjectives // Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour. Vol. 3. - 1964, p.p. 124-156.
266. Frege, G. On Concept and Object / 1892, S. 192-205, translated Slater, B.H. Concept and Object in Frege, 2000 (Minerva). – P. 45.
267. Fodor J. A. Concepts: Where cognitive science went wrong / J.A. Fodor. – Oxford: Clarendon Press, 1998. - 174 p.
268. Fodor J.A. The red herring and the pet fish: why concepts still can't be prototypes // Cognition. - № 58. - 1996. – p.
269. Fauconnier G. Rethinking Metaphor / G. Fauconnier. - Cambridge: Cambridge University Press, 2008. - P. 53-66.
270. Frawley W. International encyclopedia on linguistics / W. Frawley. - 2004. – P. 165.
271. Jacendorff J. Semantics and cognition / J. Jacendorff. - Massachusetts Institute of Technology, 1983. – 279 p.
272. Johnson M. The Body in the Mind: the Bodily Basis of Meaning, Reason and Imagination / M. Johnson. - Chicago: University of Chicago Press/ 1987. – P. 454.
273. Harris Z. Discourse analysis // Language. – 1952. – P. 3.
274. Hobbes T. Of Man, Being, The first part of Leviathan / T. Hobbes. - Barleby, 2001.
URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au/h/hobbes/.../chapter3.html>
275. Hunt T. W. The principle of written discourse // Project Gutenberg, URL: <http://www.archive.org/details/cu31924031232873>
276. Greimas, A. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage / A. Greimas, J. Courtes. – Paris: Hachette, 1979. – 389 p.

277. Lacoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought, 1992. – P. 202-251.
278. Lacoff G. Conceptual metaphor in everyday use / G. Lacoff, M. Johnson // The journal of philosophy. Vol.77,1980. – P. 453-486.
279. Langacker R.W. Concept Image and Symbol / R.W. Langacker. - Berlin / N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991. – P. 23.
280. Langacker R.W. A Usage-Based Model // Topics in Cognitive Linguistics. – Amsterdam/Philadelphia, 1988. – P. 73.
281. Murphy G.L. The big book of concepts / G.L. Murphy. – Cambridge: MA, 2004. - P.1.
282. Osgood C. E. Language, Meaning, and Culture // The Selected Papers of C. E. Osgood: Praeger Publishers, 1990. – 345 p.
283. Peacocke Ch. A study of concepts / Representation and mind. – 1992. – P. 3.
284. Steffensen S.V. Language, ecology and society: an introduction to Dialectical Linguisticsmore / S.V. Steffensen. - London: Continuum, 2007. - 32 p.
285. Talmy L. The Relation of Grammar to Cognition // Topics in Cognitive Linguistics. - Amstredam:Benjamins, 1988. - P.165-205.
286. Talmy L. Towards a cognitive semantics / L. Talmy. –Cambridge, MA: MIT Press, 2000. - 565 p.
287. Waxman S. Contemporry approaches to concept development // Cognitive development. Vol. 6. – 1991. – P. 105-118.
288. Wheelwright Ph. Metaphor and reality / Ph. Wheelwright. – Indiana: University Press, 1962. – 204 p.

Нормативно-правовые акты

289. Федеральный закон от 01.05.1999-ФЗ (ред. От 28.06.2014) «Об охране озера Байкал» // Собрание законодательства РФ, 03.05.1999, № 18, ст. 2220.
290. Постановление Правительства РФ от 20.07.2011 №1274-п «Об утверждении ‘Концепции федеральной целевой программы «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной

территории на 2012-2020 г.г.» // Собрание законодательства РФ, 01.08.2011, № 31, ст. 4772.

291. Постановление Правительства РФ от 22.03.1999 № 321 (ред. от 05.01.2001) «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по Байкалу и ее состава» // Собрание законодательства РФ, 29.03.1999, № 13, ст. 1611.
292. Приказ Министерства природных ресурсов РФ от 25.04.2007 № 114 (ред. от 11.08.2011) «О Межведомственной комиссии по вопросам охраны озера Байкал» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 23.05.2007 № 9532) // Российская газета, № 141, 04.07.2007.

293. Постановление Народного Хурала Республики Бурятия от 28.09.1999 № 281-II «Об объявлении на территории Республики Бурятия Дня Байкала».
URL: <http://baikalake.ru/fr/law/215/>

Словари, энциклопедии, справочники

294. Большая советская энциклопедия. - М.: Советская энциклопедия, 1969—1978.
URL: <http://bse.chemport.ru/>
295. Ярцева В. Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
296. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, А. Ефрон. - С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1890—1907.
URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/>
297. Будаев Ц. Б. Онъһон үгэ оншотой. Пословица не мимо молвится. Словарь бурятско-русских адекватных пословиц и поговорок. Бурятские загадки / Ц.Б. Будаев. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1988. – 192 с.
298. Горбачевич К. С. Большой академический словарь русского языка / К.С. Горбачевич, Л. И. Балахонова, Н. В. Соловьева. - М.: Наука, 2005. – с.
URL: <http://www.mining-enc.ru/z/zabajkale-i-pribajkale/>
299. Громов Д. В. Энциклопедия сакральной географии / Д. В. Громов. – Екатеринбург: Ультра, 2005. – 648 с.

300. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. - Назрань: Пилигрим, 2010. – с.
301. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. - М., 2003.
URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>
302. Козловский Е. Горная энциклопедия: в 5 т. / Е. Козловский. – М.: Советская энциклопедия, 1987.
URL: <http://www.mining-enc.ru/>
303. Котляков В. М. Словарь современных географических названий / В. М. Котляков. - Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 832 с.
304. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М., 1997. - С. 90-92.
305. Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь / В. Г. Крысько. – М., 1999. – 343 с.
306. Леонтьев А. А. Словарь ассоциативных норм русского языка. Прямой / А. А. Леонтьева. - М., 1973.
URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm>
307. Новый и полный географический словарь Российского государства. – М.: Университетская типография, 1788. - 298 с.
308. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова- М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
309. Пospelов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь. / Е. М. Пospelов. - М: АСТ, 2001. – 512 с.
310. Розенталь Д. Словарь лингвистических терминов / Д. Розенталь, М. Темникова. – М.: Харвест, 2008.- 624 с.
311. Розенталь М. М. Философский словарь. / М. М. Розенталь, П. Ф. Юдин.– М., 1968. - С. 390.

312. Словарь географических названий СССР: 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Недра, 1983. - 296 с.
313. Советский Союз. Географическое описание в 22 томах. Восточная Сибирь / Е. Г. Банда и др. Отв. ред. В. В. Покшишевский, В. В. Воробьев. – М.: Мысль, 1969. – 494 с.
314. Степин В. С. Новая философская энциклопедия / В. Степин, А. Гусейнов, Г. Семигин, А. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. - 2816 с.
315. Топонимический словарь этнической Бурятии / сост. И. А. Дамбуев, Ю. Ф. Манжуева, А. В. Ринчинова. Улан-Удэ, 2007. – 190 с.
316. Тришин В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка / В.Н. Тришин. – М., 2015.
URL: <http://trishin.ru/left/dictionary/>
317. Уфимцева Н. В. Славянский ассоциативный словарь / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М., 2004. – 800 с.
318. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Т. I, II, III, IV: пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. - 2-е изд. - М.: Прогресс, 1986. – С. 108.
319. Фундаментальная электронная библиотека. Энциклопедия русской литературы и фольклора.
URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/>
320. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. – М.: Рус. Яз., 1999. – 653 с.
321. Энциклопедия Туризма Кирилла и Мефодия, 2008.
URL: <http://www.megabook.ru/>

Интернет ресурсы

322. Арсеньев Ю. В. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями. - С. Петербург, 1882.
URL: <http://www.magicbaikal.ru/history/baikal-spafariy.htm>

323. Базыма Б. А. Цвет и психика / Б.А. Базыма. - Харьков, 2001.
URL: <http://psyfactor.org/lib/colorpsy.htm>
324. Байкал. Национальный корпус русского языка.
URL: http://search.ruscorpora.ru/plot-paper.xml?smoothing=3&stat=gr_created_&env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E1%E0%E9%EA%E0%EB&mode=paper&p=4#toggle
325. Байкальский омуль // Зоологические экскурсии по Байкалу.
URL: <http://zooex.baikal.ru/vertebrata/coregonus.htm>
326. Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. - С. 606–622.
URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.html>
327. Консультант-плюс.
URL: <http://www.consultant.ru/>
328. Лимнологический институт Сибирского отделения Российской Академии наук [сайт].
URL: <http://www.lin.irk.ru/new/>
329. Международная классификация товаров и услуг.
URL: <http://www.mktu.info/>
330. Официальное сообщение о включении озера Байкал в список участников мирового наследия ЮНЕСКО от 20.01.1997.
URL: <http://pro-baikal.ru/2015/03/17/unesco/>
331. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российской империи: т.3., 1786. - С. 134-141.
URL: <http://www.magicbaikal.ru/history/baikal-pallas.htm>
332. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век.
URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/Burjatia/XVII/1600-1620/Sb_dok_burjat_17_v/index.htm

333. Спасский Г. Описание Байкала // Сибирский вестник. Ч. XII. - Санкт-Петербург, 1821 г.
URL: <http://www.magicbaikal.ru/history/baikal-sketch.htm>
334. Страницы истории рыболовства.
URL: <http://histfishing.ru/biblio/tema/29-novoe-i-novejshee-vremya-rybnaya-promyshlennost-i-ee-issledovaniya-izdaniya-do-1917-g/577-pezhemskij-pi-rybnaya-proizvoditelnost-oz-bajkal>
335. Обмеление Байкала // Информ полис, 2015.
URL: <http://www.infpol.ru/obmelenie-bajkala.html>
336. Олимпийский огонь опустили на дно Байкала.
URL:
http://www.gazeta.ru/sport/video/olimpiiskii_ogon_opustili_na_dno_baikala.shtml
337. Россия 10. Озеро Байкал – Сибирский округ.
URL: http://10russia.ru/object_41
338. Сто чудес России – Байкал.
URL: <http://xn--100-pddf6el5a.xn--p1ai/index.php?id=3>
339. Товарные знаки, знаки обслуживания и наименования мест происхождения товаров // Федеральный институт промышленной собственности.
URL: http://www1.fips.ru/wps/wcm/connect/content_ru/ru/brands_and_points/
340. Торговая марка // Бизнес-патент.
URL: <http://www.businesspatent.ru>article/article.21.1.html>
341. Шабашов Д. Путин отдалил «Транснефть» от Байкала // РБК, 2006.
URL: <http://rbcdaily.ru/industry/562949979060497>
342. Шандренко А. Култук с трудом восстановился после землетрясения // Номер один. Вып. 36, 2008.
URL: <http://baikalpress.ru/sm/2008/36/004010.html>
343. Экспедиция «Миры» на Байкале, 2011.
URL: <http://www.irk.ru/news/subjects/18/>

344. Эстафета олимпийского огня: факел побывал и в космосе, и на дне Байкала // Независимая газета, 2013.
URL: http://www.ng.ru/regions/2013-12-30/5_olimpiada.html
345. Яблоков А. Заявление РОДП «Яблоко»: «Руки прочь от Байкала!», 2008.
URL: <http://www.yabloko.ru/Themes/Baikal/>
346. bigcountry.ru/page1.php?idm=117
347. Citizer – Улан-Удэ. Поиск компаний.
URL: <http://buryatia.info/search>
348. URL: <http://www.marketologi.ru/>

Сокращения

бур. – бурятский

бур.-монг. – бурят-монгольский

в. - век

г. – год

ед. - единица

куб.м. – кубический метр

конт. - контекст

м. – метр

млн. - миллион

монг. – монгольский

оз. – озеро

орг. - организация

п., пос. – поселок

прз. - производство

р. – река

рус. – русский

руч. – ручей

с. – село

ст. – статья

тюрк. – тюркский

тыс. - тысяча

уменьшит.-ласкат. – уменьшительно-ласкательный

эвенк. – эвенкийский

**Нормативно-правовая база регулирования правоотношений
на территории Байкала**

Международное законодательство

- Официальное сообщение о включении озера Байкал в список участников мирового наследия от 20.01.1997;
- Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия от 16.11.1972;
- Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом, в качестве местообитаний водоплавающих птиц от 2.02.1971;
- Конвенция о биологическом разнообразии от 29.12.1993;

Федеральное законодательство

- Федеральный Закон «Об охране озера Байкал» // «Собрание законодательства РФ», 03.05.1999, № 18, ст. 2220;
- Федеральный Закон «О животном мире» // «Собрание законодательства РФ», 24.04.1995, № 17, ст. 1462;
- Федеральный закон РФ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» // «Собрание законодательства РФ», 27.02.1995, № 9, ст. 713;
- Федеральный закон РФ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // «Собрание законодательства РФ», 27.12.2004, № 52 (часть 1), ст. 5270;
- Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», №20, 14.05.2001, ст. 1972;
- Федеральный Закон РФ «Об особо охраняемых природных территориях» // «Собрание законодательства РФ», 20.03.1995, № 12, ст. 1024;

- Федеральный Закон «Об охране окружающей среды» // «Собрание законодательства РФ», 14.01.2002, № 2, ст. 133;
- Постановление Правительства РФ «О государственном земельном надзоре» // «Собрание законодательства РФ», 12.01.2015, № 2, ст. 514;
- Постановление Правительства РФ «О государственном экологическом мониторинге и государственном фонде данных государственного экологического мониторинга» // «Собрание законодательства РФ», 19.08.2013, № 33, ст. 4383;
- Постановление Правительства РФ «О порядке утверждения нормативов допустимого воздействия на водные объекты» // «Собрание законодательства РФ», 22.01.2007, № 4, ст. 514;
- «О порядке утверждения нормативов допустимых сбросов веществ и микроорганизмов в водные объекты для водопользователей»;
- Постановление Правительства РФ «О создании отраслевой системы мониторинга водных биологических ресурсов, наблюдения и контроля за деятельностью промысловых судов» // «Собрание законодательства РФ», 08.03.1999, № 10, ст. 1243;
- Постановление Правительства РФ «Об особенностях охраны, вылова (добычи) эндемичных видов водных животных и сбора эндемичных видов водных растений озера Байкал» // «Собрание законодательства РФ», 04.02.2002, № 5, ст. 533;
- Постановление Правительства РФ «Об утверждении перечня видов деятельности, запрещенных в центральной экологической зоне Байкальской природной территории» // «Собрание законодательства РФ», 10.09.2001, № 37, ст. 3687;
- Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о государственном контроле за геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр» // «Собрание законодательства РФ», 08.02.2010, № 6, ст. 651;

- Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения об округах санитарной и горно-санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения» // «Собрание законодательства РФ», 16.12.1996, № 51, ст. 5798;
- Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения об осуществлении государственного контроля и надзора за использованием и охраной водных объектов» // «Собрание законодательства РФ», 17.06.2013, № 24, ст. 2999;
- Постановление Правительства РФ «Об экологическом зонировании Байкальской природной территории и информировании населения о границах Байкальской природной территории, ее экологических зон и об особенностях режима экологических зон» // «Собрание законодательства РФ», 11.09.2000, № 37, ст. 3727;
- Постановление Правительства РФ «Положение о государственном контроле за охраной атмосферного воздуха» // «Собрание законодательства РФ», 17.06.2013, № 24, ст. 2999;
- Постановление Правительства РФ «О создании на территории иркутского районного муниципального образования иркутской области особой экономической зоны туристско-рекреационного типа» // «Собрание законодательства РФ», 12.02.2007, № 7, ст. 893;
- Постановление Правительства РФ «Об утверждении положения о проведении социального-гигиенического мониторинга» // «Собрание законодательства РФ», 06.02.2006, № 6, ст. 713;
- Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения об осуществлении государственного мониторинга водных объектов» // «Собрание законодательства РФ», 16.04.2007, № 16, ст. 1921;
- Распоряжение Правительства РФ «Об определении межведомственной комиссии координационным органом для обеспечения согласованных действий заинтересованных органов исполнительной власти в области

охраны озера Байкал» // «Собрание законодательства РФ», 04.09.2006, № 36, ст. 3850;

- Распоряжение Правительства РФ «Положение об осуществлении государственного мониторинга земель» // «Собрание законодательства РФ», 09.08.2010, № 32, ст. 4366;
- Приказ Минприроды «О порядке ведения государственного учета, государственного кадастра и государственного мониторинга объектов животного мира» // «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», № 19, 07.05.2012;
- Приказ Минприроды «Об утверждении границ Байкальской природной территории и ее экологических зон» // «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», № 19, 07.05.2007;
- Приказ Минприроды РФ «Порядок разработки и утверждения нормативов образования отходов и лимитов на их размещение» // «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», № 17, 26.04.2010;

Региональное законодательство

- Закон Республики Бурятия «Об особо охраняемых природных территориях Республики Бурятия» от 29.12.2005 № 1438-III;
- Закон Республики Бурятия «Об охране окружающей среды в Республике Бурятия» от 25 ноября 2005 № 1348-III;
- Закон Республики Бурятия «О лечебно-оздоровительных местностях, курортах и иных категориях особо охраняемых природных территорий в республике Бурятия» от 16 сентября 1997г. № 559-1;
- Постановление Правительства Республики Бурятия «О Порядке организации особо охраняемых природных территорий регионального и местного значений на территории Республики Бурятия» от от 11 июля 2006 г. №213 ;
- Постановление Правительсвта Республики Бурятия «О порядке охраны ООПТ регионального значения Республики Бурятия» от 21 декабря 2006 г. № 408;

- «О рекреационной местности «Лемасово» местного самоуправления Кабанского района»;
- Постановление Правительства Республики Бурятия «О согласовании положений о рекреационных местностях местного значения в Баргузинском, Селегинском и Северо-Байкальском районах» от 17 января 2006 г. № 13;

Эргонимы с компонентом Байкал

Транспорт

- «Байкал» — тип речных пассажирских судов.
- «Байкал» — паром-ледокол.
- «Байкал» — ракетный ускоритель для ракет семейства «Ангара».
- «Байкал» — название третьего лётного экземпляра корабля в рамках космической программы «Буран».
- «Байкал» — название нескольких изделий российского военно-промышленного комплекса.
  - «Байкал» — федеральная автомобильная дорога М51, М53, М55.
  - «Байкал» — фирменный пассажирский поезд Иркутск-Санкт-Петербург.
  - «Байкал» — авиакомпания.
  - «Байкал» — аэропорт в Улан-Удэ.
  - Байкал — железнодорожная станция, расположенная в посёлке Байкал на озере Байкал в истоке реки Ангары.
  - «Байкал» - служба заказа легкового транспорта.
  - «Байкал ТК», транспортная компания.
  - «Байкал групп», транспортная компания.
  - «Байкал сервис», транспортная компания.
  - «Байкал Транс», транспортная компания.
  - «Трансэкспрессбайкал», транспортная компания
  - «МАКТЭКБАЙКАЛ», транспортно-экспедиционная компания.
  - Байкальский терминал, транспортная компания.

Театры

- «Байкал», государственный театр песни и танца.

Общественные организации

- «Байкал Тендер», общественная организация.
- «Байкальские амазонки», общественная организация.
- «Байкальский фонд местного сообщества», общественная организация.
- «Байкальское общество защиты животных», общественная организация.
- «Байкальский экстрим», Федерация экстремальных видов спорта и путешествий Республики Бурятия, региональная общественная организация.

Центры

- «Байкал», муниципальный подростковый центр.
- «Байкал», республиканский центр недвижимости и трудоустройства.
- «Байкал» - центр народных традиций.
- «Байкал Мед», медицинский центр.
- «Байкал Тех», центр техобслуживания.

- «Байкалкурорт», центр санаторно-курортного лечения профсоюзов Республики Бурятия.

- «Байкалводресурсы», территориальный центр водных ресурсов по Республике Бурятия.

- «Байкальский диагностический центр», диагностический центр.

Гостиницы

- «Байкал-Плаза».

- «Северный Байкал».

- «Байкальский фарт», благоустроенная гостиница для рыбаков и охотников.

Торговля

- «Байкал», сеть магазинов.

- «Байкал Электро», магазин электрики.

- «Байкал Тайм», магазин.

- «Байкал – Терра», магазин антенного оборудования.

- «Байкал Экопродукты», магазин.

- «АлСибБайкал», магазин окон.

- «Виктория Байкал», оптово-торговая компания.

- «АлСиб Байкал», торговая компания.

- «Диалит Байкал», розничная торговля.

- «Касада Байкал», торговая компания (медицинские приборы).

- «РТД-Байкал», оптовая торговая компания (окна, двери).

- «ТБМ-Байкал», оптовая торговая компания (окна, двери).

- «Термекс Байкал», магазин бытовой техники.

- «Тимбермаш Байкал», продажа автомобилей.

- «Байкал-авто-лайн», продажа автомобилей.

- «Байкал Инвест Терминал», торговая компания – продажа киосков.

- «Окна Байкала», торгово-производственная компания.

- «Байкалоптторг М», оптовая компания.

- «БайкалТопас», торговая компания – системы отопления.

- «БайкалАвтоТрак», розничная торговля.

- «БайкалВент», торговый дом.

- «БайкалВторМет», торговая компания.

- «БайкалМАЗцентр», торговая компания.

- «Байкалнефтемаркет», торговая компания.

- «Байкалпро», торговая компания.

- «Байкалфарм», винно-водочный магазин.

- «Байкалфрост», магазин торгового оборудования.

- «БайкалПринт», торгово-сервисная фирма.

- «Байкалскладком», торговая компания.

- «Новый пласт-Байкал», оптовая компания.

- «БайкалСпецТехника», официальный дилер LiuGong Machinery Co.LTD в Восточной Сибири.

- «Альянс-Байкалнефтеобит», торговая компания.
- «Байкал Моторс», официальный дилер.
- «Байкал», продуктовый магазин.
- «Байкал-м», продуктовый магазин.
- «Байкальские канаты», торговая компания.
- «Байкальская региональная компания», торговая компания.

Заводы, компании

- «Байкал»,рыбозавод.
- «Байкал», строительная компания.
- «БайкалГео», геологическая компания.
- «Байкал Центропак»,производство упаковки.
- «Байкал Аудит», аудиторский контроль.
- «Байкал Гарант», правовая компания.
- «Байкал Мрамор», строительная компания.
- «Байкал Нордик», лесопромышленная компания.
- «Байкал-сервис», монтажная компания.
- «Амурвтормет Байкал», компания по утилизации черного металла.
- «БФК Байкал», торгово-монтажная компания.
- «ГидроСканд Байкал», производственная компания (резина).
- «Байкал», рыбообъединение.
- «Байкалагротех», компания.
- «БайкалГеоПроект», компания.
- «БайкалПрибор+», компания.
- «Байкалрыбхоз», компания.
- «БайкалСтройМеталл», компания.
- «Байкалэнерго», компания.
- «Байкалводпроект», компания.
- «БайкалВторДраг», перерабатывающая компания.
- «Байкалжилстрой», строительная компания.
- «Байкаллес», лесопромышленная компания.
- «Байкалстройком», строительная компания.
- «Байкалагропром», строительно-монтажная компания.
- «БайкалБетон», торгово-производственная компания.
- «БайкалВент», торгово-монтажная компания.
- «Байкалстрой», строительно-ремонтная компания.
- «Байкалтехпроект», проектно-производственная компания.
- «БайкалЭнергоСервис», торгово-монтажная компания.
- «ПлазмotechБайкал», научно-внедренческая компания.
- «Байкальская», дистрибьюторская компания.

- «Байкальская ипотечная компания».
- «Байкальская лесная компания», торгово-производственная компания.
- «Байкальская промысловая компания».
- «Байкальская соляная компания», оптовая компания.
- «Байкальская хлебная компания».
- «Байкальская энергетическая компания», производственный центр.
- «Байкальская юридическая компания».
- «Байкальский Страховой Дом», компания.
- «Байкальский Банк Сбербанка России, ОАО, Бурятское отделение №8601».

- «Байкальский литейно-механический завод», завод.
- «Байкальский центр правовой помощи», юридическая компания.

Средства массовой информации

- «Байкал-медиа».
- «Байкал финанс», информационный сайт.
- «Байкал Веб».
- «Байкал», литературный журнал.
- «Байкал ГИД», туристический журнал.
- «Байкал Daily», информационное агентство.
- «СТС-Байкал», телеканал.
- «БайкалКомСервис».
- «Байкал Медиа Консалтинг», информационное агентство.
- «Мир Байкала», журнал.
- «E-baikal.ru», информационно-новостной портал.
- «Звезды Бурятии & Байкала», журнал.
- «Бурятия-Республика у Байкала», журнал.
- «Baikalweb», интернет-премия.
- «Грань Байкала», байкальский информационный центр.

Связь

- «ГТК-Байкал».
- «Байкал-продакшн».
- «Байкал-Технологии».
- «Байкал-Техно».
- «Байкалвестком», сотовая компания.
- «Байкалнано», IT-компания.
- «Байкалсофт», IT-компания.
- «РДЦ М2М Байкал», региональный Диспетчерский Центр.

Досуг

- «Байкал», база активного отдыха.
- «Байкал», сауна.
- «Байкал Экспо», выставочная компания

- «Байкал ВТЛ», организация праздников.
- «Байкальская Ривьера», база отдыха.

Услуги

- «Байкал клиннинг».
- «Байкал ПромАльп».
- «Байкал Декор».
- «Байкал-Контакт», переводческий центр.
- «Байкал Оценка», оценочная компания.
- «Байкал Партнер», юридические услуги.
- «Байкал-Программистик».
- «Байкал-риэлт», агентство недвижимости.
- «Байкал city», агентство недвижимости.
- «Проект Байкал», архитектурная мастерская.
- «Про-Байкал», рекламное агентство.
- «Термокинг Байкал», ремонт машин.
- «Байкал Урал Авто», торгово-ремонтная компания.
- «Байкалэкосервис», группа компаний – утилизация отходов.
- «Baikalhouse», квартирное бюро
- «Байкалэксперт», аудиторская фирма.
- «БайкалПолимер», компания по укладке спортивных и резиновых покрытий.

- «Байкальская гавань», агентство недвижимости.
- «Байкальский Меридиан», рекламная группа.
- «Байкальский регион», агентство недвижимости.
- «БайкалАвтоТрак»Пункт технического осмотра, ООО

Банки

- АК Байкал-банк.

Туризм

- «Байкал-вояж», туристическое агентство.
- «Байкал-Тур».
- «Байкал-Интур», туристическая компания.
- «Байкал Арт», сувенирная продукция.
- «Нефритовый Байкал», туристическое бюро.
- «Байкал present», сувенирная продукция.
- «Техинвест Байкал» – туристическая компания.
- «Байкал-Наран Тур», туристическая фирма.
- «За Байкалом», туристическая компания.
- «БайкалДалай», туристическая компания.
- «Дали-Байкалтур», туристическое агентство.
- «Энергия Жизни», ООО, центр туризма Бурятии и Байкала.

- «Байкальские каникулы», туристическая компания.
- «Байкальский пилигрим», туристическое бюро.

Образование

- Байкальский экономико-правовой колледж, БЭПИ.
- Байкальский колледж туризма и сервиса.
- Байкальский колледж экологии и бизнеса.
- БЭПИ, Байкальский экономико-правовой институт.

Визуальные товарные знаки с компонентом Байкал

*Жемчужина
Байкала*

Товарные знаки с компонентом Байкал

№	Название	Классы МКТУ и перечень услуг
1	Байкальские вести	16 - газеты.
2	Деловой Байкал	16 - печатная продукция, периодические издания, в том числе журналы.
3	Байкальская лесная компания	19 - двери неметаллические; деревянные тонкие строительные материалы; доски для настилов, полов деревянные; древесина поделочная; древесина, частично обработанная; лесоматериалы обработанные; лесоматериалы, частично обработанные; лестницы неметаллические; окна неметаллические; окна створчатые неметаллические; пиломатериалы; строительные лесоматериалы; ступени лестниц неметаллические; тетивы лестниц неметаллические; паркет.
4	Байкал-ЭМ	01 - удобрения. 05 - фармацевтические, ветеринарные и гигиенические препараты; диетические вещества для медицинских целей.
5	Кедровое масло Байкал	03 - масла косметические из кедра. 05 - масла лекарственные из кедра.
6	Байкальская косметика	03 - абразивы, антинакипины бытовые, антистатик бытовые, аэрозоль для освежения полости рта, вазелин косметический, вата для косметических целей, вещества ароматические;
7	Байкальские звезды	16 - бумага, картон и изделия из них, не относящиеся к другим классам; печатная продукция; материалы для переплетных работ; фотоснимки;
8	БФК Байкал	19 - строительные материалы неметаллические для производства и установки окон; зеркальное стекло оконное строительное;
9	СтильБайкал	06 – каркасы строительные; коробки, косоуры лестниц; кровли; консоли строительные; материалы армирующие строительные; мачты, столбы, стойки, опоры стальные; облицовки для стен;
10	Армстронг Байкал	17 – материалы изоляционные; материалы звукоизоляционные; покрытия звукоизоляционные и звукопоглощающие в виде плиток и панелей; материалы уплотняющие; материалы

		герметические для соединений. 19 – материалы строительные; навесы (конструкции); настилы неметаллические; панели для обшивки стен; перекрытия; перекрытия потолочные; плитки; покрытия.
11	Байкальские краски	02 – белила [краски, красители]; белила свинцовые; грунтовки; замазки стекольные; краски алюминиевые; краски асбестовые; краски бактерицидные;
12	Байкальская легенда	20 – веера; изделия из когтей животных; изделия из копыт животных; изделия из оленьих рогов; изделия из рога, необработанного или частично обработанного;
13	Байкалит	06 – арматура строительная; листы стальные; материалы строительные; металл листовой; металлы обычные, необработанные ил частично обработанные; проволока; проволока стальная; трубы.
14	Байкальские продукты «Янта»	29 – мясо, рыба, птица и дичь; мясные экстракты; овощи и фрукты консервированные, сушеные и подвергнутые тепловой обработке; желе, варенье, компоты; яйца, молоко и молочные продукты; масла и жиры пищевые. 30 – кофе, чай, какао, сахар, рис, тапиока (маниока), саго, заменители кофе; кондитерские изделия, мороженое; мед, сироп из патоки; дрожжи, пекарные порошки; соль, горчица; уксус, приправы; пряности; пищевой лед.
15	Забайкальский гурман	29 – мясо, рыба, птица и дичь; мясные экстракты; бульоны, вещества жировые для изготовления пищевых жиров, желе мясное, изделия колбасные,
16	Родники Байкала	32 – воды; безалкогольные напитки.
17	Волны Байкала	32 - аперитивы безалкогольные; воды; коктейли безалкогольные; лимонады; напитки безалкогольные; напитки фруктовые; соки овощные; соки фруктовые.
18	Забайкальские минеральные воды	05 - воды минеральные для медицинских целей.

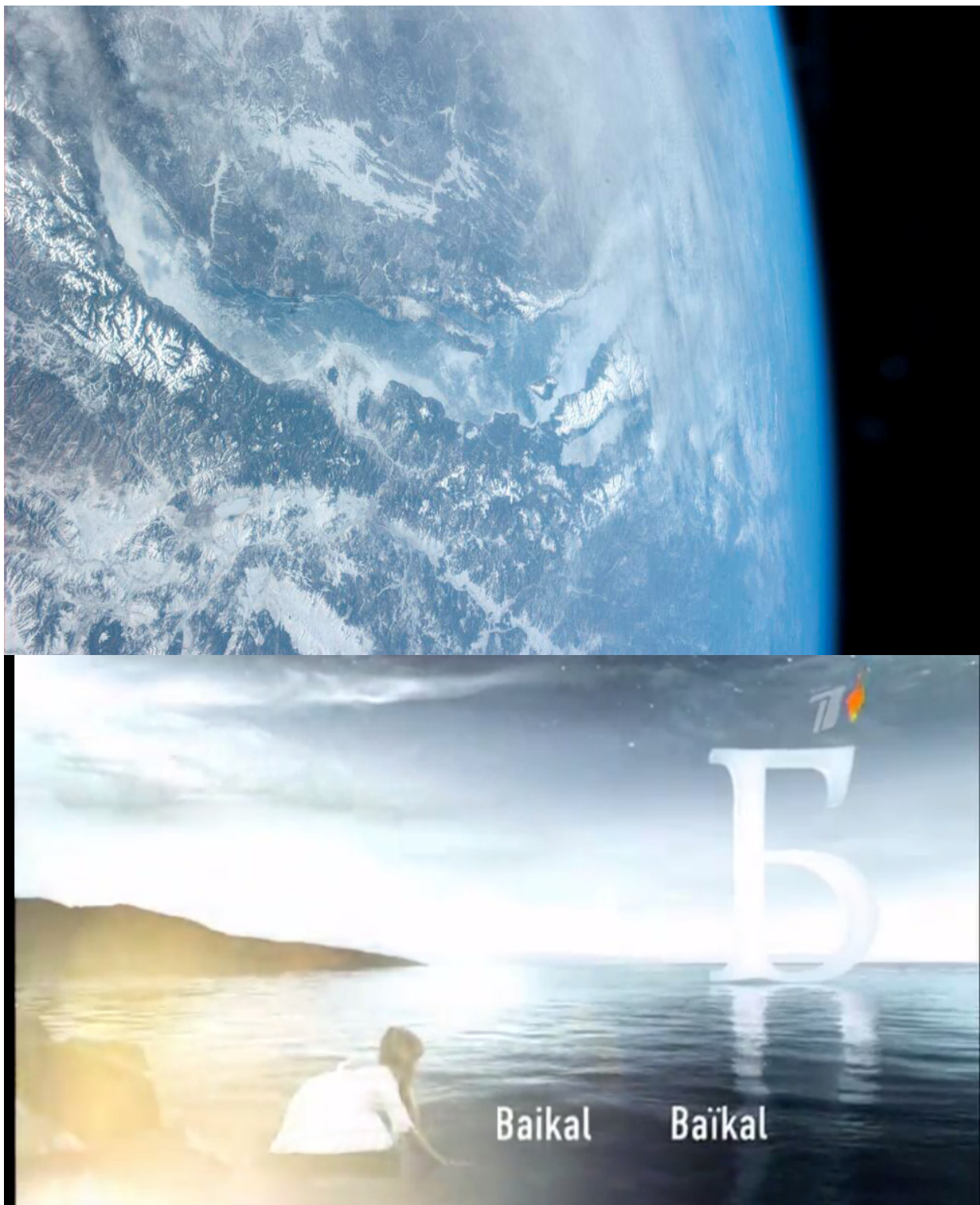
19	Байкальские родники	32 – безалкогольные напитки, в частности коктейли безалкогольные; аперитивы безалкогольные;
20	Байкаика/Baikalika	32 – минеральные и газированные воды и прочие безалкогольные напитки.
21	Байкальский источник	32 – воды.
22	Звезда Байкала/Baikal Star	32 – минеральные и газированные воды и прочие безалкогольные напитки; фруктовые напитки и фруктовые соки; сиропы и прочие составы для изготовления напитков;
23	Байкальский заповедник	32 – безалкогольные напитки, в частности коктейли безалкогольные;
24	Байкал	33 – водка.
25	Байкальский сувенир	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
26	Байкальская проба	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
27	Байкальская проба золотая	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
28	Байкальская проба серебряная	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
29	Байкальская проба платиновая	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
30	Хрустальный байкал	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
31	Золотой Байкал	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
32	Серебряный Байкал	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
33	Байкалия	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
34	Кристалльный Байкал	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
35	Звезда Байкала	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
36	Байкальская	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
37	Байкальская проба	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).

38	Священный Байкал	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
39	Седой Байкал	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
40	Байкалко	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
41	Байкальский кедр	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
42	Байкальский бриллиант	33 – алкогольные напитки (за исключением пива).
43	Байкалфарм	32 – пиво; минеральные и газированные воды и прочие безалкогольные напитки; фруктовые напитки и фруктовые соки; сиропы и прочие составы для изготовления напитков; напитки с незначительным содержанием алкоголя. 33 – алкогольные напитки, за исключением пива.
44	Берег Байкала	32 - пиво.
45	Байкальский шарм	30 – кондитерские изделия, а именно конфеты.
46	Байкальская черемушка	32 – кондитерские изделия, а именно конфеты.
47	Байкальская ночка	32 – кондитерские изделия, а именно конфеты.
48	Байкальская маска	30 - кофе, чай, какао, рис, тапиока (маниока), саго, заменители кофе; мука и зерновые продукты, мороженое;
49	Байкальский ключик	30 - кофе, чай, какао, рис, тапиока (маниока), саго, заменители кофе; мука и зерновые продукты, мороженое;
50	Байкальская южанка	30 - кофе, чай, какао, сахар, рис, тапиока (маниока), саго, заменители кофе; мука и зерновые продукты, хлебобулочные изделия, кондитерские изделия, мороженое;
51	Байкальская белочка	30 - кофе, чай, какао, сахар, рис, тапиока (маниока), саго, заменители кофе; мука и зерновые продукты, хлебобулочные изделия, кондитерские изделия, мороженое;
52	Байкальская загадка	30 - кофе, чай, какао, сахар, рис, тапиока (маниока), саго, заменители кофе; мука и зерновые продукты, хлебобулочные изделия, кондитерские изделия, мороженое;
53	Байкальский кедр	30 - кофе, чай, какао, сахар, рис, тапиока (маниока), саго, заменители кофе; мука и зерновые продукты, хлебобулочные изделия, кондитерские изделия, мороженое;
54	Байкальская	30 - кофе, чай, какао, сахар, рис, тапиока

	чародейка	(маниока), саго, заменители кофе; мука и зерновые продукты, хлебобулочные изделия, кондитерские изделия, мороженое;
55	Байкальский мак	30 - кофе, чай, какао, сахар, рис, тапиока (маниока), саго, заменители кофе; мука и зерновые продукты, хлебобулочные изделия, кондитерские изделия, мороженое;
56	Байкальский одуванчик	30 - кофе, чай, какао, сахар, рис, тапиока (маниока), саго, заменители кофе; мука и зерновые продукты, хлебобулочные изделия, кондитерские изделия, мороженое;
57	Байкальский вечер	30 - кофе, чай, какао, сахар, рис, тапиока (маниока), саго, заменители кофе; мука и зерновые продукты, хлебобулочные изделия, кондитерские изделия, мороженое;
58	Байкальские легенды	30 - изделия кондитерские, конфеты, какао, какао-продукты, карамели, мороженое, мюсли, печенье, пироги, приправы, сладости, специи, хлеб.
59	Байкальский метеорит	30 - изделия кондитерские, конфеты, какао, какао-продукты, карамели, мороженое, мюсли, печенье, пироги, приправы, сладости, специи, хлеб.
60	Байкальская птичка	30 - изделия кондитерские, конфеты, какао, какао-продукты, карамели, мороженое, мюсли, печенье, пироги, приправы, сладости, специи, хлеб.
61	Забайкальский институт железнодорожного транспорта, филиал.	16 - печатная продукция; учебные материалы и наглядные пособия. 41 - обеспечение учебного процесса.
62	Путешествие по Байкалу	30 - бисквиты, блины, булки, вафли, изделия кондитерские для украшения новогодних елок, изделия кондитерские из сладкого теста преимущественно с начинкой,
63	Живое серебро Байкала	29 - икра, клей рыбий пищевой, консервы рыбные,

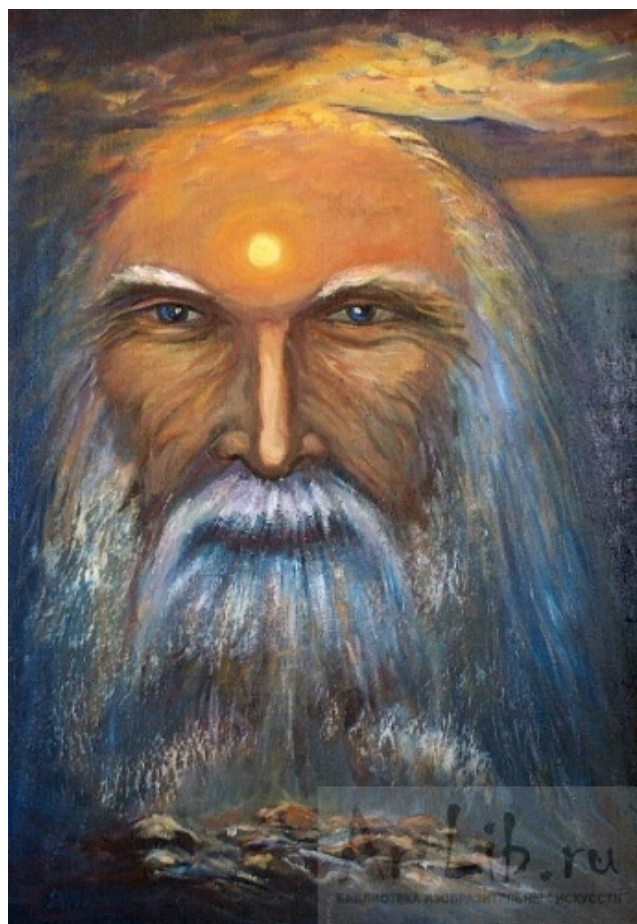

**Байкал, как символ буквы «Б», в Олимпийском алфавите
(церемония открытия XXII Олимпийский игр в г. Сочи)**

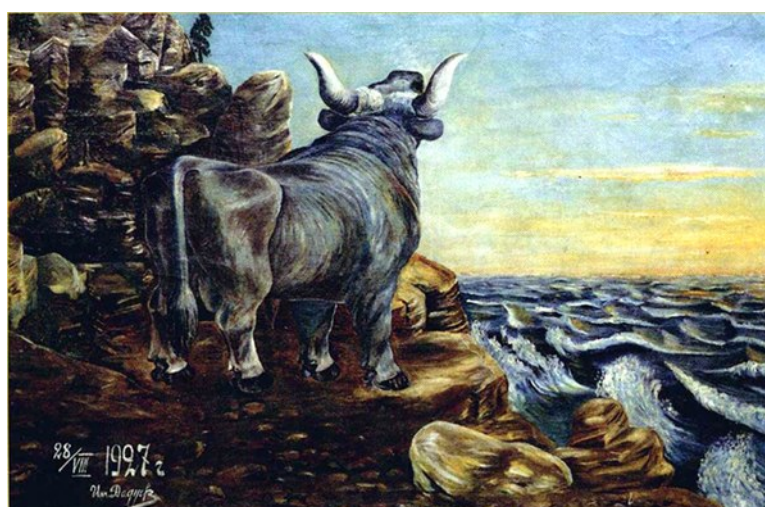
Источник: http://russia.tv/video/show/brand_id/48863/episode_id/964832

Байкальские мотивы в региональном изобразительном искусстве

П. Вильчинский, «Батюшка-Байкал»

Источник: <http://www.artlib.ru/index.php?id=11&fp=2&uid=14825&iid=186726>

И. Дадуев, «Буха-нойон»

Источник: <http://www.asargaev.com/photo/uuseum/>